

Ахмедхан Абу-Бакар

СНЕЖНЫЕ ЛЮДИ

ПРОЛОГ

Эта история не досужий вымысел; ее рассказал мне отец, когда я качал люльку его внука.

Кичи-Калайчи

В самом слове «аул» слышится далекий, протяжный, давний зов человека, затерянного между скал и ущелий, где лишь громкое эхо невнятным гулом отзывается на его «ау». Этим словом, ныне исчезающим из обихода, называли в Дагестане стеснившиеся, будто от ужаса, отчаяния и сиротства, от жестокостей холода и непогоды, каменные замшелые серые сакли, запятнанные лепешками кизяка и чудом прилепившиеся на крутых склонах гор.

Однажды я сбился с дороги в горах и по давнему совету наших старцев опустил повод, надеясь, что конь сам отыщет верный путь; но, мирно цокая подковами по кремням и гранитам, он завез меня в какие-то глухие места; впрочем, гнедому, наверное, были издавна знакомы кое-где уже поросшие стелющейся травой, кое-где загроможденные свалившимися со скал валунами и пересыпанные оползнями узкие заброшенные тропы, что ведут к величавым вершинам Дюльти-Дага, увенчанным вечным снегом. Внезапно конь остановился; он бил копытом в землю, он недовольно качал головой, встревоженный, будто укоряя себя за какой-то промах.

Я огляделся. Острая боль сжала сердце.

Сотнями пустых оконниц, черных дверных проемов глядел на меня оставленный людьми аул Шубурум. Шу-бу-рум! Будто вызывающий свист холодного ветра, протяжный вой в печной трубе, тоскливый вопль горного волка... Еще недавно здесь жили люди, которых с усмешкой называли «небожителями». А ныне брошен аул на одичалой тропе, как поношенная, старая, много раз залатанная, дырявая, не раз промокавшая под ливнями и просыхавшая на солнце овчинная шуба.

Сакли полуразрушенные, сакли в змеившихся по стенам трещинах, сакли с рухнувшей крышей... И посреди них мечеть, поднявшая в небо минарет, словно умирающий воздел последним усилием руку, взывая к аллаху. Что произошло здесь? Обвал? Землетрясение? Или, быть может, страшный мор проник в заоблачное селение, и все, кого не унесли на кладбище, в панике бежали из аула? Не потому ли так жалобно стонут полусорванные с петель ставни и плачет ветер, сдувая остатки золы из очагов, возле которых грелись когда-то веселые семьи горцев... Порой черные от копоти, порой белые, серые, синие внутренние стены комнат, полки и ниши, занавешенные пыльной паутиной, каменные полы, почерневшие от сырости. В узких улочках мечется заблудившийся ветер. Ни дымка, ни лая собаки, ни мычания идущей с пастбища коровы, ни звучного рыдания осла... Не

слышно здесь и колыбельной песни, прерываемой плачем ребенка, не слышно и смеха детей, и говора взрослых...

Неподалеку на древнем кладбище стоят надгробные резные камни в рост человека: словно собрались и смотрят, окаменев от горя, предки тех, кто покинул эти сакли, эти крохотные поля-терраски на горных склонах, ныне позаросшие буйной растительной дрянью... Здесь и там слышится треск и скрип ветхих балок, тяжелое падение камня из рушащихся домов.

Я видел, как умирает человек. Я видел не раз, как умирает горный тур. И вот теперь вижу, как умирает селение, оставленное людьми...

Дико озирается мой конь. То ли тоска покинутого аула передалась ему, то ли печаль воспоминаний о детстве и первом добром хозяине-шубурумце... Наконец конь фыркнул и, понуро мотнув головой, словно пытаясь смахнуть невольную слезу, повернул обратно.

Повод опущен. Я не понукаю коня и знаю: он исправит ошибку и все-таки отыщет правильный путь.

А я думаю о последних днях Шубурума.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОГИЛЬЩИК И ПОХЛЕБКА

Все началось с хинкала из свежей бараньей грудинки, который сварила в одно из воскресений прошлой осени Хева, жена сельского могильщика Хажи-Бекира. Это было то самое воскресенье, когда из города третий раз приезжал уполномоченный уговаривать шубурумцев переселиться с бесплодных гор на свободные земли Прикаспия, в благодать и раздолье, где построен и ждет новоселов вполне современный поселок. Но, как и прежде, упрямые шубурумцы не пожелали оставить обжитые ветхие сакли.

Люди медленно расходились по тесным проулкам, и казалось, что они входят в чьи-то ворота, за которыми видны еще ворота, и еще, и еще. Неторопливо шли старцы, уже заказавшие себе надгробные плиты (конечно, без последней даты) и как бы взглянувшие на свою собственную могилу, что отчего-то наполняет их гордостью и ощущением отрешенности, почти святости; громко разговаривая, шли озабоченные горцы и горянки, окруженные детьми. Перекликаясь, смеясь, бежали дети, еще не знающие, что в мире существует смерть, и не желающие ничего знать об этом; им некогда, уже сейчас, сегодня ждут сотни радостных дел, а впереди предстоят дела еще интересней, еще радостнее — даже дух захватывает! И все вокруг говорили, говорили громко и возбужденно; так смутным и грозным гулом наполняют дупло встревоженные пчелы, когда медвежонок просунет туда мохнатую лапу... По дороге здесь и там люди останавливались и, размахивая руками, доказывали друг другу то, с чем большинство давно согласилось, чему противились лишь немногие; каждый горячо поддерживал собеседника; право, это походило на разговор глухих: «Ты на базар?» — «Нет, на базар!» — «А я думал, ты на базар...»

Увы, так всегда бывает с детьми и шубурумцами: не удалось уговорить сразу — и чем больше проходит времени, тем больше возрастает их упорство, тем больше придумывают они доводов и резонов.

— Это кощунство — бросить могилы отцов!

— Нет, нет, нет, этого нельзя допустить! Здесь и земля нас знает, и мы ее знаем.

— Недаром бабушки причитали: «Да спасутся наши дети от чудовища, живущего на равнине!»

— Вы же помните нашего великого борца Мушлука из Шубурума, который поборол всех борцов мира, а помер от укуса маленького комара на равнине? Да, да, маленького малярийного комара!

— Если земли Прикаспия и вправду так хороши, то почему же они до сих пор оставались пустыми? Отчего раньше не нашлись люди, которые хотели жить легко и богато?

— В сказках всегда текут медовые реки...

Но вскоре говор прошел и затих в отдалении. Возвращаясь с собрания, Хажи-Бекир вспомнил, что дома ждет его хинкал из свежей грудники. Конечно, подобная трапеза требует словоохотливого собеседника и доброго вина. И Хажи-Бекир взял в сельмаге трехлитровую бутылку сухого геджухского вина и по пути домой все посматривал: кого бы пригласить в гости?

Но пока Хажи-Бекир был в сельмаге, люди торопливо разошлись: у каждого нашлись неотложные осенние заботы, да и день выдался на редкость солнечный и теплый. Одни спешили на маленькие поля убирать ячмень и кукурузу; другие размашисто косили поздние травы на скудных лужайках меж скал и на лесной опушке, чтобы набрать колхозному стаду еще стожок-другой; третьи работали на скотном дворе, на птичнике, приручали лошадей из табуна, что вернулся с летних пастбищ. Словом, в колхозе у всех было дел по горло: только неустанным трудом можно прокормиться на скудных землях Шубурума... Но Хажи-Бекира мало интересовали колхозные заботы, он избрал более доходную профессию — он могильщик, его дело — погребать усопших и готовить надгробные камни. Труд, конечно, не очень веселый — это хорошо понимает Хажи-Бекир, но кому-то надо делать и это. Да и платят неплохо — кто даст деньги, кто сыр, масло, отрез материи, даже барана. Впрочем, сам Хажи-Бекир никогда ничего не просит, довольствуется тем, что дают. И радость и недовольство он прячет в душе.

Шел Хажи-Бекир по аулу важно, вразвалочку, походкой, которую горцы называют: «И это мое и то мое!» Он знал себе цену, знал, что каждая семья в ауле рано или поздно обратится к нему. По привычке сельский могильщик брился редко: полузаросшее щетиной лицо, по его мнению, больше соответствовало скорбному ритуалу погребения... Был могильщик неуклюж, тяжел; темные волосы начинались почти от самых бровей, а лицо казалось неумело вытесанным из жесткого камня... Он шел и озибался, и все не

находил достойного сотрапезника. Не приглашать же этого наглого зубоскала, колхозного охотника Кара-Хартума, что тащит, посмеиваясь, убитого кабана: единственный в ауле, он ест свиней, проклятых пророком Магометом... Или вот председатель сельсовета Мухтар, уважаемый человек, но почему-то он считает Хажи-Бекира бездельником, нахлебником, почти тунеядцем и все требует выправить патент на эту жалкую работу могильщика. А какой же Хажи-Бекир патентованный могильщик?! К тому же «сельсовет Мухтар», как всегда, спешит, словно где-то уже занялся пожар... Разве с ним получится спокойная трапеза?

А разве можно удостоить чести быть гостем вон того несчастного человечка, парикмахера Адама, хромого горбуна, что идет сейчас навстречу, сопровождаемый ватагой сорванцов, которые кривляются за его спиной. Могильщик глянул на ребят исподлобья — и они остановились; могильщик шевельнул похожими на усы бровями — и ребята провалились как сквозь землю, только за углом еще слышался торопливый бег многих ног.

— Чего они от меня хотят?! — взмолился Адам голосом пронзительным, как визг пилы. — Я же им плохого не делаю...

— А ты не обращай взимания...

— Я не обращаю, но они... Добрый день, Хажи-Бекир! — спохватился Адам, вспомнив, что еще не поздоровался.

— Здравствуй, Адам. Ну, как твои дела? Чью дочь собираешься сватать? — усмехнулся Хажи-Бекир.

Он знал, что бедняга парикмахер вот уже лет десять тщетно ищет себе подругу жизни и в Шубуруме, и в окрестных аулах. Сам-то могильщик женился два года назад и был доволен женой, заботливой и послушной. Вряд ли Хажи-Бекир любил Хеву, но уже привык к ней, как и к своей работе, привязался и даже скучал, если жене случалось отлучиться. Впрочем, и вообще-то не слишком разговорчивый — в ауле ходила поговорка «болтлив, как могильщик», — Хажи-Бекир считал непристойным беседовать с женой, а тем более делиться мыслями или советоваться. Наверное, все-таки профессия влияет на характер человека... А может быть, профессию выбирают по характеру?

Хажи-Бекир смотрел на Адама с полупрезрительной улыбкой.

— Теперь о девушках и не мечтаю, — вздохнул Адам, — хоть бы вдовушка согласилась. Поверь мне, дорогой Хажи-Бекир, до чего же грустно одному в сакле: ни огня в очаге, ни котла на огне... Не с кем даже перекинуться словом.

— А жизнь, что ни день, к могиле ближе!

— Да, да, жизнь уходит, а близкого человека все нет.

— Сочувствую, дорогой Адам. Жестокими стали люди.

— Нет, не жестокими, — возразил парикмахер, — просто они же не знают, как я любил бы, как обожал ту женщину, которая вошла бы в мою саклю; как берег бы ее, как бы лелеял! Столько во мне, дорогой Хажи-Бекир, еще нетронутой нежности... Наверно, не меньше, чем снега на Дюльти-Даге...

И горбун печально покачал большой головой, снова вздохнул и снова заговорил; не мог остановиться, как соловей, и было безразлично, кому петь — дубовому пню, цветущему лугу, мрачному буйволу, веселому жеребенку; говорил, потому что говорилось.

— Сказать по правде, дорогой Хажи-Бекир, надо быть одиноким среди людей, чтобы оценить женщину. Иногда в моих снах является прекрасная незнакомка, и так с ней бывает хорошо, будто надо мной зажглась лампада. Это не Ширин, не Лейла, но и о ней нельзя рассказать простыми словами...

Не тем она дорога для меня, Что телом стройна и легка, А тем, что душою прекрасна она И шепчет мне ласковые слова...

Когда парикмахер читал стихи, его голос смягчался и делался почти музыкальным.

— Ого, я вижу, ты поэт!

— Да нет. Эти строки из чужого хурджина. А ты читаешь поэтов, Хажи-Бекир?

— Мне не до них, а им не до меня...

— Завидую я поэтам! Каким бы ни был калекой поэт, его всегда любят женщины. Иной человек похож на большой орех, а внутри пустой. А поэт — это всегда орешек с целебным душистым ядром.

— Бывает, бывает... — произнес Хажи-Бекир, с удивлением чувствуя, что смотрит на парикмахера уже с уважением, даже почтительно. — Да, да, черствые у людей души! — Хажи-Бекиру и в самом деле стало жаль этого простодушного человечка. — Была б у меня дочь, клянусь, выдал бы за тебя.

— Правда, Хажи-Бекир?!

— Правда.

— Спасибо хоть на добром слове. Есть ведь на земле и хорошие люди, потому и не теряю надежды, — сказал Адам и заковылял своей дорогой, но вспомнил и обернулся. — К твоей сакле, Хажи-Бекир, сейчас подъехал всадник. Поспешి встретить гостя.

И Хажи-Бекир поспешил, пытаясь догадаться, кто б это мог быть, и теряясь в догадках. Он даже пожалел, что не пригласил еще и парикмахера: где двое, там и третьему сыщется место.

А гостем оказался давний знакомый — бродячий мулла Шахназар, тот самый, что два года назад случайно заехал в Шубурум и обвенчал по незатейливым правилам шариата Хажи-

Бекира с Хевой. Вдобавок и мулла и могильщик — оба трудятся для мира загробного; один расхваливает тот свет, другой помогает людям туда переселяться... Став могильщиком, суеверный с детства, Хажи-Бекир почувствовал себя священнослужителем и даже выучил наизусть несколько сур из Корана на арабском языке, в котором не понимал ни единого слова... Лукав мулла Шахназар, это про него сказано, что на двери вешает баранью голову, а внутри продает собачье мясо. Потому и приходится ему кочевать из аула в аул, стараясь не задерживаться. Еще говорят, что раньше на вопрос: «Много ли у вас грамотных?» — отвечали: «Один мулла!» А теперь, когда спрашивают: «Много ли у вас неграмотных?» — отвечают теми же словами: «Один мулла!» Чем дальше, тем труднее приходится Шахназару, и мулла пришел к выводу, что если раньше шайтаны существовали отдельно от людей, то теперь люди и есть шайтаны; как говорится, чужая-то спина видна, а своей не видать!

Друзья поднялись в саклю, когда Хева, такая же могучая, дородная, как Хажи-Бекир, черпаком уже раскладывала по тарелкам хинкал — галушки, сваренные в бульоне из свежей бараньей грудинки.

— Выходит, в самый раз успел! — воскликнул Шахназар, поправляя перстом усы, чтобы не лезли в рот, и засучивая выше локтей рукава старого бешмета.

— В самый раз, в самый раз, — подтвердил Хажи-Бекир, доставая подушки из ниши.

Хева постелила на пол клеенку, поставила мясо в плоской деревянной посуде, галушки в тарелках и отдельно приправу — чеснок с орехами, залитый простоквашей. Хозяин и гость сели на подушки, скрестив под собой ноги по обычаю горцев.

— Откуда грудинка? — спросил Шахназар.

— Хоронили позавчера одного коммуниста... Ты его знаешь: был учителем.

— Басмиллях... — пробормотал Шахназар, выбирая кусок полакомее. — Нет ничего лучше доброго хинкала для усталого человека.

Ели они с превеликим удовольствием, запивали хмельным виноградным соком: в наше время даже служители пророка отбросили как устаревшее запрещение вина мусульманам, ибо все равно нет на земле безгрешных людей. Ели и вели непринужденную беседу о том, о сем и обо всем прочем.

Могильных дел мастер недоумевал: как это, дескать, ангел смерти Азраил поспевает изымать души сразу из араба в Африке и мусульманина в Восточном Пакистане? На что мулла с деловым видом отвечал:

— Чему ж ты удивляешься? Вон на реке Сулак построили электростанцию, и один человек каждый вечер нажимает кнопки, а в разных аулах и разных саклях одновременно загорается свет. Так это ж люди, а не ангелы!

Затем Хажи-Бекир посетовал, что вот, мол, отнимают кусок хлеба: два раза вызывали в сельсовет, грозили выслать из аула, если не займется полезным трудом.

— А я его спрашиваю, этого самого Мухтара: да разве ж бесполезна работа — предавать земле усопших?!

— А он что?

— Говорит: прежде за такое стыдились требовать плату! Но я и не требую. Разве я когда-нибудь спорил? Скупой недоплатит, щедрый прибавит: я все беру... Эх, зря я нынче поднимал руку против переселения!

— А что, разве и тут говорят о переселении?

— Давно.

— Помилуй аллах! Да как же правоверные могут оставить святые могилы отцов?! Срам! Какой срам!

— Срам, конечно... А что будешь делать?

— Нет, горцу не место на равнине, хотя бы там жареные чуреки росли на деревьях. Аллах давно приблизил нас к своему престолу, как же пренебречь милостью бога? Не соглашайтесь!

— Да мы и не соглашаемся.

— Ничего! Все уладится. А ты, главное, кайся, когда еще позовут в сельсовет. Наговаривай на себя. Сельсовет любит, когда у человека есть само-кри-ти-ка.

— Мужчине не честно говорить одно, а делать другое! — удивился Хажи-Бекир.

— Ничего! Все равно черного барана не отмоешь добела... Но если людям нравится, не жаль мыла, мой да усмехайся в бороду.

Беседа текла мирно, все больше согреваясь хмелем. Небо над саклей было ясным, нигде ни облачка. А между тем неотвратимо приближалась гроза — вместе с бульоном из медного котла, которым горцы всегда завершают трапезу. Никто ничего не подозревал. Хева налила жирный бульон в глубокие узбекские пиалы и первую подала гостю, а вторую поставила перед мужем, сказав: «Пейте, пока не остыло!»

Развеселившийся от вина Хажи-Бекир поднял обеими руками пиалу и, забыв, что горячий жир сродни расплавленному металлу, разом вылил в глотку добрую половину. Ох, что было! От ужаса глаза могильщика выкатились и остекленели, вывалилась из рук пиала, облив горячим колени; захрипел и поперхнулся несчастный; вскочил, схватившись руками за горло, заплясал, затопал и, взглянув на побледневшую Хеву, прорычал роковые слова:

— Талак-талак, талми-талак!

И грянули эти слова в сакле, как небесный гром, как горный обвал, как выстрел из пушки.

Странное дело, смысл этих слов не только нам, живущим сегодня, но и тем, кто веками покоится на склоне горы Буйволиный Череп, усеянном надгробиями, не был никогда понятен. Этих слов нет ни в одном толковом словаре, ибо и толковать в них нечего. Они ничего не значат, пока не произнесешь их вслух, а тогда это — бомба, брошенная в дымоход, раскалывающая саклю, как грецкий орех, тушащая уютное пламя домашнего очага, разрушающая семью. Поэтому автор советует быть чрезвычайно осторожным в обращении с этими словами, ни в коем случае не произносить их вслух в присутствии своей жены, матери твоих детей, особенно если в доме есть посторонний человек, и он не глух, как пень.

У муллы шевельнулись усы, словно у кота, почуявшего мышь. Осторожно отодвинул он от себя пиалу, поглядел на Хеву, поглядел на корчившегося хозяина... Музыканту радость, когда играют свадьбу; мулле радость, когда у людей ссора. Шахназар потер подбородок.

— Ай-яй-яй, до чего ж, наверное, тебе больно, дорогой! И как могла жена не предупредить?! А все-таки не следовало произносить эти слова, хотя... Может, я ослышался, а? Может, ты вообще их не произносил, а?

— Могу повторить! — просипел обваренным горлом Хажи-Бекир.

— Нет! — отмахнулся обеими руками Шахназар. — Зачем повторять? Да, что ж делать? Что же делать! Лучше бы, конечно, не говорить их, но уж если сказаны, — пусть свершится!

И Шахназар повернулся к Хеве:

— Эй, женщина, ты слышала, что он сказал?

— Слышала...

— Так чего же ты стоишь? Больше ты ему не жена!

— Я... а! — пытался возразить Хажи-Бекир, но лишь невнятное бульканье вырвалось из его горла.

Молча повернулась Хева, молча открыла дверь, молча переступила порог. И только в последний миг не сдержалась: хлопнула дверью что было силы. Так уж воспитали ее родители — покорной древним обычаям, привыкшей скрывать желания и мысли, привыкшей повиноваться! Хлопнула дверью — и это было уже дерзостью! Хлопнула и ушла к родным. Теперь Хева при живом муже считалась вдовой.

МУЖ ВЫДАЕТ ЖЕНУ ЗАМУЖ

Часа два метался по комнате Хажи-Бекир, как раненый медведь. И все время Шахназар старался разными средствами утолить его боль. Лучше всего помогала ледяная вода, которую пил из кумгана маленькими глотками могильщик. Уже в третий раз услужливо наполнил Шахназар кумган, хотя живот Хажи-Бекира был полон водой, как бурдюк овечьим молоком.

Но по мере того как стихала боль, возрастало раскаяние: с уходом Хевы в сакле стало неуютно и пусто. В эти минуты Хажи-Бекир ненавидел своего желанного гостя: как-никак Шахназар — строгий блюститель горских традиций, и не будь его в сакле, могильщик мог бы как-нибудь вывернуться, сказать Хеве... Ну, мало ли что можно сказать в утешение обиженной жене!

Наконец он не вытерпел и горестно воскликнул, обращаясь к Шахназару, который перебирал янтарные четки с красной кисточкой:

— Что ж это я наделал?! А!

— Ты о чем? — спокойно спросил мулла, на секунду перестав бормотать молитву.

— Как о чем?! Разве не видишь, что я разрушил семью?

— Не велика беда. И потом, ты же сам произнес эти слова, а словно бы упрекаешь меня.

— Нет, не упрекаю. Но ведь я сгоряча!

— Сгоряча не сгоряча, но слово мужчины твердо.

— Да, но как же... Что теперь делать?!

Шахназар едва заметно усмехнулся:

— Ты знаешь, что говорил турецкий султан, когда оказывалось, что отрубили голову не тому, кому следовало отрубить? Не знаешь? Он просто молчал, набрав воды в рот. Набери и ты.

— Но я не хочу жить одиноким! — завопил Ханш-Векир.

— Чем восстанавливать из черепков кувшин, лучше слепить новый! Ты знаешь, что должно предшествовать возвращению прежней жены?

— Да, я знаю, но не желаю, чтоб к моей Хеве прикасался какой-нибудь негодяй.

Дело в том, дорогой читатель, что по строгим правилам неписаного закона разведенная такими словами жена может вернуться лишь после того, как хотя бы на одну ночь станет женой другого. Наутро новый муж должен бросить ей в лицо ту же формулу развода. «Дико!» — скажете вы. Но что делать: таковы правила шариатского брака!

Странно устроены люди! Ну, погорячился, а теперь жалеешь, — казалось бы, чего проще: пойди, извинись, покайся. Словом, поговори с обиженным откровенно и честно. Но нет: выдумали люди разные правила, законы, обычаи, загромождали ими жизнь, как старой мебелью квартиру, к великой радости разных мошенников и пройдох, из тех, что умеют пролезть в замочную скважину... Кому из нас не приходилось, в сотый раз потирая ушибленную коленку, сокрушенно думать: ну, зачем мне столько ненужного старья? Оставить бы самое необходимое человеку...

— Но это неизбежно, — строго возразил Шахназар.

— Ты поищи, ты можешь найти выход!

— Все в руках аллаха...

— Сколько?

— Чего сколько?

— Проси сколько хочешь, но верни жену такой, как ушла, — сказал Хажи-Бекир. — Сто рублей...

— Не хочу уподобиться торгашу, — ответил Шахназар, поглаживая щеку двумя пальцами. Могильщик хорошо знал повадки муллы.

— Хорошо, я согласен. Пусть будет двести...

— Надо подумать, подумать... Ох, как плохо думается! Отчего бы это, а? — удивлялся Шахназар. — Худо, брат, когда в кармане свистит ветер...

И только когда Хажи-Бекир достал из кисета и передал ему две сотенные бумажки, служитель веры глубоко и надолго задумался. И вдруг изрек мысль, в которой для удрученного могильщика был маленький и неуверенный, но все же проблеск надежды.

— Есть у тебя в ауле человек, на которого ты можешь положиться, как на самого себя?

— Для чего? — не понял Хажи-Бекир.

— Для видимости мы обвенчаем с ним Хеву, приведем к нему, договоримся, чтоб он ее не трогал, а утром Хева вернется к тебе.

Хажи-Бекир хорошенько поразмыслил и просиял. Да, Шахназар не дурак, знает, как и что делать, чтоб из черепков снова склеить кувшин. Но теперь надо очень и очень крепко подумать: кому бы довериться? Может быть, Одноглазому Раджабу, колхозному кладовщику? Но он женат... Как же приведешь к нему Хеву? Нет, не годится. Может, договориться со старым Али-Хужой? Слишком болтлив и ни за какие деньги не сохранит тайны...

— Ну, есть у тебя такой человек в ауле? — снова спросил мулла.

— Есть! — вдруг обрадованно вскричал Хажи-Бекир. — Есть!

— Кто он?

— Адам. Ты знаешь его: жалкий, маленький, горбатый человечек.

— А Хева согласится?

— Уговорим! Ты же умеешь стращать людей: пугни ее родителей, а они свое сделают. Да и зачем им содержать дочь-вдову?

— А он, этот горбун, женатый?

— Нет, что ты! Кто за него пойдет замуж.

— Тогда за дело! Не будем откладывать!

И Шахназар решительно поднялся.

Мулле не терпелось. Теперь, когда деньги лежали в кармане, он стремился поскорее совершить обряд и уехать. Давний опыт подсказывал: не дожидаться, что вырастет из посеянного; недаром говорится — баба сеяла бобы, да уродились клопы!

Прежде всего они посетили родителей Хевы, а Хажи-Бекир, как подобает горцу, учтиво склонил голову и попросил прощения; затем извинился перед Хевой, хотя обожженная глотка еще болела и могильщику больше всего сейчас хотелось отстегать жену плетью. Но что делать? Надо выглядеть смиренным. «Ну, а плетка своего дождется, — думал Хажи-Бекир, — только бы вернулась». Шахназар произнес долгую проповедь о страшных карах в загробном мире ослушникам и упорствующим, ибо сказано, что от котла — сажа, от злого — злое, и еще говорится, что от добра человек расцветет, а от злого засохнет... Словом, рассуждал, не умолкая, так, что борода шевелилась, и двигалась, и прыгала, и дергалась, и металась, а под конец мулла погладил ее, словно похвалил, и заключил проповедь сурой из Корана на арабском языке, которой не поняли и оттого больше испугались. Первый раз в жизни Хева пыталась возразить, но родители настояли, и она покорилась.

Втроем направились к сакле Адама.

Стадо уже вернулось в аул, сгустились сумерки, над крышами поднялись дымы, зажегся свет в окнах, и ребятишки покинули улицу, торопясь к ужину. Сакля Адама одиноко стояла за аулом, на отшибе, словно бы ее отогнали прочь за какую-то провинность перед обществом. И возле сакли росло единственное в поселке дерево, — Впрочем, не абрикос, не слива, не яблоня, а всего лишь тополь. Никто из стариков не может припомнить, чтобы когда-нибудь привозили в аул саженцы таких бесполезных деревьев, и на вопрос, откуда же взялся тополек, только разводят руками да поднимают к небу глаза, как бы намекая на вмешательство самого аллаха.

Ни одно окно не светилося в безмолвной сакле; Адам питался всухомятку, огня в очаге не зажигал, ужина не готовил. Со дня рождения сельский парикмахер ни разу не побывал в городе, не пришлось, но жадно расспрашивал о городе других. Больше всего восхищало Адама, что там не надо ничего готовить дома, что можно пойти, заплатить и съесть, что хочешь, — молочный суп, лапшу с курицей, а еще лучше суп из фасоли, а на второе добрый кусок мяса, поджаренный на углях, или плов из чечевицы. Право, это почти райская жизнь! Как хотелось Адаму поселиться там, где есть харчевня, где есть гостиница, где есть клуб и каждый вечер (даже, говорят, и днем!) показывают кинокартины. Вот только переселяться одному не хотелось, да и боязно, да и трудно расставаться с односельчанами: плохие они или хорошие, но Адам к ним привык и только сердится, что упрямые шубурумцы не желают спуститься к берегу моря со своих голых скал. Как всегда, Адам пораньше лег спать, чтоб поскорее забыть одиночество, развлечься сладкими мечтами и добрыми снами, в которых жадно целовал и девушек и вдовушек; целовал — и был счастлив! От этого счастья пробудил Адама стук в ворота. Сначала он думал, что и стук ему снится, но стучали уж слишком упорно и громко: так во сне не стучатся. Сонный, теплый, пошатываясь спросонья, Адам кое-как оделся и в шлепанцах поспешил к воротам; шел, и ему чудилось, что он не Адам, а герой народной сказки Палдакуч, к которому вот так же постучали ночью, а когда Палдакуч открыл, у ворот стояла черноглазая, чернокошая красавица и говорила: «Ты звал меня во сне, вот я пришла!»

Наконец, заскрипев, отворились ворота, и парикмахер узнал поздних гостей. Недоумевая, пригласил в саклю. Когда засветилась керосиновая лампа, глазам пришельцев предстала комната, в которой все было неприбрано, разбросано, неопрятно; не сразу удалось найти места, где можно было сидеть.

Перебивая друг друга, размахивая руками, мулла и могильщик стали объяснять Адаму, что от него требуется. Вскоре у горбуна голова пошла кругом: неискушенный в тонкостях шариата, полусонный, он совсем растерялся; сперва пытался расспрашивать, но чем больше объясняли, тем меньше понимал и, наконец, почел за благо просто соглашаться со всем, что говорили эти почтенные люди. И когда его спросили: «Ну, как?» — он промолвил, солидно кивнув: «Все ясно!»

На всякий случай Шахназар и Хажи-Бекир еще несколько раз повторили все сначала, а затем мулла приступил к обряду бракосочетания. Он посадил рядом невзрачного Адама и статную Хеву — совсем так же, как два года назад посадил рядом Хеву и Хажи-Бекира.

— Как тебя звать? — спросил мулла, остановив бег четок в руке.

— Ты что, смеешься надо мной, что ли?! — вознегодовала Хева. — Ты что, не знаешь, как меня звать? Да я же сегодня кормила тебя хинкалом...

При воспоминании о хинкале у могильщика возобновились боли в глотке; он сморщился и плюнул: слюна была горькой. Шахназар недовольно покачал головой, и возмущенная Хева хлопнула в ладоши.

— Вахарай! И не стыдно, такой большой человек, и так врет... — Она повернулась к Адаму. — Понимаешь, он отрицает, что я угощала его хинкалом...

— Я не отрицаю, — возразил Шахназар. — Прошу не перебивать и отвечать, когда я спрашиваю. Так нужно.

— Отвечай, когда говорят! — вставил и Хажи-Бекир.

— А ты не приказывай, ты мне не муж! — перебила Хева, сама удивляясь своей дерзости; впрочем, она все еще чувствовала себя незаслуженно обиженной.

Мулла не дал Хажи-Бекиру возразить ни слова, еще раз объяснил, что совершается религиозный обряд и надлежит совершать его чинно и благолепно.

— Итак, как тебя звать, женщина?

— Хевой зовут меня. Хе-вой!

— Ты согласна стать женой этого человека, что смиренно сидит рядом с тобой?

Мулла показал на Адама, который смотрел на Хеву о жадным любопытством, не в силах отвести глаз.

— Нет! — сказала Хева.

— Не говори так, дочь моя... Время дорого каждому! — как мог мягче сказал Шахназар.

— Скажи, хорошая, «да»! — пролепетал Адам.

— Ну, да!

— Будешь ли ты, дочь моя, любить этого человека до той поры, когда смерть разлучит вас? — снова спросил мулла.

— Что ты говоришь? — встрепенулся Хажи-Бекир. — Как так?! Завтра она должна вернуться...

— Да не мешай ты... Так надо! Ну, отвечай, дочь моя!

— Нет. То есть да...

Уже и Хева устала от всей этой канители.

— Хорошо, дочь моя! А тебя как звать? — обратился мулла к парикмахеру.

— Что? — Горбун не сразу понял, что обращаются к нему.

— Как звать, спрашиваю.

— Меня?

- Конечно же, не меня, раз я спрашиваю.
- Меня же каждая собака знает...
- Имя, имя твоё!
- Адам. Но так меня никто не называет.
- Не о том речь. Согласен ты стать мужем этой женщины, что сидит рядом с тобой, покорно склонив голову?
- Ещё бы!
- Ты будешь любить её до той поры, когда смерть разлучит вас?
- Да. Готов любить и после смерти.
- В таком случае пророк согласен, чтобы вы были мужем и женой! — возгласил мулла.
- О, благодарение тебе, пророк! — Адам воздел руки к пыльному потолку.

Шахназар пробормотал молитву и добавил, обращаясь к Хеве:

- Ты уйдёшь от него, как только он скажет те слова, что сегодня произнес твой бывший муж. Поняла?
- Поняла, — покорно отозвалась Хева.
- Ну, дело сделано — вассалам-вакалам! Мне пора в дорогу, а тебе, Хажи-Бекир, домой.
- Да, да! — сказал Хажи-Бекир и встал. Улыбнулся горбуну, похлопал по плечу и сказал:
- Ну, Адам, смотри! — И погрозил пальцем.
- Хажи-Бекир, дорогой, не беспокойся: век не забуду твоей доброты. Спасибо, что сдержал слово. Ты настоящий мужчина!
- Какое слово?! — удивился Хажи-Бекир.
- Ты же сегодня клялся выдать за меня дочь. Ну, дочери нет — так ты привел свою жену. Вот ты какой добрый! — восхищенно сказал Адам, провожая гостей. У дверей он обернулся к Хеве. — А ты, дорогая, приготовь добрый ужин: надо же нам отметить такой день!
- Ну и противный у тебя голос... — промолвила Хева.
- Что голос, родная! Селезень некрасиво крикает, да нежно любит...
- Смотри-ка, говорит как настоящий муж! — засмеялся Шахназар.
- А что ж?! — весело возразил Адам.

— Ну-ну, валяй! — сказал Хажи-Бекир, довольный, что все наконец уладилось, и, оглянувшись, добавил: — А ты, Хева, не давай себя в обиду.

— Еще чего! — буркнула Хева, разжигая огонь в очаге. — Хватит с меня обид: сыта по горло...

— Зачем обижать?! — заголосил Адам. — На руках буду ее носить!

Мулла и могильщик так и прыснули, представив Хеву на руках у маленького горбуна: шутка была превосходной.

И только Хева даже не улыбнулась. Всегда безропотная, она делала все, что приказывали родители; потом вышла замуж и стала делать все, что приказывал муж и что должна, по ее представлениям, делать жена: стирала белье, доила корову, готовила еду, прибирала в доме, стелила постель, точила долота, которыми муж выбивал орнамент и надписи на каменных надгробьях.

Адам проводил гостей до сакли Хажи-Бекира, где Шахназар вскарабкался на коня; тут мулла впервые увидел на парикмахере хорошую каракулевую папаху и сразу попросил охрипшим от жадности голосом ее продать. Однако благодарный и щедрый горбун предложил обменяться; впрочем, папаху муллы была еще не слишком поношенной...

Довольный Шахназар уехал в ночь, мурлыкая в бороду известную песню: «Хорошо, когда все хорошо, когда светит солнце, хорошо, когда в небе месяц, хорошо, когда в кармане деньги! Легко шагать, легко дышать, легко быть умным, когда есть деньги!...»

А парикмахер поспешил в сельмаг, чтобы купить к ужину такую же бутыл, какую видел сегодня в руках Хажи-Бекира: человек неопытный, он думал, что жен необходимо поить светлым геджухским вином.

А когда с бутылкой вернулся домой и открыл дверь, застыл, не веря глазам: в комнате было прибрано, чисто, уютно и тепло, в очаге весело потрескивали дрова и плясало золотистое пламя, на огне кипел котел, а у очага сидела Хева и готовила приправу к чечевичной похлебке. Пораженный, стоял горбун, не смея переступить порог. «Вот что значит женщина в доме!», — думал он очарованно.

— Что стал? Заходи! — сказала Хева. И Адам вошел в комнату.

СЛУХИ РОЖДАЮТСЯ НА ГУДЕКАНЕ

А Хажи-Бекир, чтоб сократить ожидание, сразу лег спать. Но было в сакле непривычно тихо, не слышалось рядом дыхания Хевы, комната казалась пустой и неуютной, и могильщик тщетно ворочался с боку на бок. Не стерпев, оделся Хажи-Бекир, плюнул в сердцах и обещал Хеве завтра же добрую порку, а пока пошел, чтоб скоротать вечер, на сельский гудекан — место, где собираются жители села побеседовать, обменяться

новостями, сообща подумать над происходящим в Шубуруме, в Дагестане, на всем земном шаре и даже в космосе.

Шел Хажи-Бекир темными проулками, изредка освещенными скудным светом из окна сакли, шел, гремя камнями, оступаясь, но было все это ему привычно, обыкновенно; и Хажи-Бекир никогда не думал, что можно жить иначе, что где-то есть освещенные улицы, асфальтовые дороги, сады и парки, кино, театры, концерты, выставки... Пока человек не знает, что есть в мире апельсины, он довольствуется морковкой. Многим в ауле казалось, что им хорошо живется — есть хлеб, есть во что одеться, есть сакля, есть очаг, есть куры, есть козы и даже бараны... Столетия могли бы пройти над Шубурумом, и все оставалось бы прежним. Беда, когда человек спокоен, когда покидают любознательность и дерзость, горячее недовольство собой и другими: стареет тогда человек, обрастает жиром да ленцой, из живого существа делается полурастением, которому довольно тепла да пропитания...

Шубурумский гудекан уютно устроился под навесом веранды сельского охотника Кара-Хартума. Как известно, горская сакля по второму этажу опоясана поднятой на столбах верандой. Вот здесь-то под верандой и лежат в беспорядке камни да бревна, на которых сидят собеседники. Когда охотник дома, он ставит на окошко в первом этаже керосиновую лампу... В Шубуруме все еще нет клуба, хоть и не раз решали всем миром, что клуб надо построить. Вот и приходится довольствоваться гудеканом под верандой, а редкие киносеансы да лекции устраивать в мечети. Впрочем, люди не ропщут: на гудекане собирались отцы, собирались и деды, и оттого здесь все вроде бы даже мило сердцам внуков.

Сегодня тут много народу. В горном ауле под самыми снегами Дюльти-Дага вечера холодные, и люди одеты тепло, все больше в тулупах с длинными рукавами. На самом почетном камне восседает худощавый старик Али-Хужа. В прошлом был Али-Хужа красным партизаном, в схватке с турками при ауле Маджалис потерял большой палец на правой руке, но и теперь, забывшись, иной раз восклицает: «Во!» — и выставляет правый кулак без пальца. Был Али-Хужа горячим энтузиастом новой жизни, первым спустился с гор на всенародную стройку, когда рыли Октябрьский канал, чтоб оросить засушливые земли у Каспия. Но и он с годами поутих и выдохся среди спокойных, самодовольных шубурумцев, стал просто сельским балагуром. Но в этом есть у него неугомонный соперник, старый Хужа-Али, с которым, говорят, со дня рождения Али-Хужа еще ни разу не сошелся во мнениях. Скажет Али-Хужа, что это белое, а Хужа-Али уже протестует: «Неправда, черное!» И никакие посредники — маслиатчи — не могут их привести к общему знаменателю. И, пожалуй, к лучшему: ведь из белого с черным только и может получиться серость. Впрочем, сегодня Хужа-Али на гудекане нет, и оттого беседа тише обычного и серьезней: говорят о переселении вниз, на равнину. Али-Хужа жалеет, что не смог утром прийти на собрание.

— Я бывал на равнине, — говорит, — видал, какой поселок поставили наши прежние соседи. Можно так сказать: стали люди, наконец, людьми! Виноградники такие, что за

день не объехать на машине. В каждом доме вода, канализация, чистота, уют, в окна заглядывают деревья, птицы на все голоса заливаются... И в каждом доме кино.

— Какое кино? — спросил кто-то, почесывая затылок.

— Называется те-ле-ви-зор. Лежи на диване и смотри, что делается в Африке, в Америке, в Махачкале, во всем мире...

— Во всем мире?!

— Да, только наш аул там не показывают. Эх, жаль, я не был на собрании! Уж я бы сказал.

— И без тебя говорили! — возразил Одноглазый Раджаб, кладовщик: он заново перестроил свою саклю и теперь не желал никуда переселяться. — Не беспокойся, всех спросили — да или нет!

— И ты сказал «нет»?! Ишак длинноухий! Ну, что хорошего в этой свалке камней? — Али-Хужа повел рукой вокруг. — Не спрашивать, а гнать надо всех отсюда, гнать в шею...

— На то и Советская власть, чтоб спрашивать, — ответил Раджаб, развертывая газету и пытаясь читать в слабом свете, падавшем из окна сакли.

— Осли тянули в рай — уши оборвали, оттаскивали назад — хвост оторвали. Разума у нас мало! — горько заключил Али-Хужа. — Э, да что говорить, из слов плова не сделаешь... Дай-ка кусок газетки, скручу сигарку.

Вот тут и подошел сельский могильщик Хажи-Бекир. Хоть и шел он, важно переваливаясь, а на душе скребли кошки: вдруг здесь уже знают, что случилось с ним нынче?! Но, видно, никто не знал, и Хажи-Бекир, учтиво поздоровавшись, присел рядом с Раджабом.

— Чего уткнулся в газету, как лошадь в торбу с сеном? — снова повторил Али-Хужа. — Дай, говорю, бумажки...

— Погоди, почтенный! Тут новости... — отмахнулся кладовщик.

— Какие там еще новости! Все новости знаем...

— Еще человек полетел в космос, — вставил Искендер, секретарь сельсовета.

— А что ж, вполне может быть, — согласился Али-Хужа. — Я своими глазами видел — там на равнине, — как без насадки выводят цыплят. В наше время этим не удивить.

Али-Хужа не торопясь освободил из-под шубы грудь, вынул из газыря патрон и высыпал на ладонь... Вы думаете, порох? Нет, самый обычный табак. Как видите, и в старую форму можно вложить новое содержание.

— Мы живем все-таки в атомный век! — важно произнес Кара-Хартум. И все вспомнили недавнюю — месяцев пять назад — лекцию про атом, в которой шубурумцы ничего не поняли, но единодушно кивали, соглашаясь с лектором. И только Хужа-Али попросил разрешения задать вопрос... «Все понятно! — сказал он. — Одного я не понимаю: как в конфету „подушечка“ попадает повидло — в самую середину?!» И сейчас, вспомнив Хужа-Али, многие засмеялись, а старый Али-Хужа нахлобучил Кара-Хартуму папаху на самые глаза, промолвив: «Эх ты, век атома!»

Наступила тишина. А тишина на гудекане всегда бывает недолгой и тревожной, как в родильном доме до первого крика новорожденного.

— Вах, вах, вах! — испуганно вскричал Одноглазый Раджаб. — Что только творится!

— Чего пугаешь людей?! — Али-Хужа улучил момент и все-таки оторвал добрый клочок газеты. — Вах, ты удивлен, будто балка упала на голову! Что такое?

— О, недобрая весть! Что теперь будет, люди?! — заголосил Одноглазый.

— Дай, я прочту! — Кара-Хартум хотел выхватить газету, но кладовщик не дал.

— Вот тут, — он хлопнул рукой по газете, — написано, что напали на след каптара...

— Кого, кого? — раздались тревожные голоса.

— Каптара.

— А что это такое?

— Да вы что, люди? Кто не знает каптара?! Это же снежный человек! В газете написано, что его видели в горах Памира и в наших горах.

— Ну-ка, ну-ка, дай сюда! — Кара-Хартум вырвал наконец газету из рук Одноглазого Раджаба и присел поближе к окну.

— А что ж, все может быть... — вставил Али-Хужа, слюнявя край сигарки. — Я сам своими глазами видел, как без насадки выводят цыплят. Ничего удивительного!

— Каптар? Уж не он ли кричал вчера ночью? — сказал и Хажи-Бекир.

— Да, да, я тоже слышал крик, — подхватил Кара-Хартум. — Такой крик, что даже подумал — будет обвал!

Люди на гудекане зашевелились, сгруппировались. В этих местах, где часто бывают лавины и камнепады, где от молний погибают люди, где в самый жаркий месяц бывает неслыханный град, от которого чабанов не спасают даже бурки, — в этих местах легко верят слухам. А уж если написано в газете...

— И я слышал!

— И я!

— Неужели это кричал каптар?! — усомнился Искендер и почесал под папахой.

— Только каптара нам и не хватает... — тяжело вздохнул Хажи-Бекир.

— Снежный черт! Чудеса! — воскликнул, будто очнувшись, Одноглазый Раджаб.

— Я твоего отца знал. Я твоего деда знал. Прадеду твоему брил голову — такие же были черты, как и ты! — усмехнулся Али-Хужа, и глубоко затянулся, и выпустил дым из ноздрей, и оглядел встревоженных людей на гудекане, удивляясь, что никто не отозвался смехом на шутку.

Но шубурумцам было не до смеха. С детства им сказывали страшные сказки о каптарах, пугали этими безобразными, страшными дьяволами вечных снегов, которые, случалось, съедали одиноких путников живьем. И хотя никто никогда не видел каптара, но шубурумцы могли бы по давним сказкам описать его внешность. Не сходились они только в одном: человек это или животное?

— Говорили о крике? — спохватился Раджаб, большой любитель, как выражаются горцы, сыпать соль на свежую рану. — Да ведь и я слышал! Ужасный крик! На мне будто ежи затеяли пляску. До утра не сомкнул глаз.

— Чепуха! — прервал Али-Хужа. — Я ничего не слышал.

— Да тебя и пушкой не разбудишь, — возразил Кара-Хартум, — сам же рассказывал, как в гражданскую войну у тебя под носом украли паровоз на станции Манас.

Но и эта шутка не рассмешила людей.

К гудекану подошел чем-то взволнованный Хамзат, племянник Али-Хужа. В прошлом году окончил Хамзат ветеринарный институт, его направили в Шубурум, и он повиновался, хоть и с неохотой.

— На тебе лица нет, что с тобой, а? — спросил его секретарь сельсовета Искендер.

— Беда! — глухо ответил Хамзат, и все головы разом повернулись к нему.

— Какая беда?!

— Волки зарезали племенного быка. Вчера ночью... Вообще, здесь у меня не жизнь, а сплошные неудачи... Кто даст закурить, друзья?

В ауле уважали ветеринара, и со всех сторон протянулись руки с раскрытыми пачками папирос. Тут Искендер не удержался, достал и себе папиросу из случившейся близко коробки, хоть у самого в кармане лежала полная пачка. Такой уж характер у человека!

— Нашел о чем печалиться?! — возразил Раджаб. — Все равно бык слишком велик, а наши коровы чуть побольше осла, вот и не могли разродиться: дохли... Тут, брат, беда похуже...

— Что еще стряслось! Что-то вы все здесь вроде бы напуганные...

— Понимаешь: появился снежный человек. Каптар! Я сам слышал его крик и до сих пор...

— Не можешь опомниться?

— Не смейся, Хамзат, тут дело серьезное. А вдруг он придет в аул?!

— Подумаешь, велика беда, если каптар пощекочет тебе пятки.

— А если он залезет на мой склад? А там... у меня документы, счета, всякий хапур-чапур... А? Небось об этом вы не подумали?

— Очень нужны ему твои бумаги!

— Эхе, зло шутишь, Хамзат! А вдруг он подожжет бумажки? Чтоб погреться. Ему пустая забава, а мне, кладовщику, под суд.

Хамзат усмехнулся.

— Каптар — это животное. Зверь. А звери боятся огня и не умеют зажигать спички. Ты лучше скажи, как это ты прошлый год ухитрился списать на крыс два центнера брынзы? Знаешь, как говорится: пусть котел открыт, но и у кошки должна быть совесть!

— Вах, я сам поражаюсь, какая это прожорливая тварь — крысы. Каюсь, не усмотрел. Признаю: виноват...

— А коли так, — вмешался Али-Хужа, пользуясь правом старшего (на гудекане не положено перебивать словесные поединки), — собери-ка ты, братец, со всего аула кошек и береги колхозный сыр.

— А разве кошки не едят брынзу?! — удивился кладовщик.

Как порыв ветра, прокатился смех по гудекану.

— Съедят, да не столько, — сказал Хамзат, похлопав кладовщика по плечу. — Я вот ищу тему для научной работы. Не взяться ли за изучение этих прожорливых шубурумских крыс? Как думаете, люди добрые?

— Эхе, разве пристойно мужчине, носящему очки, заниматься такой подлой тварью?! — воскликнул, не сдержавшись, Кара-Хартум. — Ты бы, дорогой Хамзат, занялся каптаром. Вон даже в газетах пишут о снежном человеке...

— Да не человек он, а животное, — возразил Хамзат.

— Кто бы ни был! Сразу прославишься на весь мир, — обрадовался Раджаб возможности отвлечь людей от своего склада. — Ученый Хамзат, сын Абдурахмана из рода Али-Хужи, уроженец аула Шубурум! Хорошо звучит?

— А ведь звучит! — воскликнул Кара-Хартум.

Люди шутили и не знали, как метко их шутка попала в цель. Хамзат давно искал тему для диссертации, и ему не хотелось брать простую, обыденную тему, на которые так много и так скучно пишут диссертации. Нет, он мечтал о теме сенсационной; ему хотелось прославиться и тогда вырваться навсегда из осточертевшего Шубурума. В конце концов было бы здорово — диссертация «О происхождении, биологических формах и поведении каптара, также называемого снежным человеком».

«Это же целина для ученого!» — думал Хамзат.

В тот вечер во все сакли Шубурума вошла ошеломляющая весть о появлении снежного человека. Как видите, на гудекане не только рождаются сказки, истории, не только складывают песни — здесь возникают и слухи, легенды, сплетни, в которые свято верят доверчивые шубурумцы.

Даже Хажи-Бекир и тот, лежа в постели, долго размышлял о каптаре и даже увидел его во сне, но почему-то очень похожим на горбатого парикмахера Адама.

АДАМ И ХЕВА

В Шубуруме, как во всех горных аулах, рано ложились и рано вставали, особенно осенней порой, когда так много неотложных дел. Пропел петух, заалело небо на востоке над горами Ассаламуалайкум, окрасились нежным пурпуром снежные вершины гор Ваалайкумсалам. Замычали коровы, которых погнали горянки в аульное стадо, заревели буйволы, оглушительно зарыдали ослы, залаяли собаки. Столбами поднялись утренние думы и влились в высокие прозрачные облака. Все приметы обещали погожий день.

Были в ауле заботливые хозяйки, которые в этот ранний час уже возвращались с узлами травы: из травы торчали рукоятки серпов. Устало шли горянки, согнутые ношей, а мужчины стояли у саклей и хвастались друг перед другом: «Моя-то, моя: больше всех тащит! Вот жена так жена!»

Да, здесь, в горном ауле, все лежало на женских плечах. И не только потому, что машинам здесь не проехать, не развернуться, а вьючных ишаков мало, но и в силу давнего обыкновения. «Ишак в хозяйстве — лишняя забота, — говорили горцы. — Зачем? Слава аллаху, в доме есть жены, сестры, невестки...» И горянки с малолетства привыкали к тяжелому труду, им и в голову не приходило возмущаться или протестовать, ведь так живут все! Здесь, в горах, каждый работал сколько мог, насколько хватало сил. Иначе нельзя: лето короткое, не поработал до седьмого пота — зимой придется ох, как туго. Лишь у служащих сельмага и сельсовета, больницы и школы, у парикмахера был свой рабочий день, а дома их семьям приносила отдых только ночь.

Один сельский могильщик жил в ауле свободным художником: ложился, когда вздумается, и вставал, когда захочется. В конце концов люди помирают не каждый день. А заготавливать много надгробий впрок не следует: заказчики начнут перебирать и капризничать... Да и могут счесть недоброй приметой: «Ох, скажут, сколько смертей ты желаешь аулу!»

Легко было бы Хе́ве управиться с несложным хозяйством Адама: ни коровы, ни овец, ни кур, ни собаки; даже кошка не трется у ног в сиротливой сакле парикмахера. Но то и дело застывает рука Хе́вы с поленом, которое надо подложить в очаг, с тряпкой, которой она стирает пыль в стенной нише. Застывает рука, а на лице появляется странная, смущенная улыбка. Словно удивляясь, поведет Хе́ва плечом, вздрогнет, оглянется в пустой комнате и укоризненно покачает головой: что-то, мол, неладное делается с тобой, Хе́ва! И снова кипит работа в ее сильных, проворных руках. А там опять остановится и оцепенеет. Вот взяла осколок зеркала (говорят, у сапожника нет сапог, а у парикмахера доброго зеркала), взяла зеркало и смотрится в него с удивлением и любопытством.

Тут постучали в дверь. Хе́ва поспешно положила зеркало и обернулась.

— Входи, чего ж ты стучишься в свою саклю, — громко сказала она.

Дверь открылась, но вошел не Адам, вошла сельский врач Айшат, которой доверено здоровье шубурумцев. Как истая горянка, Айшат усердна, заботлива, она ведет прием в амбулатории, лечит в больничке на четыре койки, ходит по вызовам на дом, проводит больных и без приглашения: словом, не исполняет обязанности, а живет и волнуется. Вот и сейчас она прибежала в отдаленную саклю, испугавшись, что Адаму стало плохо, а человек он одинокий... Вчера велела Адаму вторично явиться на прием, горбун не пришел, и встревоженный врач уже стучится в саклю...

— Хе́ва?! — воскликнула Айшат, переступив порог.

— Да... — смущенно ответила Хе́ва. Были они давние подруги и не раз, бывало, вместе готовили в девичьей комнате пельмени — курзе. Но по-разному сложилась судьба: Хе́ва рано бросила школу, помогала матери, а там выдали замуж за мрачного Хажи-Бекира; Айшат сумела одолеть науки, стала даже врачом, а все еще только мечтает о женихе, который должен быть человеком необыкновенным и, конечно, не шубурумцем. И теперь, когда подруги встречались, Хе́ва становилась робкой и смущенной, может быть, оттого, что Айшат считалась в ауле большим человеком.

— Ты здесь?

— Да...

— Как ты сюда попала?!

— Садись, подружка, — тихо сказала Хева, улыбнулась, потянула Айшат за рукав к тахте. — Давно мы с тобой не сидели рядышком. — Хева приложила ладони к зардевшимся щекам. — Правда, я сегодня не такая, как всегда? Да?

— Правда... А что случилось?

— Ой, прямо стыдно тебе рассказывать... Понимаешь... Ну, словом, меня выдали замуж.

— За кого?!

— За Адама.

— Как?! Ничего не понимаю! Ты же была замужем за Хажи-Бекиром!

— Ну, это было вчера. Да ты послушай...

И Хева стала рассказывать. Айшат слушала, и негодовала, и возмущалась, и замечала, что раз Хажи-Бекир обварился, надо его вызвать в амбулаторию; и никогда не думала, что еще молодой человек, всего-то Хажи-Бекиру тридцать лет, может быть таким идиотом; наверное, все-таки виновата профессия могильщика; ну, а что же Адам?

И в голосе врача явственно прозвучало любопытство.

Тут Хева смутилась окончательно.

— Понимаешь, он совсем, ну, совсем не такой...

— И Адам не такой?! И ты?

— Ну, понимаешь, совсем не такой, как Хажи-Бекир, как отец, как все другие мужчины в нашем ауле...

— Ах, ты вот о чем! Ну, конечно, не такой. Он, бедняга, больной...

— Ой, Айшат, я вовсе не о том... Да он, может, лучше здорового! Он же совсем-совсем другой...

— Ну, какой же он, Хева? Станный, что ли? Да?

— Ну, может быть, да, немножко чудной... Понимаешь, всю ночь, всю-то ноченьку напролет он говорил, говорил, говорил.

— Воображаю! Ты, наверное, измучилась...

— Нет! Совсем нет... Я засыпала, просыпалась, опять засыпала, а он чирикал, щебетал, ворковал...

— А ты хоть расслышала, что там... говорил Адам?

Хева снова прижала ладони к горячим щекам и опустила глаза.

— Разные... слова...

— Ой, Хева! — воскликнула в отчаянии Айшат. — Легче принять ребенка у роженицы, чем поговорить с тобой. С этим каменным пугалом, с Хажи-Бекиром, ты вовсе разучилась говорить!

Хева подняла глаза: удивленные, недоуменные, сияющие.

— Не сердись, подружка! — тихо попросила она. — Я скажу тебе... Он говорил слова, которые я слышала разве только в детстве.

— В детстве?!

— Да, от матери... И больше никогда; понимаешь, никогда; Я уж и позабыла их. А теперь...

Хева вдруг поднялась, выпрямилась, провела ладонями по груди, по бедрам, спросила зазвеневшим тревожным голосом:

— Вот ты скажи мне, скажи правду, подружка: я ведь ничего? Я ведь еще красивая? Да?

— Ты очень красивая, Хева, — ответила Айшат неуверенно; сильно хотелось ей ободрить, поддержать подругу. Так бывает весной, когда разорвутся тучи, и солнце пригреет на лесной опушке какую-нибудь дикую сливу, и в одну ночь зашевелиятся и приоткроются, как сонные глаза, бутоны, и выглянут на свет нежно-розовые лепестки. Кто захочет морозным дыханием убить их нежную красоту? Айшат глядела на Хеву и в самом деле чувствовала, что она стала другой: непосредственной, свободной, веселой, гордой! Перед Айшат стоит молодая женщина, которая вдруг ощутила свою привлекательность и силу.

— Конечно, я не Ширин, ради которой рушил скалы Фархад; не Лейла, которую искал и не мог найти Меджнун, но я...

— Ты лучше, ты — Хева! — обняла ее Айшат, привлекла, снова усадила на тахту рядом.

— Я сказала неправду, Айшат, — говорила Хева, блестя глазами. — Он говорил и те слова, мамины, которые я слышала маленькой, ребенком. Но еще он говорил много-много и других слов, которых я в жизни не слыхала, даже не знала, что такие бывают...

— Скажи, подружка! Ну, припомни... Ну, хоть немножко.

Айшат разбирало любопытство.

— Я же не могу так красиво говорить. И слышала-то первый раз! Ну, хорошо, хорошо, попробую вспомнить... Постой, постой! Кажется, так... — Хева, запинаясь, произнесла: — «Ты не тем дорога для меня, что телом стройная, легкая, а тем, что душой ты прекрасная и шепчешь ласковые слова...»

Она подумала и заключила:

— Как будто бы так...

— Да это же стихи! — воскликнула Айшат.

— Ну, значит, стихи, — согласилась Хева. — А скажи, подружка, может быть... Может быть так, что Адам... Ну, сам придумал... эти стихи?

— Не думаю! — осторожно возразила Айшат. — Как будто бы я читала их в книжке.

— Тебе виднее. Наверное, так... — но тут же запротестовала: — А все-таки я знаю, я уверена, что Адам может и сам придумать, сочинить стихи! И вовсе он не бедный, не больной, нет! Он самый здоровый, самый богатый в Шубуруме. И должно быть, не только в Шубуруме! Да!

— Ой, ты зачаровала меня своим превращением, — спохватилась Айшат. Радость Хевы странно отозвалась в сердце врача: ей и самой захотелось такой радости; Айшат поймала себя на том, что завидует подруге. Да, да, завидует! — Ну, я пошла.

— Да посиди, мне так хорошо с тобой. Посиди.

— Зайду в другой раз. Больные ждут...

И подруги расстались. Хева еще раз погляделась в зеркальце, поправила волосы, открыла немного шею, грудь, провела рукам по талии — ей было легко. Ей казалось, что нежные, мягкие, как пух снежной синицы, слова Адама сыплются на ее еще никем не замеченные, еще не обласканные белые женственные плечи нескончаемым дождем сверкающего бисера. Хеве чудилось, будто она светится изнутри, как праздничный фонарь. Сегодня Хева ощутила себя равной Ширин, Лейле, величайшим красавицам мира: ее впервые воспел мужчина.

— «Ты не тем дорога для меня...» — повторила Хева и засмеялась.

После этой встречи в сакле Адама Айшат шла в смутном и странном настроении, не очень понятном ей самой; в девичьей душе проснулось томящее желание любить и быть любимой, а вместе и неясная радость предвкушения; словно бы Хева зажгла в ней старинный горский светильник, неяркий и беспокойно отзывающийся на всякое дуновение...

Раньше, до института, Айшат, быть может, иначе смотрела на шубурумских парней, но теперь девушке кажется, что она далека от них, как вершина Дюльти-Дага от прикаспийской равнины.

А между тем немало юношей Шубурума глядят на врача восхищенными, жадными, ревнивыми глазами. И в первую очередь ветеринар Хамзат, про которого поговаривают, что он привязал себя к Айшат, как горец привязывает бурку к седлу: не оторвать! Однако

врач старается избегать Хамзата и охлаждать его пыл при встрече. «Все здешние — вроде Хажи-Бекира», — думает сейчас с отвращением Айшат и мечтает встретить совсем иного, невиданного человека. Пусть бы даже некрасивого. Сегодня Айшат поняла что-то новое в мужской красоте...

В это утро врач впервые ощутила странную тревогу, идущую по аулу, будто круги по воде, и забеспокоилась, сама не зная отчего, насторожилась.

По дороге в больницу она свернула к сакле бабушки Айбалы, которая хворает уже пять дней. Старая Айбала — жена Хужа-Али, мать жены «сельсовета Мухтара», мать матери Айшат...

К бабушке Айбале Айшат всегда была привязана больше, чем к матери. Старая Айбала угощала внучку грецкими орехами и разными сладостями да пряностями из пестренького сундука, открывавшегося с мелодичным звоном. Эта мелодия, как солнечный зайчик, и сейчас трепещет в душе девушки. А сколько разных разностей поведала ей бабушка в долгие зимние ночи, когда за окнами и за воротами выл и свистел свирепый ветер, что сорвался с вечных снегов Дюльги-Дага! Айшат особенно любила сказки про легендарных джигитов, которых приветствовали орлы в вышине и с которыми здоровались львы в пустыне... И каждый раз, заканчивая сказку, бабушка вздыхала и говорила:

— Вот появится у нас такой красавец джигит и увезет тебя, внученька, когда станешь взрослой, далеко-далеко в сказочную страну...

— А откуда он узнает обо мне? — спрашивала маленькая Айшат: она верила каждому слову бабушки.

— О внученька, ты вырастешь такой красивой, что молва о тебе пройдет по всему свету и он увидит тебя во сне...

— Во сне?! — удивлялась Айшат, прижимаясь к бабушке.

И скажет он утром родителям: «Мать моя дорогая, испеки мне румяный чурек, наполни хурджин — одну суму сладостями, а другую подарками; а ты, отец мой, оседлай мне коня вороного. Я в путь-дорогу собираюсь...»

— А зачем подарки?

— Чтоб украсить ожерельем твою белую грудь и перстнями твои белые ручки.

— А как он узнает меня?

— Да ты сама будешь ждать.

— А как я его узнаю?

— В один прекрасный день появится в Шубуруме, еще издали удивляя людей, красавец джигит на славном вороном коне с белой отметиной во лбу, а на всаднике будет зеленая черкеска с золотыми газырями, и белоснежная андийская бурка на плечах, и красный башлык, как тюльпан... Конь под ним будет плясать лезгинку: гудур-гудур-гудур-май... Ай-да гудур-гудур-май! Люди будут смотреть разинув рты: мол, кто это и откуда?! В чьем саду вырос такой герой? И зачем пожаловал он в наш старый Шубурум?

— А он им что скажет?

— Он лихо спешится перед людьми и скажет: «Я приехал за красавицей Айшат, где она?»

— А я выбегу и скажу: «Вот она я!»

— Это ты сейчас можешь сказать, а когда будешь взрослая, тебе станет стыдно, и ты закроешь шарфом лицо.

— А зачем?

— Так надо.

— А вдруг он не узнает меня?

— Узнает! Но тут произойдет беда: на глазах у джигита тебя похитит страшный каптар...

— Нет, нет, нет, я не хочу!

— Ну, а потом этот джигит освободит тебя от каптара и...

— И что?

— И будет такая свадьба, какой от сотворения мира еще не видели шубурумские высоты: станут плясать и звери, и птицы, и деревья — все живое будет радоваться... А теперь дай-ка вытру тебе нос!

И детское впечатлительное сердце сохранило сказку, она не исчезла, а проникала все глубже; и девушке хочется во все это поверить и убедить себя, что сказка сбудется; но как поверить, когда с той детской поры прошло столько лет... Да и не носят теперь горцы черкесок с газырями, разве только на сцене. И коней становится все меньше, теперь горцу подавай машину, да не грузовую, а легковую... И все-таки смутная мечта не покидает Айшат: а вдруг сбудется?! Бывают же в жизни чудеса! Почему бы не появиться такому джигиту в Шубуруме? Конечно, повзрослевшая Айшат никому об этом не рассказывала, но однажды больные кое-что полушутя у нее выпытали: уж очень им хотелось знать, почему она не выходит замуж, чего ждет? И с тех пор в ауле стали поговаривать, что Айшат ждет жениха, что в городе — там, на берегу моря, — наверняка были у нее шуры-муры, а может быть, есть даже и муж... Нет, нынешние девушки — одно недоразумение; вон, говорят, в городе теперь не отличишь парня от девушки, — ну и времена настали! Девушки, говорят, ходят теперь в штанах, а парни в платках: подумать только! Все на

свете перевернулось, только восход и закат не поменялись местами! Девушки, говорят, стригутся под парней, а парни — под девушек. Что это? То ли девушки сошли с ума, то ли парни забыли о мужской чести...

Сегодня Айбала поднялась с постели и вот сейчас сидит возле сакли на припеке, окруженная детьми. Бабушка знает несметное множество небылиц и былей, историй, сказок, преданий, пословиц, присловий, причитаний, песен свадебных и погребальных, а чего и не знает, сама придумывает... И оттого всегда окружена, словно бы воробьиной стаей, детворой. А рассказывать бабушка любит, было бы кому слушать, а взрослые или ребяташки — все равно! Посмотрите, как бабушка Айбала увлечена своим рассказом: костлявые пальцы вдруг сгибаются, будто орлиные когти, глаза то прищуриваются, словно смотрят вдаль, то испуганно расширяются, то загораются огнем, и бабушка сама становится похожей на страшную Вагик из горских сказок. А дети все теснее жмутся к ней, все торопливей дышат, пугливо озираются.

Айшат остановилась поодаль, прислушалась.

— Однажды он подстерег, схватил мохнатыми лапами красавицу Зубари и убежал в горы быстрее, чем скачет конь, чем прыгает тур. Сорок лучших джигитов аула любили красавицу Зубари; храбрые, они бросились в погоню за каптаром. Но не вернулся никто в родную саклю: одних каптар сбросил в пропасть, других загрыз, прыгнув со скалы на спину, третьих убил снежной лавиной, а после съел, разгрызая человечьи косточки, как мы грызем грецкие орехи...

— А что было с красавицей Зубари? — испуганно прошелестела девочка.

— С Зубари? О, с ней-то было страшнее всего. Снежный человек сорок дней и сорок ночей играл в ледниках свадьбу и, наконец, женился на ней силой. Но в последнюю ночь Зубари кинулась в ущелье...

— И умерла?!

— Нет. Говорят, каптар не дал ей умереть и до сих пор, говорят, мучает, а умереть не дает. И стала Зубари седой как снег. И говорят, прикована она цепями на самом высоком леднике Дюльти-Дага...

Тут Айшат прервала рассказ:

— Я к тебе, бабушка. Ты не рано ли поднялась?

— Поднялась, доченька. Грею кости на солнышке. Спасибо, да пошлет тебе аллах хорошего жениха, твое лекарство лучше бальзама.

— Я рада, рада, бабушка, что тебе лучше... А что это ты рассказывала детям?

— Да вот просят рассказать про снежного человека. Про каптара!

— О каптаре?! Почему?

— Да о ком же еще? Весь Шубурум только и говорит о катаре. Будто бы даже в газетах писали. Вон как!

— Ну, я пошла, бабушка.

— Иди, иди, доченька.

И только Айшат хотела свернуть в переулок, как ее чуть не сбил с ног Хажи-Бекир, который спешил к сакле Адама.

— Куда же это наш Азраил так бежит, а? — воскликнула старуха Айбала. — Будто удирает от каптара! Чуть мою внучку не столкнул. Вот чумовой! Эй, куда ты?

— В жаханноб (в ад)! — крикнул Хажи-Бекир.

— Туда тебе и дорога, — сказала вдогонку бабушка Айбала.

Сегодня Хажи-Бекир проснулся поздно, и первой его мыслью было, что Хева, наверное, уже вернулась в саклю. Однако ничто не говорило о ее присутствии: в очаге не было ни огня, ни кастрюль. Могильщик быстро оделся и выглянул во двор: и там нету Хевы. У закрытых ворот все еще мычала корова, которая по привычке подошла к ним, услышав, что мимо гонят стадо. Так и стоит здесь, недоенная, голодная, и мычит, жалуясь. Только теперь у Хажи-Бекира стало тревожно на душе: время приближалось к обеду, а Хевы все еще не было. В отчаянии он ударил себя кулаком по колену и поморщился от боли. К тому же могильщик почувствовал голод: со вчерашнего обеда он только пил ледяную воду. Вот когда вспомнились ему слова Адама: «Поверь мне, дорогой Хажи-Бекир, до чего же грустно одному в сакле: ни огня в очаге, ни котла на огне...»

Не вытерпела душа Хажи-Бекира: распахнул настежь, ворота («Пусть корова идет куда хочет, хоть к шайтану!») и решительно зашагал к сакле Адама. В проулках, где шел могильщик, с воплями разлетались испуганные куры, собаки поджимали хвосты и прятались по укромным местам, словно бы понимая, что недоброе сейчас настроение у Хажи-Бекира и лучше с ним не связываться. Возмущенный, разгневанный не меньше, чем вчера, когда обварил горло, могильщик ворвался в саклю не постучав. Здесь была только Хева: сидела у очага и готовила обед. Хажи-Бекир был поражен ее спокойствием, непринужденностью: что-то остро кольнуло его в сердце.

— Ты что делаешь? — рывкнул он.

— Разве не видишь: готовлю обед, — равнодушно отозвалась Хева.

— Что ты говоришь?! Какой обед? Ты должна вернуться домой! — закричал Хажи-Бекир.

— Как же я могу вернуться, если он не сказал тех слов?

— Как не сказал?

— Очень просто, не сказал — и все.

— А где он? — Негодованию Хажи-Бекира не было предела; только теперь его осенила догадка, что дело оборачивается очень скверно. — Где он?

— Кто?

— Твой муж. Да что я: какой он тебе муж? Горбун писклявый. Где он, спрашиваю?

— Ты всегда говорил: жене незачем знать, где ее муж и что он делает. Я не слежу за мужем.

— Одумайся! Какая ты ему жена?!

— Ты же сам выдал меня за него замуж. Разве я этого хотела? Ты же уговаривал... А он не хочет теперь произносить те слова.

— Не хочет?!

Это было уж слишком.

— Да. Зачем, говорит, я стану повторять такую бессмыслицу: разве я попугай?.. А знаешь, Хажи-Бекир, он мне говорил такие добрые, такие хорошие слова: ты таких и не знаешь! Радовался, как ребенок. «Только теперь, — сказал, — я стал человеком. И не хочу расставаться с тобой, Хева!»

— Так и сказал?!

— Так и сказал...

— Чтоб его сожрал каптар! Проклятый! Мы же договорились...

— С каптаром?!

— Хуже: с твоим горбуном... Налила б ему такого горячего супа, как мне, — небось запел бы другое.

— Но я хуже сделала. Перепутала и положила в чай соли вместо сахара, — простодушно рассмеялась Хева.

— А он?

— Выпил! И глазом не моргнул. Сказал, что вкусно.

— Мер-рзавец! Ну, доберусь я до него... А ты сейчас же ступай домой.

— Как это — домой?

— Я тебе говорю: сейчас же отправляйся домой!

— Да я же не могу! Ведь он не сказал тех слов... Сам же знаешь.

Возразить было нечего: Хева не могла уйти просто потому, что ей захотелось уйти... Хажи-Бекир исколотил бы, как он думал, «эту бесчувственную скотину Хеву», но не смел и пальцем коснуться чужой жены. Шариат строг! И могильщик бесился от своего бессилия. Теперь он в бешенстве ругал даже самого себя, хотя еще недавно это показалось бы Хажи-Бекиру почти богохульством. «Вот и доверяй людям! — думал он. — Какая разница — человек, шайтан, каптар, мулла, парикмахер!»

В дикой ярости выбежал Хажи-Бекир из сакли.

Карабкаясь по узкой дорожке, сложенной из шатких каменных плит, перепрыгивая через грязные лужи и канавки, по которым течет мутный ручей, уносящий весь мусор и нечистоты аула, Хажи-Бекир, будто на крыльях, летел к сельской парикмахерской.

В полутемной комнате под сельмагом Адам в заплатанном белом халате сбривал щетину сельскому охотнику Кара-Хартуму и рассказывал какую-то забавную историю, отчего Кара-Хартум едва не валился со стула. Хохотали и те, что сидели поодаль на скамейке и ждали своей очереди: секретарь сельсовета Искендер, Одноглазый Раджаб, почтенный Али-Хужа и другие. А на площади у магазина, на току, колхозницы складывали снопы ячменя, которые на арбах привозили с поля мужчины.

— Осторожно, осторожно смейся, дорогой Кара-Хартум, — говорил Адам. — Жаль будет, если на таком гладком лице останется след моей бритвы.

— Ну, ну, а дальше? А дальше что? — лепетал, захлебываясь смехом, охотник.

— А дальше...

Но тут Адам обернулся на шум и застыл с раскрытой бритвой в руке, побледнел. И все, кто был здесь, повернулись к сельскому могильщику, который в этот миг и впрямь был похож на ужасного Азраила, ангела смерти.

— А дальше... — еще прошептал парикмахер помертвевшими губами.

Стараясь сдержать гнев и казаться спокойным, могильщик приветствовал уважаемых людей аула. И парикмахер приободрился.

— О, здравствуй, дорогой Хажи-Бекир! — воскликнул Адам. — Садись, садись... Как спал, что во сне видел? Наверное, все покойники снятся, а?

— Н-да! Особенно один.

— Кто же это, а?

— Ты, горбун, ты! — Хажи-Бекир сгреб Адама за ворот и оторвал от пола.

— Я ж, слава аллаху, не покойник... — просипел парикмахер. — Пусти!

— Но будешь! И скоро, если сейчас же не пойдешь со мной к своей жене... Тьфу! К моей жене... и не скажешь тех слов! Понял?

— Ну, нет: она моя жена!

— Врешь, моя!

— А если твоя, так для чего говорить те слова?!

Могильщик растерялся: в самом деле, зачем?

— Ну, допустим, твоя.

— Сам признал: она моя жена! А теперь опусти меня на пол, я не привык к невесомости... Вот так лучше.

— Да, да, друзья, — вмешался Кара-Хартум, — рукам воли не давайте. А языком, пожалуйста, хоть мир переворачивайте! Сначала, дорогой ты наш Хажи-Бекир, следовало бы объяснить, в чем дело. О чем спор?

— Кара-Хартум прав, — сказал Али-Хужа, — раз уж мы оказались свидетелями...

Могильщик стал рассказывать: он был убежден, что прав, и хотел заручиться поддержкой почтенных людей аула. Он рассказывал, стараясь быть спокойным и ничего не пропускать. Люди слушали, сдерживая улыбки, сочувственно качали головами, восклицали: «Вах! Вах! Кто бы подумал!» — и переглядывались с Адамом, подмигивали ему. Наконец Хажи-Бекир заключил:

— Вот и все, уважаемые. А теперь он обязан сказать Хеве эти слова.

— А что думает Адам? — спросил Али-Хужа, прикрывая ладонью улыбку.

— Как я могу их сказать? Сами посудите, добрые люди! — взмахнул руками парикмахер. — Как можно повторить слова, в которых нет никакого смысла? Я же не птица попугай, я — человек! И потом: разве я дурак, чтоб отказаться от сокровища, упавшего в мои руки?

— Гм! — важно произнес Раджаб. — Положение запутанное.

— Разве я не прав? — спросил Хажи-Бекир.

— Ты прав.

— Выходит, не прав я?! — возмутился Адам.

— Нет, и ты прав!

— Ну, люди, так не бывает: всегда кто-то виноват, кто-то прав, — возразил Кара-Хартум: мыльная пена на его подбородке уже высохла и теперь осыпалась, как иней.

— И ты прав! — сказал Али-Хужа.

И тут люди не выдержали, расхохотались. Могильщик ожидал сочувствия, поддержки, а они смеялись над его бедствиями.

— Что за смех?! — закричал он, багровея. — Чего зубы скалите?

— А разве не смешно? — перебил Али-Хужа. — Всем давно прожужжали уши — бросьте шариатский брак, расписывайтесь в сельсовете. Вот у него! — Али-Хужа показал на Искендера.

Секретарь сельсовета приосанился:

— Правильно говоришь, Али-Хужа!

— Но уж если случилось такое... — попытался возразить могильщик.

Но Али-Хужа прервал:

— Если б, дорогой Хажи-Бекир, ты с Хевой расписался в сельсовете, мог бы в свое удовольствие произносить эти слова хоть сто раз в день, и жена оставалась бы дома.

— Если бы, если бы... — возразил могильщик. — Что изменится, если я буду сожалеть? Да, я жалею, что женился по шариату... Но что меняется от моего сожаления? Хорошо, я теперь готов кусать не только пальцы — локти готов кусать! Ну и что же?.. Помогите, почтенные, заставьте Адама произнести эти слова.

— Нельзя насиловать человека! — возразил Кара-Хартум. — Насилие карается законом.

— Так я сам его заставлю! — заорал в бешенстве Хажи-Бекир.

Заслышав шум в парикмахерской, прибежали люди с колхозного тока, столпились у дверей, возле окон. Могильщик хотел схватить Адама, но горбун прятался за людей, проскальзывал между ними, и люди охотно пропускали его, смыкаясь перед Хажи-Бекиром. «Скажешь?» — орал Хажи-Бекир. «Не скажу!» — отзывался Адам то за спиной Кара-Хартума, то за спиной Али-Хужи. А люди надрывались от смеха.

— Что тут происходит? — спросила, входя, встревоженная, бледная Хева.

— Играем в кошки-мышки! — весело ответил Кара-Хартум.

— Хинкал остывает. Пора обедать! — сказала Хева.

— Сейчас, дорогая, сейчас! — отозвался Адам из-за чьей-то спины. — Видишь, что этот человек хочет сделать с твоим мужем...

— Ты ей не муж! — заревел Хажи-Бекир. — Хорошо, что пришла, Хева. Я заставлю его сказать те слова здесь, при всех. Отойдите, люди, я в гневе, я не ручаюсь за себя...

Хажи-Бекир засучил рукава, и открылись такие могучие волосатые руки, что Раджаб попятился, сказав: «Лапы, что у каптара, ух ты!»

— Дай ему, бедняге, хоть добрить меня! — взмолился Кара-Хартум.

— Пусть потом бреет хоть тысячу бород!

— Люди, он убьет его! — кричали с улицы.

— Зачем ты упрямисься, Адам? Он же и впрямь убьет, — ласково сказала Хева, и этот ласковый голос поразил Хажи-Бекира в сердце: с ним Хева так не говорила! А Хева просила (неслыханно!): — Неужели тебе не жалко жизни, Адам?

— Родная, дорогая, единственная моя, мне ничего не жаль. Я люблю тебя больше жизни.

— Тебе же я добра желаю... — мягко продолжала Хева.

— Убивайте, режьте, но не скажу! Люди добрые, разве же я могу из-за пустых слов потерять такой дар судьбы, такую жену...

В слепой ярости бросился Хажи-Бекир, схватил горбуна, взмахнул кулаком, но Адам отчаянным усилием вырвался, скользнул в толпу, а кулак могильщика обрушился на плечо Хеве, отчего Хева крикнула, как буйвол. Воцарилась страшная, напряженная тишина. Люди перестали смеяться.

— Ничего! — крикнул могильщик. — Ты, ты во всем виновата!

— Ах так! И тебя еще называют мужчиной, — возмутилась Хева. — Ну погоди, ты еще пожалеешь, что поднял на меня руку при почтенных людях. В жизни не прощу!

И грозная Хева вышла из сакли.

Могильщик не слушал: раз за разом кидался он на Адама, и раз за разом Адам ускользал, его прикрывали люди, прятали за спинами, загораживали. А Хажи-Бекир свирепел все больше, он буквально ослеп от ярости, споткнулся, ударился о косяк головой и тогда уж совсем потерял власть над собой. «Беги отсюда!» — тихонько сказали Адаму люди, и парикмахер выскочил из сакли. Но Хажи-Бекир, как зоркий ястреб полевою мышь, увидел переступающего порог Адама, вырвался из цепких рук односельчан, что пытались его удержать, и разъяренным быком вылетел на площадь.

— Где он?! — орал могильщик. — Убью-у-у! Изувечу! Вправлю ему назад этот верблюжий горб!

Люди качали головами: прямо взбесился могильщик. Да, несдобровать Адаму, если попадет в его руки. И многие впервые от души пожалели несчастного горбуна...

В какие странные, неприятные положения попадают люди из-за нелепых, до смешного глупых обычаев, сохранившихся из тьмы веков. Если б люди могли понять, что дурачат сами себя! Но беда: люди уверены в своей правоте, считают, что так и должно быть, что иначе нельзя.

— Позвольте, — говоришь им, — а вон в том ауле, и в этом, и в этом, и еще...

— В тех аулах можно, а у нас нельзя, — возражают вам и смотрят ясными глазами, свято уверенные, что Шубурум — лучший аул в мире и шубурумцы — единственные настоящие люди на земле.

Трудно переспорить глухого!

ВОПЛЬ В ПОЛНОЧЬ

Так и осталось тайной, куда скрылся Адам от неистового Хажи-Бекира; наверное, годами спасаясь от аульских сорванцов, горбун узнал ходы, лазейки, закоулки и щелки, о которых не подозревали жители Шубурума.

Но как бы ни храбрился Адам в присутствии односельчан, сейчас, когда он один-одинешенек прячется за камнями на окраине аула, сердце от страха готово выпрыгнуть из груди, словно лягушка из рук. Раздумывая, как быть дальше, парикмахер и сам удивлялся, что посмел противостоять грозному Хажи-Бекиру. За свою жизнь Адам даже блохи не обидел, а вот смотрите-ка: не испугался! Говорят, труса легко вылечить: надо убедить, что он храбрец! Однако Адама ведь никто не убеждал... «Эх, Адам, Адам! Не везет тебе, как тому горцу, у которого в один день пала лошадь, развалилась сакля и утонула в реке мать, — горестно думает парикмахер. — Неужели он мог бы убить?! Мог! Он же могильщик, привык глядеть покойникам в глаза... Эх, Адам, Адам! И винить тебе некого в своем горе, разве только родителей... Но не может сын упрекать отца и матушку, да и не хотели же они, чтобы ты родился таким... Нет, наверное, из-за твоего несчастья они и покинули белый свет, спрятались от жалости под землю. Кто же виноват? А? Не эти ли дикие, холодные камни, не эти ли недоступные скалы, не эти ли высокогорные места, где еще недавно все болезни лечили сельские бабки?!»

Тут парикмахер заметил, что наступают сумерки. А в горах ночи крошечные: собственного пальца не увидишь, будто завернули тебя в черную бурку.

И мысли Адама побрели к его сакле, к неожиданной жене, что досталась нежданно, как в сказке, когда на голову коту упал кусок колбасы и правоверный кот воскликнул: «О аллах, почаще поражай меня таким громом!» С жаркой благодарностью вспомнил Адам этого ангела — муллу Шахназара: он обвенчал их и спросил, будут ли они любить друг друга! Разве можно потерять такое счастье из-за глупых, бессмысленных слов?! «Наверно, она ждет меня, сидит возле очага; приготовила ужин и ждет, — сладко думает Адам. — Сестры рядом, погладить ее тяжелые, пахнущие сливочным маслом волосы, вот так —

легонько-легонько; сказать бы добрые слова, чтоб она улыбнулась... Но Хажи-Бекир, конечно, стережет возле сакли.

Как быть, как быть?! Не жить же бездомным псом... Люди, что я вам сделал плохого? Дайте же порадоваться тому, что мне досталось. Почему вы не можете заступиться, оградить меня от страшного Хажи-Бекира? Я ничего у него не просил, он сам привел Хеву... Вернуться в свою саклю? Но Хажи-Бекир убьет или заставит сказать эти подлые слова; как я смогу, глядя в глаза Хеве, повторить подобную глупость и потерять ее... Да лучше всю жизнь скитаться и знать, что в сакле ждет тебя жена. Ждет Хева. Что делать? Что делать?!»

И тут блеснула спасительная мысль: бежать, бежать вместе с Хевой куда-нибудь в город, в райские места, где есть харчевни, гостиницы, асфальт, кино и нет Хажи-Бекира. Парикмахеры нужны везде, он неплохой мастер, значит, работа будет, а все остальное устроится. Адам чуть не заплакал от счастья!

Осторожно вылез парикмахер из-за скал и медленно, осторожно, воровски стал подкрадываться к собственной сакле. Он боялся сейчас встретиться не только с Хажи-Бекиром, но и с любым жителем Шубурума: чего доброго, примут с перепугу за каптара и в ужасе пырнут кинжалом или влепят заряд картечи из охотничьего ружья! Суеверные люди всегда трусливы. Шубурумцев не удивишь даже тем, чему всю жизнь не устает удивляться Али-Хужа, что где-то выводят цыплят без наседки; не удивишь даже тем, что человек за час облетает вокруг Земли. А скажи, что вон в том черном ущелье вчера сыграл свадьбу бес Иблис, женился на дочери шайтана, и на свадьбе ты сам плясал, ахнут от удивления, поверят, перепугаются...

Долго не решался Адам приблизиться к сакле: все прислушивался — не прогремит ли где камень под ногой прохожего. Все колебался и ждал. В таких случаях кайтагцы обычно говорят человеку: «Чухра диккули жанра диккули ааргарну, аттала, гурчи, гурчи!» Что в переводе значит: «Чем размышлять, как бы не разбиться и достать орехи, залезай, сынок, залезай на дерево!»

Нет, Адам не пошел к воротам, где, как сказочный аджаха-дракон, у колодца мог подстергать Хажи-Бекир, а пробрался на зады, где — он знал — плохо закрывалось окно. И действительно, рама, скрипнув, отворилась, когда Адам подергал. Стараясь не шуметь, заправским вором, первый раз в жизни он влез в окно... Хева была в соседней комнате: на полу, на ковре, постелила она большой семейный матрац и мирно спала; не проснулась, даже когда Адам зажег керосиновую лампу. А горбун подсел к ней и загляделся; жалко будить, но что делать, если так и тянет коснуться ее волос?!

Ох, женские волосы, женские волосы! Сколько в них таинственной притягательной силы! Не потому ли веками женщины прятали волосы под чехлами и покрывалами — из сострадания к бедным, слабым мужчинам...

Сердце Адама радостно стучало: «Не ушла! Не ушла! Не ушла!» И это было слаще самой звучной мелодии четырехструнного чугура.

Легонько коснулся ее волос, небрежно рассыпанных на подушке. Хева открыла глаза, оглянулась:

— Это ты? Живой?

— Да, солнце мое, как видишь, пока еще жив. Ты рада, что я пришел?

— Надоело мне все, — зевнула Хева. — Спать хочу... Хватит с меня, что целых три часа торчала у ворот...

— Ждала меня?! — радостно воскликнул Адам.

— Нет, слушала извинения Хажи-Бекира... И вообще, что вы со мной играете? Я не кукла.

— Я не играю. Я просто люблюсь, — отозвался упавшим голосом Адам. — Хажи-Бекир, конечно, уговаривал вернуться?

— На коленях просил. Но я же сказала, что никогда не прощу: ударил при народе!

— Он же нечаянно... — возразил Адам справедливости ради. — Значит, не простила?

— Если б простила, меня б не было здесь...

— Умница! Да как он смел уговаривать чужую жену?... Родная моя, я хочу быть всегда с тобой, вот так, рядом, чувствовать твоё дыхание, видеть тебя, радоваться... — Адам не решался сразу предложить Хеве бежать из аула, бежать сегодня же, сейчас. — И я верю, ты будешь довольна, все у нас будет хорошо, дорогая...

Хоть и хотелось спать Хеве, она слушала, не прерывая: ведь раньше никто не говорил ей таких волшебных слов. Даже румянец проступил на щеках, полураскрылись губы...

— Вот увидишь, я вовсе не беспомощный. Я — человек. И человеком сделала меня ты, Хева. Где бы ни был, я всегда буду спешить к тебе, стану приносить гостинцы, подарю теплый платок с розами и бахромой...

— Я же плохая, — вдруг произнесла, расчувствовавшись, Хева.

— Не говори так! Ты добрая, ты хорошая. Это я плохой.

— Нет, я плохая.

— Нет, ты хорошая, а я плохой.

— Нет, я плохая.

— Нет, ты хорошая, а я плохой.

— Нет, я плохая.

— Почему?!

— Не знаю.

— Значит, хорошая. А там ты станешь лучше. Уж как мы с тобой заживем там!

— Где? — спросила Хева, не оборачиваясь: было так приятно слушать эти удивительные речи и радоваться притаившись.

— Там, там, сердечная, где все рядом, все близко. Тебе не надо будет стряпать, не надо топить, не надо разжигать огонь в очаге, готовить на зиму кизяк, ссориться с соседями за каждую навозную кучу на улице.

— А что же я буду делать?! — От удивления Хева обернулась.

— Ничего. Совсем ничего!

— Как ничего? — возмутилась Хева. — Это же очень скучно!

Первый раз в жизни она была такой словоохотливой и непринужденной.

— Не будет скучно, вот увидишь. Станем гулять в саду, ходить в кино, в театр.

— Я люблю кино. В театре, конечно, я не была ни разу... Не знаю, какой он, театр...

— Все узнаешь, солнышко, все... Вот только...

— Что — только?

— Нам надо бежать.

— Давай убежим, а?! — Хева вскочила. — Люди подумают, что ты меня похитил...

Когда-то, девочками, Хевины подруги считали похищение большим счастьем для девушки — ведь это так романтично в этой неромантической жизни.

— Вставай. Бежим сегодня же! Здесь нам не будет житья.

— Почему?

— Как почему?! Думаешь, Хажи-Бекир оставит нас в покое? Он же меня убьет! Это не пустая угроза. — Адам понизил голос. — Разве не слышишь шаги возле сакли и покашливание? Это же он.

— Ты хочешь бежать насовсем?

— Да. Что здесь хорошего?!

— Но... Но как же без родителей, без подруг, без... Я не могу!

— Надо, Хева.

— Нет, Адам, я не могу так — вдруг одна!

— Не одна, а со мной.

— Все равно не могу.

— А я не могу остаться и не хочу потерять тебя. — От волнения голос Адама прорвался. — Ты должна бежать со мной. Должна!

— Нет, нет, нет! Как же это вдруг? Без матери, без подруг... Вроде безродной... Ты подумай!

— Прошу тебя, хорошая, родная, не упрямься...

Адам возмущался, но не мог повысить голос на Хеву.

— А я не хочу.

Да, упрямство Хевы злило, и он кружился по комнате, как мышь в мышеловке, ломал пальцы. Он злился не только на Хеву, он злился на всех шубурумцев, что упорно цепляются за ветхие сакли и бесплодную землю, что давно не оставили этот каменный тесный мешок, в котором негде повернуться. И еще, честно говоря, в душе Адама с детства копился гнев на здешних зубоскалов и сорванцов, которые не раз его обижали.

Еще долго Адам упрашивал Хеву. Но Хева снова легла в постель, отвернувшись, натянула одеяло, сказала:

— Хватит меня уговаривать. Надоело! То один, то другой. Теперь буду поступать, как сама решу...

Внезапно раздался неистовый стук в ворота; казалось, гром грянул в самой сакле. Адам судорожно поправил на Хеве одеяло и торопливо вышел на веранду: под звездным небом он различил смутный силуэт у ворот. Не было сомнений: Хажи-Бекир.

Быстро поднялся Адам на плоскую кровлю и оттуда, с другой стороны, цепляясь за выступы неровной стены, спустился на землю и бежал, прячась за валуны и скалы над самой пропастью. Как говорят в Дагестане: «Хочешь сберечь голову — дай волю ногам!» И тут темную осеннюю ночь, как вспышка молнии, как выстрел, пронизал страшный крик падающего в пропасть человека.

И сейчас же кто-то торопливо пробежал возле сакли,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Аул Шубурум прилеплен к скалам на заоблачных высотах, у самых вершин Дюльти-Дага, покрытых вечным снегом. Каменные серые невзрачные сакли со всех сторон испещрены лепешками кизяка, прижались тесно друг к другу, будто это одно целое или все еще не достроенное здание; будто это доисторический городок, который раскопали, исследуя, археологи. Даль и глухомань. В наше время совсем непригодное место для человека. Раньше люди Страны гор забирались на эти бесплодные высоты ради самосохранения, спасаясь от бесконечных набегов и нашествий иноземных полчищ. Давно кануло в историю то время, но жители горных аулов по привычке сидят в своих орлиных гнездах... Впрочем, все меньше и меньше остается орлиных гнезд на карте Дагестана...

Бедна растительность высокогорья: стелющиеся кустарники, низкая, но зато сочная трава, которую так любят овцы. Вот только зимой их кормить здесь нечем, и чабаны гонят отары вниз — в Ногайские степи.

В колхозе «Земля», да, так называется колхоз в ауле Шубурум, и, право, звучит это, как вопль измученного жаждой человека: «Воды!» — мало пахотной земли, и все это мелкие поля-террасы по склонам ниже аула. И эти террасы созданы руками трудолюбивых земледельцев (воистину — земле-дельцев!), которые натаскали сюда землю в корзинах из ущелья, с речной поймы. Здесь успевают созреть лишь белая горская редиска — кехе, — озимый ячмень и кое-где на солнцепеке кукуруза-скороспелка. Очень уж коротко лето в горах! И последние годы, несмотря на трудолюбие горцев, колхоз «Земля» словно бы застыл на одном уровне: некуда ему развиваться! Негде применить механизацию, неоткуда взять лишние корма... Просто незачем людям биться лбами о камень, все равно путного не добьешься, только синяков наставишь да шишек. Вот почему так часто произносят в горах слово «переселение».

А те, кто бывал в новых поселках на равнине, твердо поняли: путь в хорошую жизнь для горца — это путь вниз, с гор в долины и степи. Очень трудно добраться на заоблачные высоты новому быту! Нет хоть мало-мальски сносных, доступных для машин дорог, а ослы и выючные кони не в силах поднять туда тяжелые грузы. Да и единственный доступ к Шубуруму то и дело разрушают обвалы да снежные лавины, и несколько месяцев в году аул общается с миром лишь по телефону и радио.

Лишь два дома покрыты здесь железом — школа и сельсовет, построенные не так давно, лет десять — двенадцать назад. Улицы и проулки запущены, грязны, да и в саклях нет чистоты и уюта, нет самых простых удобств для человека! И хотя живут здесь не бедно, сундуки набиты добром, но переходит это добро из поколения в поколение по наследству, не принося людям радости. Да и какое добро: множество дурно сшитой, мешковатой одежды и несколько женских украшений, когда-то купленных втридорога у мастерового люда. Ходят горцы в темной грубой одежде; питаются однообразно и скудно, стряпают на скорую руку, а то едят и всухомятку: брынза, испеченный в золе хлеб, чай, простокваша и

хинкал в неделю раза два — вот и все. Даже такие блюда, как курзе — пельмени, и чуду — пирог, да шашлык, теперь готовят все реже и реже.

Не потому ли молодежь, которая училась в городе или служила в армии, неохотно возвращается сюда? В Шубуруме и потанцевать удастся только на свадьбах, и то если будет хорошая погода — раза два в году, не чаще.

Так и текла жизнь в Шубуруме, и люди не жаловались на судьбу, люди привыкли, как старый бык привыкает влезать в ярмо.

И вдруг в сакле сельского могильщика Хажи-Бекира бомбой взорвалось бессмысленное сочетание непонятных слов: «Талак-талак, талми-талак!» Простите, я не хотел повторять эти проклятые слова, они сорвались сами собой...

С тех пор в ауле стали происходить странные дела. Беда, говорят, не одна приходит: есть у нее семь сестер. И первой они посетили саклю могильщика Хажи-Бекира... Его корова сорвалась в пропасть, пастух не успел даже достать ее и прирезать: для этого пришлось бы и ему прыгать вниз со скалы... Удар, предназначенный Адаму и случайно попавший в Хеву во время скандала в парикмахерской, так ее оскорбил, что она заявила во всеуслышание — первый и единственный в жизни Хевы протест: считаю себя женой Адама и буду его ждать. Конечно, многие надорвали животы со смеху, но хоть смейся, хоть плачь, а Хажи-Бекир остался один в сакле.

Неожиданно рано прошли в горах ливни, а с ними начались обвалы и оползни, рушились скалы, сползали с вершин Дюльти-Дага ледниковые и снежные лавины; казалось, кто-то озорной и могучий развлекался, как умел. И суеверные шубурумцы приписали все эти напасти снежному человеку, каптару. Кое-кто даже исчезновение Адама объяснял просто и страшно: горбуна сожрал каптар, вот увидите — еще найдутся его кости, обглоданные и разгрызенные.

Кладовщик Раджаб, которого в ауле зовут просто Одноглазым, — если шубурумец встретит машину с одной фарой, он непременно скажет: «Наш Раджаб едет!» — любит веселиться и потому часто прикладывается к бутылке. Живет он в квартале чесночников, и дорога к его сакле, если идти из нижнего аула в верхний, проходит краем древнего кладбища. А кладбища в горах — вы, наверное, знаете — густо покрыты каменными надгробиями в человеческий рост. И вот на днях крепко подвыпивший Раджаб возвращался ночью из нижнего аула, — а выпил он на проводах дальнего родственника, который решил все-таки навсегда покинуть с семьей неуютный Шубурум. Шел Раджаб, пошатываясь, через старое кладбище и ударился лбом о каменное надгробие. «Чего дерешься?! — закричал воинственный кладовщик — Думаешь, раз я пьян, так не дам сдачи?!» Раджаб засучил рукава, откинулся, чтоб размахнуться, и ударился затылком о другое надгробие. «Ах так вас двое?!» — возмутился кладовщик, отступил влево — и ударился плечом, отскочил вправо — и опять ударился. «Какие же вы мужчины?! — заорал Раджаб. — Все на одного! Жалкие трусы. Выходите по одному! Ах, не хотите? Бойтесь? Ничего, я всем вам покажу...» И стал пьяный изо всей мочи молотить кулаками

надгробия; падал, вскакивал, падал снова, бился в камень лбом, затылком, плечом, орал, ругался... Кое-как Раджаб выбрался из драки, слегка отрезвев от боли, и вдруг подумал: «А крепкие все-таки парни дрались со мной... Разве человеческое тело такое? Железные они, что ли?!» И тут дикий страх охватил Одноглазого. В саклю Раджаб ворвался в синяках, в кровоподтеках, с разбитыми кулаками и с порога прохрипел: «Стели постель, жена. Сейчас буду умирать. Меня изувечили снежные люди!»

И снова страшный слух прокатился по Шубуруму. Люди приходили провести кладовщика, и он, показывая синяки и ссадины, с каждым часом подробнее, ужаснее, выразительнее рассказывал, как отбивался ночью от стаи каптаров... Поэтическое вдохновение осенило Одноглазого Раджаба!

Уж на что, казалось бы, благоразумный человек — ветеринарный врач Хамзат, но и того подтвержденный кровоподтеками рассказ вдохновенного кладовщика заставил вписать в будущую диссертацию главу под названием: «О случаях нападения на людей доисторического высокогорного животного, ошибочно именуемого снежным человеком».

Однажды на гудекане, где случилось быть председателю сельсовета Мухтару, Хамзат рассказал о своей диссертации, о том, что на вечных снегах Дюльти-Дага нашел и обмерил следы каптара и это были несомненные следы животного, а не человека.

— А может, ты нашел следы горного тура?! — спросил кто-то.

— Там был след, похожий на отпечаток ступни: пятипалый, — возразил ветеринар.

— У медведя тоже пятипалый след! — вмешался колхозный охотник Кара-Хартум.

— Зачем же медведь полезет на ледники и вечные снега?! — пожал плечами Хамзат. — Он же не чета Раджабу: не пьет.

Смех прокатился по гудекану.

— Значит, решил на каптаре въехать в науку, Хамзат? А? — воскликнул, смеясь, председатель сельсовета Мухтар. — Так, может, проще поймать самого снежного человека?

— Да не человек это, а жи-вот-ное. Доисторическое животное.

— Зверя ловить проще.

— А зачем? Чучело зверя — музейный экспонат, а не диссертация. За чучело не присуждают ученую степень кандидата пауk.

— А по мне чучело лучше, — проворчал Мухтар. — По крайней мере, перестанут болтать всякую чушь...

Смятение в самом деле охватило аул. Хуже всего был не случай с кладовщиком — хоть и в синяках, но Раджаб жив, лежит в постели и рассказывает людям сказки, — но вот уже две недели не появляется Адам! Исчез из аула, будто испарился, будто не рожала его мать-горянка на свет. А это уже серьезно встревожило Мухтара и парторга Чамсуллу, заведующего сельским магазином, худого высокого мужчину с болезненным цветом лица. Многое можно перетерпеть, но потерять жителя аула — это уж слишком! Конечно, серьезный человек не поверит в сказку о том, будто парикмахера сожрал каптар! Говорили еще, будто парикмахер сбежал вниз, убоявшись угроз сельского могильщика, угроз, которые слышали все. Но мог ли несчастный горбун так легко покинуть родную саклю, молодую жену, о которой мечтал много лет? И наконец, почему он не взял в сельсовете хоть какую-нибудь справку? Ну хотя бы о том, что он действительно горбат и родился в Шубуруме? Человек без справки — разве это человек?!

«Сельсовет Мухтар» лишился покоя. Без устали днем и ночью он справлялся везде и всюду, расспрашивал всех, кто последним видел Адама; звонил во все места, где мог бы появиться парикмахер, — ответ был один: «Не появлялся!» Наконец Мухтар обзвонил аулы, через которые проходит путь вниз, на равнину... Однако и тут отвечали: «Нет, через наши аулы горбун не проходил». Но волнение председателя сельсовета и странные слухи возбудили любопытство всего района: то и дело по телефону спрашивали, кто еще потерялся в Шубуруме и что там подделывает снежный человек. Спрашивали и смеялись.

Вот и сейчас «сельсовет Мухтар» раздраженно сказал: «Обращайтесь к нашему ветеринару Хамзату за всеми справками о каптаре. Да, да, к ветеринару!» — и повесил трубку.

— Проклятье! Скоро весь Дагестан будет смеяться...

Чамсулла беспокойно ходит взад и вперед по комнате, заложив за спину руки.

— А, шайтан! Мужчины мы или не мужчины? — возмущенно отозвался он. — Как-никак носим папахи... Что за народ! Нельзя же верить всякой чепухе...

— Верить не верить — по твоей части. Скажут: «Плохо поставлена партийная работа в ауле Шубурум». Тебе и отвечать... Меня другое волнует: с Адамом дело дрянь. Что будем делать?

— Не знаю.

— А кто знает, товарищ парторг?

— Не знаю.

— Гм. Как думаешь, неужели мог Хажи-Бекир убить Адама?

— Не знаю.

— Да что ты заладил, как ворона: карр, карр! А что ж ты знаешь, Чамсулла?

— Знаю, что, если б мы настояли на переселении, не было бы всей этой дряни...

— Во-во! А кто тебе говорил: не возись, не уговаривай стариков, решай сразу; понадобится — выселяй силком. Принуждай по-отечески, как ребенка принуждают есть кашу...

— С ума сошел, «сельсовет»? Людей надо убеждать, а не принуждать.

— Вот и доубеждались! Скорей они тебя убедят, что есть на свете снежные люди... А, да шайтан с ними, с каптарами! Что будем делать с могильщиком? Может, сообщить в прокуратуру? А? Пусть расследуют...

— А ты говорил с Хажи-Бекиром?

— Что ж говорить, все равно не скажет: «Вяжите меня, я убил!»

— Э, нет, «сельсовет»! Сам, выходит, не убежден, а хочешь ткнуть в человека пальцем: берите его за решетку! А ты сперва сам убедись, поговори, расспроси, приглядишься...

— Не люблю я этого тунеядца, — проворчал Мухтар. — Молодой, здоровяк, быка свалит, а питается, как ворон, падалью...

— Эй, Мухтар, опомнись! — возмутился Чамсулла. — Это не падаль, а твои односельчане, уважаемые граждане.

— Ну да, ну да, правильно: уважаемые покойники. Ну, не тунеядец — могильщик... Искендер, ты здесь? — крикнул Мухтар.

— Тут я, — отозвался из соседней комнаты секретарь сельсовета.

— Вызови завтра ко мне Хажи-Бекира, могильщика...

И все-таки им не хотелось верить, что в Шубуруме совершено убийство. Черным пятном легло бы оно на весь аул, и сурово спросили бы с них, руководителей: мол, ослабили борьбу с пережитками, с привычкой хвататься за кинжалы, ну и все прочее...

А с другой стороны, почему так удручен Хажи-Бекир? Отчего с каждым днем он делается бледнее, рассеяннее, ходит, как тень, и теперь от него, говорят, труднее добиться слова, чем от каменного надгробия. Словно бы точит его раскаяние...

Неделю назад Мухтар и Чамсулла поручили Кара-Хартуму обшарить соседние обрывы, пропасти, скалы, ущелья, берега рек: не найдется ли следов убийства или несчастья. Ведь потерялся не баран, не буйвол, а человек! И Кара-Хартум ищет...

А тут еще Хева! Странная женщина: теперь она каждый день приходит в сельсовет справляться об Адаме, будто он был ее настоящим и давним мужем. Хеву глубоко поразило исчезновение Адама. «Неужели он убил его? Неужели бросил в пропасть или задушил? — думала она в тревоге. — За что? Сам же был виноват! Неужели этот человек

оказался способным на такое злодейство? А чего хорошего ждать от могильщика?! И я до сих пор жила с подобным зверем!» В душе Хева все время укоряла, винила себя, что в ту ночь отвергла мольбы несчастного Адама бежать с ним из аула... Значит, и она толкнула его навстречу смерти... А между тем только с Адамом она впервые почувствовала себя свободно и легко, почувствовала себя человеком; даже пробовала мечтать!.. Мечтать — это же самый драгоценный дар на земле! И теперь он был в руках у Хевы.

Наконец в Шубурум нагрянула и самая старшая из семи сестер беды.

За Шайтан-перевалом... Да, за тем самым, где много лет назад у родника встретились Али-Хужа и Хужа-Али и присели подкрепиться; они макали черствый хлеб в воду, ели и разговаривали. «Скажи откровенно, — спросил Хужа-Али, — что бы ты сделал, если б тебя избрали правителем всего Дагестана? А?» — «Меня? — улыбнулся Али-Хужа. — Конечно, если бы... Я бы этот хлеб тогда не в воду макал, а в мед!.. Ну, а ты?» Крепко задумался Хужа-Али, а потом недовольно проворчал: «А что мне остается делать, когда все лучшее ты берешь себе?!» Так вот, за этим Шайтан-перевалом грозные обвалы в нескольких местах разрушили единственную проезжую дорогу, что связывала Шубурум с остальным миром. Ну и, конечно, суеверные шубурумцы приписали обвалы озорству снежного человека. Впрочем, не в слухах и сказках была беда. Перестали привозить товары в сельмаг — и прежде всего керосин, которого, как известно, в Шубуруме еще не добывают; не стало в ауле ни конфет, ни сахара, ни геджухского вина, ни табаку, что больше всего огорчило почтенных людей, не выпускавших трубки изо рта.

НА ШАЙТАН-ПЕРЕВАЛЕ

Тучи, шевелясь и толкаясь, как серые овечьи отары, сползли в ущелья и залегли там сырым непроглядным туманом. Только легкие облачка, длинные и белые, как девичий шарф горянки, то затмевают, то открывают солнце над Шубурумом. А вокруг в снежных чалмах высятся каменные бесстрастные великаны... Аул давно на ногах, люди собираются перед сложенным из красного кирпича (нарочно привезли снизу!) сельсоветом. В раскрытые окна слышны обрывки разговоров, треск пишущей машинки, телефонные звонки. У тех, кто собирается на площади, в руках лопаты, кирки, узелки, кувшины, и стоят они, как их отцы стояли на этой же площади с винтовками и узелками, ожидая, когда выйдет командир и поведет их, красных партизан, отбивать у белогвардейцев аул Маджалис...

Айшат в белом халате, живая, энергичная, краснощекая и черноглазая, осторожно пробирается среди людей к старику, что стоит, опершись на палку. Это Хужа-Али, дедушка Айшат, отец жены «сельсовета Мухтара». Прямо в руки передала ему Айшат узелок и глиняный кувшин.

— Деда, вот здесь немного хлеба и овечьего сыра, а в кувшине...

— Спасибо, спасибо, внучка! — радостно заголосил старик. — Пусть станет твоим мужем самый добрый человек на свете. Когда б ты знала, как я рад, что дожил до этих дней! Моя внучка — доктор!

Хужа-Али с гордостью и умилением смотрел на молодого врача.

— Зачем же при людях, деда... — зарделась Айшат.

— А при ком же, внучка, мне гордиться?! — удивился Хужа-Али. — В белом халате ты прямо ангел аллаха... А лекарство ты мне положила?

— Да.

— Сладкое или горькое?

— Сладкое.

— Да будет сладкой твоя жизнь, внучка! Хочешь, поищу тебе жениха?

— Лучше я сама поищу.

— Смотри-и-и! Молодые глаза легко ошибаются... Что-то под твоим окном часто стал кашлять наш коновал, коклюш его заberi! Ду-урная болезнь коклюш.

Хужа-Али полой телогрейки обтер камень и сел, а кувшин поставил у ног.

— Ничего, деда, вылечим!

— Он тебе не забросил в окно свою папаху?

— Пока еще нет, — улыбнулась Айшат и отвела взгляд.

— Знай, внучка, что этот коновал из враждебного нам рода...

— Что?! — удивилась Айшат.

— Да, да, да.

— Как же так?! Зачем ты это говоришь? Тогда, выходит, и они считают нас врагами... За что же?

— Об этом знали наши предки, — торжественно произнес Хужа-Али. — Они завещали нам остерегаться этого рода. И все! А уж породниться...

— Стоит ли, деда, вспоминать старину?

— Стоит или не стоит, а ты считай, что я с тобой поговорил серьезно. Поняла?

— Хорошо, деда. Ну, я пошла: больные ждут...

И Айшат ушла в свою больницу, где всего-навсего две комнаты и четыре койки. Да и больных в ауле немного. На такой высоте воздух чист и свеж, как родниковая вода; здесь не знают ни гриппа, ни насморка, не боятся сквозняков. Лопата и серп, кирка, коса, молот и камень, камень и снова камень сделали людей крепкими: иной раз диву даешься — сорвется человек с такого обрыва, что смотреть жутко, а глядишь, провалялся неделю в постели и опять ходит по аулу, только чуть-чуть припадает на одну ногу. А свались с того обрыва горожанин — и черепков не собрали бы, одни мелкие дребезги да брызги!

Где народ, там и говор. Жужжание, гомон на площади. Прислушайтесь: говорят все больше о снежном человеке, о каптаре...

Издали Али-Хужа приметил Хужа-Али и решительно направился к нему, на ходу пожимая руки, приветствуя достойных приветствия. Хужа-Али заметил его, нахмурился, отвернулся, но Али-Хужа и бровью не повел, хлопнул старика по плечу:

— Знаешь, борода, что мне не нравится у нашей власти?

— Ты всегда недоволен, — буркнул Хужа-Али.

— Говори громче! Здесь такой шум, будто ветер сорвал крышу с женской бани... Да ты что: разговаривать со мной не хочешь?!

— Что тебе нужно от меня?

— Чтоб ты разговаривал, спорил, кричал, ругался: для чего ж мы живем на земле?

— Зачем? Да и о чем нам спорить?

— Найдем о чем, было бы желание... — Али-Хужа поднял с земли кувшин, понюхал горлышко; Хужа-Али кувшин отобрал, снова поставил у своих ног, отвернулся. Но тут же Али-Хужа за плечи повернул старика к себе: — Эй, я же с тобой разговариваю, сын хромого!

— Ну, что тебе?

— Знаешь, что мне не нравится у нашей власти? — снова повторил Али-Хужа, показывая пальцем на сельсовет.

— Прилип, как дубовый лист к ежу! Ну, скажи, скажи, что тебе не нравится у нашей власти, — сдался наконец Хужа-Али.

— Болтунов много развела! Все грамотные, все научились говорить, есть мед, намазывать язык на сметану... Умеют плести из слов аркан, которым можно не только жеребца, но и каптара поймать. А дело стоит!

— Какое дело?

— То самое, ради которого мы торчим здесь с лопатами да кирками... Когда я принес твоему хромому отцу весть, что ты родился, — думаешь, он обрадовался? Как же! Угостил меня пинком в мягкое место... Можно подумать, что он предвидел, каким ты станешь теперь... Эх, много стариков в ауле, а молодежи что-то не видать. Нет кипения жизни! То ли умирать перестали, то ли молодые рано стареют... Вот, к примеру, на той неделе я слег, думал: пора петуху на кухонный стол! А тут является мой племянник Хамзат и...

— И что ж он сделал?

— Сам видишь: вот он я! Со всеми! Хамзат — врач что надо!

— Что твой Хамзат перед моей внучкой, перед Айшат!

— Сравнил платок с папай! Хамзат — ювелир своего дела. Скоро ученым будет: пишет ди...де...ссерт...акцию...

— Да он же ве-те-ри-нар! Лекарь для коров и баранов.

— А мы что: хуже баранов, что ли?! Ну и злой же ты человек!

— Эх, жаль, язык тебе не укоротил Хамзат.

— Что? Не слышу!

— Наверно, Хамзат дал тебе лошадиную дозу, вот ты и оглох...

— Дал! А что ж? Племянник как-никак... — обиделся Али-Хужа и повернулся к Раджабу, что стоял, уткнувшись головой в газету, как лошадь в торбу с ячменем. — Эй, Одноглазый, что там за шум в сельсовете?

— Телефонная связь прервалась... Видно, каптар порвал провода или повалил столбы.

— Каптар? Эх, мне бы годы молодые... В наше время любому каптару связывали руки назад... А двадцатые годы — первые годы Советской власти, когда мы рыли Октябрьский канал, чтобы напоить степную землю досыта... Тогда мне руку пожимал сам Микаил!

— Какой Микаил? — спросил Раджаб.

— А тебе откуда знать: как курица, ходишь вокруг сакли! Что ты видел?.. Был такой нашенский парень в черкеске Микаил Калинин... Мы с ним чай из одной пиалы пили!

— Хе-хе-хе, — засмеялся Раджаб, — небогато: одна пиала на двоих!

— Ишак! Друзья — понял? Друзья пьют из одной пиалы! И вообще, что ты понимаешь в богатстве! Думаешь, набил сундук — и богат? Тогда и крыса богата: украла кусок брынзы — и богачка.

— А знаешь, Али-Хужа, ты прав! — решительно произнес Хужа-Али.

— В чем прав? А?

— Мне тоже что-то не нравятся болтуны.

Будто нечаянно, Али-Хужа задел ногой кувшин.

— Осторожней, разобьешь! — схватился за кувшин Хужа-Али.

— А что в нем?

— А чего бы ты хотел?

— Ну... хотя бы... в такую погоду... на дорожку...

— Нет, дорогой, нет: здесь простокваша.

— Чего ж ты молчал? Знал бы, что здесь простокваша — стал бы я с тобой разговаривать! Эх ты, сын хромого... Пойду-ка задам Советской власти один важный вопрос...

— Иди, иди. Без тебя там каша не сварится...

Али-Хужа стал решительно протискиваться к крыльцу, но тут на крыльцо вышли и Мухтар и Чамсулла. Мухтар сегодня в гимнастерке и подпоясан ученическим ремнем: видно, других не нашел в сельмаге.

— Эй, Мухтар! — крикнул Али-Хужа, поднимая руку. — У меня к Советской власти один вопрос...

— Здесь не собрание! — недовольно отозвался Мухтар. — Некогда! Пора за дело взяться...

— Вот об этом я и хотел спросить. Чего же мы стоим?

— Стоим потому, что нет машины, — сказал кто-то рядом с Али-Хужой.

Мухтар услышал:

— Машины нет и не будет. Все машины там, за перевалом.

— Товарищ «сельсовет», — встревожилась старуха с киркой, — хоть бы подводы... Туда ведь далеко...

— И подводы нет... Пойдем пешком...

— Ну и ну!.. — покачал головой Али-Хужа. — Люди вон на вертолете летают, а мы пешком ходом...

— Может, хочешь лестницу, как в метро, чтоб сама тебя опускала, сама поднимала? — рассердился Мухтар.

Чамсулла замахал руками, требуя тишины. Говор затих не сразу, в медленно наступавшей тишине вдруг резко выделялись голоса то здесь, то там, и тогда все громко шипели, повернув головы: «Тиш-ш-ше!» Казалось, на сотню раскаленных сковород разом пролилась вода.

— Эй вы, дорогие мои односельчане! — заговорил наконец Чамсулла. — Не вы ли отказались переселиться на плодородную равнину, где можно жить без этих стихийных бедствий? Так чего же ворчите теперь? Сами виноваты — так наберитесь мужества и терпите. Вы не пожелали оставить эти проклятые высоты, замшелые сакли, могилы дедов — ваша воля! Однако и теперь государство пошло нам навстречу: в наш аул хотят протянуть линию электропередачи. Но машины с рабочими, с оборудованием — проводом, столбами, разными там изоляторами — застряли за перевалом, обвалы перегородили дорогу... За месяц мы должны привести в порядок дорогу, чтоб на ней не умолкал гул машин, везущих к нам новый быт, новую жизнь! Раз мы остаемся здесь, придется выжимать из себя втрое больше пота, чтоб не отстать от других, чтоб не оказаться на островке невежества, чтоб и нам приветливо улыбнулось будущее. А будущее вряд ли проберется сюда по нашей узенькой дороге: чем шире дороги, тем шире жизнь, товарищи!... Люди добрые, вы поняли меня? Нам всего нужнее сейчас дорога!

— Это все хорошо, парторг! — выкрикнул из толпы хриплый старческий голос. — Дорога нужна, чего тут говорить. Мы построим дорогу... К этому не привыкать, и обвалы нам не в диковинку... А вот скажи ты нам: как же быть с каптаром? Вон и в газетах пишут, что появился...

— Каптар, каптар! — возмутился Мухтар. — Да кто-нибудь видел его хоть бы издали?! Отвечайте, чего молчите!

— А следы на снегу? — спросил Хужа-Али.

— Следы мог оставить и медведь, — возразил Али-Хужа.

— Так кто же видел каптара? Никто!

— Люди, это все чепуха! — от души рассмеялся Чамсулла. — Неужели вы поверите, если скажут, что у нашего колодца сидит семиглавый аджаха-дракон и торгует семечками?! Смешно!

И все же с разных концов площади слышались голоса:

— А куда исчез Адам?

— Что за страшный был крик? Все слышали!

— Почему вдруг в эту пору обвалы?

— Да при чем тут снежный человек, односельчане?! — взмахнул руками Чамсулла. — Случайное совпадение неприятных обстоятельств. Стихия! Природа! Разве мало на земле стихийных бедствий? А насчет крика — так, по-моему, это орал наш колхозный бык, когда напали волки.

— Но крик слышали не раз!

— Напуганный змеей боится веревки, как говорят. Осел крикнет, камень свалится, баран заблеет, а легковерному да с перепугу все — голос каптара!.. Соседи над нами смеются...

— Чего им не смеяться! — возразил, качая головой, Хужа-Али. — А влезли б в наши-то шкуры...

— Над дураком, говорят, и в мечети смеются, — отозвался Али-Хужа. — Соседи умнее, вот и хохочут...

— Односельчане! — вновь крикнул Чамсулла. — Главное сейчас — хорошая дорога, а не сказки Шехерезады.

— Ну, пошли! — Мухтар легко сбежал с крыльца, схватил кирку и пошел впереди. Возбужденно гомоня, следом повалила толпа шубурумцев. Прошумели — и все стихло.

И стало слышно, как чирикают воробьи.

Только Чамсулла остался дежурить в сельсовете, да Раджаб Одноглазый сослался на неотложные дела и ушел на колхозный склад. Остались, конечно, доярки на ферме и все, кому положено быть при скотине да птице...

МОГИЛЬЩИКА УЛИЧАЮТ В УБИЙСТВЕ

Чамсулла знал, когда выбирали парторгом, что тяжелая работа свалится на его плечи, особенно здесь, в Шубуруме. И пытался отвести свою кандидатуру, говорил, что и так много забот в сельском магазине да еще дома: ведь он отец семи дочерей, что шубурумцы считают просто несчастьем. И все-таки его оставили в списке и выбрали. Но тогда Чамсулла и представить не мог, что в ауле произойдут такие события: исчезновение парикмахера, разговоры о снежном человеке, убийстве, а тут еще обвалы, оползни, лавины; прервана связь с остальным миром; в магазине иссякают товары самые желанные, самые необходимые шубурумцам: табак, керосин, спички, сахар... Соль, кажется, еще есть... Чамсулла чувствовал себя, как тот юноша, который похвастался, будто умеет лихо скакать на коне, и вдруг видит, что ему подводят коня и предлагают участвовать в скачках. Забот теперь у парторга — хоть ночами не спи.

Озабоченный Чамсулла хмурится и ходит взад-вперед по кабинету председателя сельсовета: не знает, как начать разговор. А на скамье у входной двери под самым плакатом, на котором смеющаяся женщина тащит корзину с мандаринами, яблоками, виноградом, гранатами — словом, всем, что никогда не росло и не растет в Шубуруме, —

под самым этим веселым изображением сидит удрученный Хажи-Бекир и мнет папаху грубыми руками каменотеса.

— Ну что ж, Чамсулла, говори, коли вызвал... — произносит наконец могильщик, не выдержав ожидания. — Я и сам собирался сюда прийти...

— Зачем?

— Хотел поговорить с вами: с тобой, с Мухтаром...

— Поговорить? О чем же?

— Хотел попросить, чтоб вы заступились. Я готов зарегистрироваться с Хевой в сельсовете...

— Но я слышал, она отказалась от тебя.

— Не говори так, парторг! Ты же знаешь: для мужчины это позор, если уходит жена. Не она отреклась, я отрекся. Я!

— А тогда на что же ты жалуешься?

— Жалею теперь. Раскаялся... Да ведь все же знают, что Хева моя жена.

— А ты говорил с ней?

— С Хевой? Да, говорил.

— И что?

— Без толку. Твердит одно: не я, говорит, установила такие глупые порядки, а вы, мужчины. Уйду, говорит, из этой сакли, когда Адам скажет те самые слова... А я ей говорю: нет же, нет Адама! Как же, говорю, быть?

— А она что? — спрашивает Чамсулла и садится за председательский стол; он доволен, что разговор сам собой приблизился к цели...

— Даже повторять не хочется...

— А все-таки?

— А может, говорит, ты его убил!

— Да-а, обвинение серьезное... В самом деле, Хажи-Бекир, давай подумаем: где может быть Адам? А?

— Откуда мне знать?! Знал бы, на руках притащил бы сюда.

— Когда ты видел Адама в последний раз?

— В тот день, когда погрозился его убить.

— Ты хотел убить Адама?

— Да.

— А может быть, ты случайно... его?

— Нет, нет, парторг, не убивал я его! — сверкнул глазами Хажи-Бекир. — Тогда не догнал, а потом не видел.

— Значит, не убивал?

— Не убивал.

— Где же он тогда?

— Не знаю! — тяжело вздохнул сельский могильщик и пожал плечами.

— Гм, да. Понимаешь, Хажи-Бекир, все против тебя. Вон в ауле уже поговаривают, что ты похоронил Адама в одной из могил, которые готовишь заранее к зиме, чтоб потом не долбить мерзлую землю. Слышал, а?

— Слышал. А только неправда это. Злое вранье.

Чамсулла в задумчивости потер щетинистый подбородок. Да, после исчезновения добродушного Адама, сельского парикмахера, многие в ауле ходили небритыми. Взял было Чамсулла телефонную трубку, но вспомнил, что связь прервана, и положил обратно. Закурил. Наступила напряженная тишина.

— А может, его похитил этот самый... каптар? — хрипло произнес могильщик, не выдержав тишины.

— И ты хочешь, чтоб я поверил в эту сказку? — прищурился Чамсулла.

— Да ведь в газетах пишут о снежном человеке...

— Гм, да! Что будем делать, Хажи-Бекир?

— Об одном прошу: заставьте Хеву вернуться.

— Постой, ты о чем?!

— Как о чем? Прошу вернуть Хеву.

— Хева жива и здорова. И никуда не денется. Я спрашиваю тебя: где Адам?

— Не знаю.

— Значит, ты не убивал его?

— Нет, парторг, нет. Не убивал.

— Но ты сам сказал, что грозил убить! И все слышали, как грозился.

— Ну да, грозился.

— А Хажи-Бекир слов на ветер не бросает. Хажи-Бекир горец. Мужчина. Разве не так?

— Так-то так. А только я его не убивал.

— То есть ты не ударил его кинжалом?

— Нет, нет.

— Да. Адам был маленький, слабый человек. Его легко убить и камнем...

— Но я же не ударил его и камнем! Нет!

— А-а, понимаю. Ты нечаянно уронил его с обрыва. Да?

— Нет, нет, нет, нет...

— Ну, ты совсем запутал меня, Хажи-Бекир. Может быть, лучше тебе самому рассказать, как это случилось?

— Что случилось, парторг? Что случилось?!

— Ну, при каких обстоятельствах погиб несчастный Адам?

— Откуда же мне знать, парторг?! Я же не видел.

— Ага! По-ни-маю: ты хочешь сказать, что было темно, когда это случилось? Так?

— Не-не знаю...

— Вот видишь, ты уже отвечаешь неуверенно! Итак, мы установили, что было темно. Очень темно. Так?

Могильщик молчал.

— Эх, Хажи-Бекир, Хажи-Бекир! Мужчина, горец, а виляешь, как собачий хвост. Вот уж не думал, что ты трус!

— Да не убивал я...

— Ты бы еще сказал, что до смерти боишься покойников! А? Грозился, гонялся, хотел убить, но, видите ли, не догнал хро-мо-го, слабенького Адама! А сам, как бык, расшвырял здоровых мужчин, которые пытались тебя удержать...

— Я же говорю: не...

— Нет, Хажи-Бекир, не умеешь ты сказывать сказки. Предоставь это бабушке Айбале.

Чамсулла умолк. Бледный могильщик дышал тяжело и часто, как загнанная лошадь.

Тут в кабинет протиснулся запыленный Кара-Хартум, скинул мешок с плеч, поставил ружье в угол, отряхнул телогрейку и папаху и тогда наконец спросил Чамсуллу:

— Можно?

— Что — можно?

— Зайти.

— А ты уже зашел.

— Да, верно. Уф, устал: от Волчьего ущелья летел на одном вздохе.

Кара-Хартум вытер пот со лба и покосился на Хажи-Бекира.

— Опять с пустыми руками? — спросил Чамсулла.

— Нет. На этот раз нашел кое-что...

— Нашел?! — вскочил как ужаленный Хажи-Бекир. — Где?!

— Говоришь, нашел? — поднялся и Чамсулла.

— Дайте хоть отдышаться, — взмолился охотник. — Устал до смерти...

— Говори, что с ним! — потребовал парторг.

— Бедняга. Больше не будут его дразнить наши сорванцы. А было время, когда и ему пели соловьи...

— Ну, ну?

— Нет его больше!

— Это ложь! — крикнул Хажи-Бекир и пошатнулся.

— Не знаю, случайность или убийство... Сегодня спустился в Волчье ущелье и там наткнулся вот на это... — Кара-Хартум развязал мешок и вытащил обгрызенные зверями кости — берцовую, бедренную и остатки плюсны...

Могильщик закрыл руками лицо, глухо застонал.

— Что с тобой, Хажи-Бекир? — сухо спросил Чамсулла.

— Этого я не хотел... Я не думал, что он мертв...

— Кара-Хартум, а ты уверен, что это его кости? — Чамсулла всматривался. — Адам был маленький человечек, а кости вроде бы крупные.

— Скелет всегда кажется выше человека, — ответил охотник. — А потом, возле костей лежала одна вещь...

— И вытащил из мешка серую каракулевую папаху, которую знал каждый малыш в ауле.

— Скажи, Хажи-Бекир, разве это не его папаха? — спросил Кара-Хартум, протягивая могильщику папаху.

— Да, его шапка... — с трудом выговорил Хажи-Бекир, задрожал, будто ощутил вдруг дыхание жестокого мороза, повернулся и тяжело вышел.

Парторг и охотник взглянули друг на друга.

— Задержать? — Кара-Хартум потянулся к ружью.

— Не надо. — Лицо Чамсуллы стало суровым и брезгливым. — Могильщики и муллы не спешат в рай к аллаху. А бежать некуда: обвал захлопнул нас всех в капкане.

Чамсулла распорядился отнести Хеве печальные останки Адама, и Кара-Хартум отнес. Конечно, чтоб не напугать женщину, он сначала подготовил Хеву, рассказал, что все на земле смертны, что и его и ее предки давно померли, что у него даже родители умерли назад тому двенадцать лет, что никто не знает, когда пробьет его последний час... Черную эту весть Хева встретила, как и подобает горянке, душераздирающим криком и плачем. На крик сбегались соседи и начали обычные панихидные причитания, обрядовые песни с плачем. Старухи советовали Хеве — аллах, мол, зачтет ей доброе дело — достойно похоронить несчастного парикмахера, которому так не повезло, не выпало на его долю счастья провести даже медовый месяц с молодой женой, даже хотя бы медовую неделю после долгого и горького одиночества. Бедняга, как мечтал он о подруге! И вот, когда, казалось, уже сбывалась пламенная мечта человека...

Наши далекие предки в таких случаях видели вмешательство злобных духов тьмы Ян-Вана, Сатаны, Люцифера; проявление скверных характеров Зевса, Аллаха, Иеговы; тайные планы Саваофа... А вот мне, каюсь, сдается, что все дело просто в зависти, в недоброжелательстве, которые вдруг окутывают счастливого отравленным облаком. И внезапно в самую пору цветения ощущает человек, что вянут и сохнут в нем жизненные силы, что не хватает воздуха, что тускнеет даже яркое солнце дагестанского неба... С изумлением озирается он, пытаясь понять, что же случилось?! Но бактерия зависти невидима даже в электронный микроскоп, хотя убивает, подобно чумной... И великое благо, спасение для отравленного чужой завистью — бескорыстные, щедрые, великодушные друзья и товарищи. Увы, их-то и не оказалось у несчастного Адама!

Простите, я не в силах сейчас рассказывать дальше...

АУЛ ТРЕБУЕТ ВОЗМЕЗДИЯ

Наутро перед саклей парикмахера уже сидели на камнях и бревнах почтенные шубурумцы: пришли выразить свою скорбь и соболезнование Хеве. Похоронить Адама решили у дороги, возле первых строений Шубурума. Таков обычай горцев: кто погиб или помер вне аула, тех хоронят у дороги; так сказать, за околицей.

Но кто будет рыть могилу? Полагалось бы рыть сельскому могильщику Хажи-Бекиру. Но согласится ли: ведь его подозревают в убийстве Адама! И все-таки пришлось обратиться к нему: никто в ауле не мог совершить это с таким пониманием дела, никто не знал, какая требуется глубина, к востоку или к западу должно быть возглавие, никто не умел так выдолбить каменный гроб и высечь надпись на памятнике. Да и памятники, заготовленные впрок, стояли только у сакли Хажи-Бекира.

Сперва Хажи-Бекир удивился, вознегодовал, хотел отказаться, но подумал — и согласился: пусть видят, что он готов отдать последний долг человеку, который принес ему столько бед. В конце концов сейчас не следовало ожесточать отказом и без того враждебно настроенных односельчан.

Женщины в сакле оплакивали Адама: одна запевала плач, другие хором подхватывали; приближался час выноса тела, вернее, жалких останков покойного.

Громко, отчаянно, горестно причитала-пела безутешная Хева.

Ты будто с небес ко мне спустился, Адам! Зачем же обратно поторопился, Адам? В злую могилу столкнули злодеи тебя. Они погубили с тобой и меня, Адам. Ты жизни светильник во мне возжег, Адам! И горем жестоким мне сердце сжег, Адам! Зачем так безжалостно кратким ты сделал миг, Когда я луною взошла среди звезд, Адам? Слезами я стану могилку твою поливать, Адам. Дыханьем стану в мороз согревать, Адам. Спи, мой муж дорогой, — аги, аги! На что мне жить без тебя, Адам?

— Ну, хватит, хватит тебе причитать, — успокаивала подругу Лишат, удивляясь, когда это Хева успела так горячо и нежно полюбить Адама. Чудное и странное это чувство — любовь!

— Тебе не понять меня, подруженька! — горестно качала головой Хева. — Я и сама не понимала раньше, когда люди в гневе кричали другим: да будет послано тебе великое счастье и тут же отнято! Ох, какое это страшное проклятие!

— Хева, ты просто все сама себе внушила.

— Нет, Айшат, нет! Потерять такого человека! Проклятый могильщик, чтоб крапива выросла в твоём очаге... Весь Шубурум не стоит мизинца Адама... И почему я тогда не пошла с ним, почему? Может, умерла бы я, но жил бы Адам...

И вот по обычаю вошли мужчины в саклю, где в круг собрались плачущие женщины, и под неистовые их рыдания положили на погребальные носилки останки Адама, завернутые в саван, покрыли буркой, увенчали каракулевой серой папахой. Четверо

подняли носилки на плечи и мерным быстрым шагом вышли на улицу, где все мужчины аула присоединились к процессии. Рыдающие женщины остались у сакли... им запрещено провожать покойников. С крыш, из проулков глядели на похоронную процессию дети: не то сожаление, не то удивление было на их смысленных рожицах.

Хажи-Бекир с превеликим усердием выдолбил могилу в прихваченной первыми морозами земле и стоял, опершись на ручку кирки, как чабан на посох, и шептал, шевеля губами, какую-то молитву. Останки Адама бережно опустили в каменный, уже поставленный в могилу гроб. Хажи-Бекир накрыл его каменными плитами, все быстро засыпали могилу землей и воздвигли там, где предполагалось возглавие, двухметровый памятник. Увы, каменный памятник не был резным, не успели, но имя, дату рождения и дату смерти Хажи-Бекир все же выбил... Какую дату смерти? Вот это я, признаться, не догадался посмотреть и, вы правы, очень об этом жалею. Но тут как раз вспыхнул спор: надо ли читать над могилой главу «Ясин» из Корана, которую читают над правоверными мусульманами; решили, что не надо: покойный парикмахер был членом Союза безбожников. Вместо молитв произнесли несколько трогательных речей, перечислили немалые заслуги Адама перед Шубурумом, отметили добродушный и прямой его характер; как-никак Адам внес посильный вклад в развитие культуры в ауле — был в первых рядах борцов за новый быт и красоту человека.

Самую блестящую речь на могиле парикмахера произнес Кара-Хартум, колхозный охотник. С глубокой скорбью он сказал, оглядывая столпившихся мужчин:

— Дорогие мои шубурумцы, мы прощаемся здесь с человеком, который честно прожил свою недолгую и горькую жизнь. Вы знаете, каким добрым, каким безобидным был этот человек; он никому не желал зла... Только после его смерти мы поняли, кого потеряли. Адам был не только сельским парикмахером, он был великим доброжелателем, общественником, просветителем, имя которого не грех поставить в ряду самых выдающихся деятелей. Адам всегда был ярым атеистом: в его сакле мы не нашли даже коврика для намаза. Но он был еще и активным членом Общества Красного Креста и Полумесяца, членом ДОСААФ... Друзья, мне нелегко перечислить все его заслуги перед шубурумской общественностью, но мы их не забудем никогда... Правда, мы еще не выяснили, погиб ли Адам случайно, стал ли первой жертвой каптара, был ли убит злодейской рукой... Но мы это выясним, обязательно выясним! Шубурум — не Америка, где можно убить из-за угла президента и замести следы... Нет, мы уличим виновных, и они понесут заслуженную кару!

После этой речи взволнованные, растроганные, небритые шубурумцы стали осыпать проклятиями того, кто отнял у них Адама, поднял руку на этого доброго, славного, святого человека! Крики, стенания, вопли раздались в толпе:

— Судить убийцу Адама!

— Найти и наказать, пусть это даже сам каптар!

— Такого человека убить! Какая жестокость!

— Осиротели мы теперь! Бедный, бедный наш Адам!

Хажи-Бекир стоял, опустив глаза; не было у него сил выдержать злобные взгляды односельчан. Если бы в ту пору люди были уверены, что могильщик убил Адама, они растерзали бы здесь же могильщика.

Да и теперь еще неизвестно, чем бы кончилось дело, если б Хажи-Бекир не поспешил удалиться.

Растроганные речами, взволнованные, оплакивая Адама, вернулись мужчины в аул, и тут навстречу им выбежала Хева в черном платье, которое теперь предстоит ей носить, не снимая, сорок дней и даже ночей. Хева рыдала, осыпала кого-то проклятиями и кричала:

— Люди добрые, это он! Он убил!

Толпа остановилась, зашумела гневно и грозно:

— Кто? Кто убил? Как зовут убийцу? Скажи!

— Это Хажи-Бекир, он убил! Чего же вы ждете, люди?! Накажите убийцу!

И Хева стала рвать на себе волосы.

Так бывает, когда в костер плеснут керосина: мгновенно хлынет огненный поток, забушует пламя, взметнется к небу...

Страшная толпа хлынула к сакле Хажи-Бекира, чтоб разнести ее по камешку и вместе с хозяином швырнуть в пропасть. И был бы самосуд, если б путь толпе не преградили Чамсулла и Мухтар.

— Люди! Не сходите с ума! — крикнул Чамсулла. — Это еще не установлено.

— Как не установлено?! — зашумела толпа. — Почему не установлено?! Потерять такого человека и не найти убийцу?! Разве здесь Америка, а не Шубурум? Мы все слышали, как грозился Хажи-Бекир!

— Если он виноват, — вмешался «сельсовет Мухтар», сдерживая наступающую толпу, — в этом разберется следствие. А самосуда мы не допустим!

— Самосуда и мы не хотим! — толпа медленно остывала, топчась на месте. — Мы требуем, чтоб наказали преступника! Арестуйте Хажи-Бекира!

— Хорошо! — крикнул Мухтар. — Мы его арестуем.

И могильщика арестовали, хотя он твердил глухо и безнадежно: «Я не убивал его. Я не убивал...»

Вы, наверное, спросите, отчего вдруг Хева прониклась такой неистовой ненавистью к бывшему своему мужу? Да просто, проклиная себя, что не согласилась в ту ночь бежать с Адамом, Хева словно бы вновь услышала шепот Адама: «Т-с-с, говори тише! Слышишь шаги и покашливание? Это он!» А потом неистовый стук в ворота... Воочию увидела бледное лицо Адама, как он трясущимися руками поправил на ней одеяло и торопливо исчез. А вскоре раздался страшный предсмертный вопль и кто-то пробежал мимо сакли.

И все сложилось в убеждение: «Хажи-Бекир — убийца!»

ПОЯВЛЕНИЕ КАПТАРА

Сколько раз приходилось шубурумцам выходить на суровый Шайтан-перевал, чтоб кирками да лопатами разрыть, разбросать оползни и завалы. Недаром же зовут его шубурумцы — Чертов перевал и шутят, что если кого в ауле посылают к шайтану, то посылают не так уж далеко: дорога известна каждому!..

Издавна стоит здесь длинная сакля с плоской крышей, похожая на древний караван-сарай. Во время дорожных работ люди отдыхают в ней, греются у железных печей, пьют горячий чай, иногда ночуют: ведь ходить в аул и обратно утомительно. Не раз саклю разрушали обвалы, но упорные люди снова ее восстанавливали... На этот раз грозный обвал прошел почти рядом с ветхим строением. Издали дорога казалась усыпанной муравьями. Эхо разносило стук молотов и кувалд, крики тех, кто ломami откалывал куски скалы, грохот падающих в пропасть камней. А на дне пропасти бушевал сумасшедший поток; он подхватывал, ворочал, гулко сталкивал и катил камни прочь в брызгах и пене. Взблескивали в руках кирки, с хрустом вонзались лопаты в землю, смешанную со снегом: на перевале холодно! Люди трудились увлеченно, они понимали, что эту работу никто другой делать не станет, и весело покрикивал, похваливал, подбодрял людей «сельсовет Мухтар», ловко работая киркой. Мухтар уже прикидывал, что при такой усердии перевал скоро будет расчищен: недели через две. И как всегда бывает, когда ловко и дружно идет работа, когда вокруг много народу, люди стали посмеиваться друг над другом, над недавними страхами, даже над самым снежным человеком. Али-Хужа, засучив рукава, бил киркой — аж комья летели — и так и сыпал шутками.

— Эх, молодежь! — кричал Али-Хужа. — Кирку держать не умеете, все вам подавай машины, тех-ни-ку! Откуда вам знать, что мы начали строить Советскую власть как раз киркой да лопатой. Вот так и рыли Октябрьский канал в степи... Сам Михаил мне руку пожал, когда вручал орден.

— Тебе, что ли, вручал? — недоверчиво усмехнулся Хужа-Али.

— Не мне, а республике.

— Так бы и говорил.

— А разве это не все равно? Эх, ты! Мы тогда не знали «твое-мое», все было общее, все было наше. Да откуда ж тебе знать, домоседу? Даже в гражданской войне не участвовал,

вот и остался таким, дворовым... Эх, бывало, садились мы у партизанских костров в обнимку с ружьями и до утренней зореньки мечтали...

— О чем мечтали?!

— Обо всем! И многое, многое сбылось, только вот еще пооставалось, как бы сказать, людского чертополоха да бурьяна... Мелких душонок.

— Живей, живей, ребята! — крикнул Мухтар. — Берите пример с почтенного Али-Хужа.

От гордости Али-Хужа так размахнулся киркой, что чуть не задел Хужа-Али, тот едва успел отпрянуть.

— Эй, что ты делаешь? — крикнул он в испуге. — Здесь тебе не гражданская война!

— Да, ты прав, там легче было разобраться, кто наш, а кто чужой. А ну, посторонись! — крикнул в азарте Али-Хужа.

Только сумерки прервали работу на Шайтан-перевале. Пора было возвращаться в аул, чтоб завтра спозаранку снова прийти сюда. Молодежь решила заночевать в сакле: зачем даром тратить время, идти туда и обратно? Зато можно будет чуть свет взяться за кирки да лопаты. А пока устроили небольшой перекур — у кого что было: табак, рубленая ботва, у одного нашлась русская махорка, кто-то мох высушил да помешал с табачной крошкой. Едкие дымы закурились из трубок и сигарок, закашляли, заперхали, ругаясь, люди... Но тут произошло неожиданное и страшное... Через Шайтан-перевал пронесся сперва приглушенный, а затем отчетливый, громкий, душераздирающий вопль. Шубурумцы вздрогнули, шубурумцы обернулись на крик и оцепенели. «Сельсовет Мухтар» первым заметил темный силуэт того, кто кричал: какое-то существо карабкалось вверх по снежному склону, то подымаясь на ноги, то на четвереньках. Секунду Мухтар надеялся, что другие не увидят, но люди увидели.

— Вот он, вот!

— Это каптар!

— Видите, убегает!

— Где, где?!

— Ушел, исчез!.. Выходит, все-таки не пустые сказки! А, «сельсовет»?

Мухтар потерянно молчал. Что он мог ответить?! Ведь сам видел... Не может он теперь упрямо твердить, что нет снежного человека, что это миф, сказка, бабкино вранье, небылицы для легковверных. Теперь он и сам убежден: снежный человек существует.

Люди поспешили в аул, подхватив свои лопаты. И далее те, кто собирался ночевать в сакле, теперь не решились остаться. А позади всех шел потрясенный, растерянный «сельсовет Мухтар».

Он-то понимал, что это значит для Шубурума.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Старая сакля, такая старая, что, как говорят горцы, туман сядет на крышу — и то сакля закачается... Хозяин давно оставил ее, уехал на равнину со всей семьей. И там, на равнине, вырастил сына, которого знают во многих аулах Дагестана под именем Касума-корреспондента. Казалось бы, гордиться следовало шубурумцам, что из их аула вышел, как тут выражаются, «человек с большой головой». Но шубурумцы не гордятся. Почему? Какой же он шубурумец, возражают они, если не живет в Шубуруме?!

В этой сакле Айшат недавно открыла сельскую больницу на четыре койки. Волнами плывет дым над всеми четырьмя койками, пахнет паленым листом, мохом, махоркой, табаком, лекарствами... Больные от нечего делать философствуют; они уверяют друг друга, что корень всех болезней в проклятой привычке курить, но тут же соглашаются, что все-таки над головой мужчины, если он настоящий мужчина, должен быть дым — табачный или пороховой. Лет пятьдесят тому назад шубурумцы не курили и даже не видели табаку. Но, рассказывают, однажды в Шубурум прямо из Стамбула приехал турок. На базаре турок предлагал каждому желающему разок затянуться, люди пробовали, кашляли и уходили, махнув рукой: дескать, кому нужна такая дрянь?! Приуныл было турок, но вскоре приободрился и объявил всему базару о трех великолепных свойствах табака: во-первых, кто курит, тот никогда не станет стариком; во-вторых, курящего никогда не укусит собака; в-третьих, никогда не будет обворована сакля курящего. Люди поверили и расхватили табак, даже не попросив у турка объяснений. С тех самых пор и сделались шубурумцы заядлыми курильщиками.

— Теперь я понял слова турка, который привез это проклятое зелье, чтоб его шайтаны разорвали! — сказал один из больных.

— Понял, говоришь?

— Да. Он объявил: кто курит, не будет укушен собакой. А знаете, почему?

— Ну, ну?!

— Потому что курящий бывает слабым — вот как я, — сгорбленным и ходит с палкой. А разве человека с палкой может укусить собака? А?

— А ведь верно! — воскликнул третий больной. — Интересно... Турок говорил еще, что сакля курящего никогда не будет обворована. Как же это понимать?

— Очень просто. Курящий всю ночь кашляет, а вор думает, что хозяин не спит.

— Вах, вах, вах! В самом деле, а?! — Четвертый больной сел на своей постели. — Выходит, турок нас обдурил?

— Выходит, так...

— А он еще говорил, что курящий никогда не будет стариком?

— Да. Кто курит, редко доживает до старости.

— Вот, сын дьявола, так обманул людей, чтоб сбыть свой яд! Клянусь, как только поправлюсь, брошу курить!

— Курить надо бросить, чтоб скорее поправиться! — сказала, входя, Айшат: в соседней комнате она заполняла истории болезни. — Фу, надымили! И пахнет же! Неужели вы курите кизьяк?

— Кизьяк не кизьяк, а что же делать, дорогая, если табаку не осталось? Вот и жжем кто что придумает, лишь бы дым...

— Словно костер жгли в комнате! Ну как вас лечить после этого? — Рассерженная Айшат открыла окно. — А вы укройтесь, чтоб не надуло. — И, глядя, как дым струей выползает за окно, добавила: — Русские говорят: хоть топор вешай!

— Куда вешай?

— На дым.

— Разве у них гвоздя нет?! — захихикал старик, желтый, как осенний лист. — Чего только не выдумают — топор вешать на дым! В жизни не поверю...

— Можете не верить, но извольте лечиться, — строго ответила Айшат, рассматривая градусник. — У вас еще не снизилась температура.

— Доктор, скажите, пожалуйста, вот я слышал... Правда это, что под крыльями утки бывает до сорока пяти градусов?

— Не знаю. А вот если вы не перестанете курить всякую дрянь, я за вас не поручусь...

— А интересно, если утка такая горячая, то сколько градусов может быть под мышками у снежного человека? А?

— Не знаю. Не измеряла, — отозвалась Айшат, пересаживаясь к другому больному. Ей доучала болтовня больных, но Айшат сдерживалась: все они намного старше, да и лежать в больнице скучно...

— А что нового слышно о каптаре, доктор? Моя семья просто помирает со страху, просит скорее вернуться домой...

— Вернетесь, когда поправитесь.

— А говорят, наш ветеринар... Да вот и он сам! — Хамзат как раз вошел в палату. — Эй, Хамзат, это правда, что ты решил изучать снежного человека и написать книгу? А какой он, каптар-то? Ты его видал?

— Это, во-первых, не человек, а животное, — возразил Хамзат, — а во-вторых, я пришел не развлекать вас хабарами-рассказами. Я пришел спросить, когда, наконец, наша прелестная Айшат выпишет тебя, ты мне нужен до зарезу.

— Выпишу примерно через месяц, — строго ответила Айшат. — Если, конечно, все будет благополучно.

— Нельзя! Он мне нужен сейчас.

— А ты погляди на него: не видишь разве?

— Ну что там: желтуха! Чепуха. Детская болезнь. Вставай, одевайся!

И Хамзат скинул одеяло со старика.

— Не смейте вставать! А вы, Хамзат, немедленно уходите из больницы. Сейчас же!

— Айшат, дорогая, пойми меня: он сорок лет работал на ферме...

— Нет, нет, не могу!

— Айшат!

— Хамзат!

— А между прочим, до чего же ты хороша, когда сердишься!

И только тут больные поняли, что ветеринар явился совсем не для того, чтоб увести старика... И старик обиженно натянул обратно одеяло.

Айшат была слишком сердита, чтобы смутиться.

— И это ты заметил?!

— Ну и прелестна же ты! Почему, ну почему ты, Айшат, не веришь в мое чувство?

— Что-что? — переспросил глуховатый больной.

— Чувство.

— А что это такое? Ты принес ей подарок, юноша?

— Да.

— А что?

— Сердце свое, вот что.

— Ты, Хамзат, лучше оставь свое сердце в своей грудной клетке, а то станешь бессердечным. Иди, иди, не трать зря времени, пиши диссертацию, доказывай, что каптар — это животное.

— А ты думаешь, что это человек? Смешно!

— Ничего смешного! Без ветра и камыш не колыхнется. Неспроста назвали: снежный человек.

— Да что мне название! Вон бабочку назвали «адмирал»! А она боится и летать над водою...

— Слушай, Хамзат, дай мне наконец работать. Уходи!

— Хорошо, хорошо, уйду. Ты не проводишь меня, Айшат?

— Нет.

— Зачем же так грубо, моя куропаточка!

— Уходите.

— Ухожу. До встречи, Айшат.

— Сильно ты ему приглянулась, красавица, — заметил старик, когда Хамзат вышел.

— Кому только она не приглянулась! — вставил другой.

— Ну, вот что, больные, хватит! Отдыхайте. Я вам очень серьезно говорю: осиротеют ваши дети раньше времени, если не будете слушаться меня.

— Да мы бы давно разошлись по домам, красавица, если б не ты. Нам так приятно, когда ты чирикаешь в этой комнате. Соскучились мы по красоте, хоть порой нам и неловко.

— Отчего же неловко? — зарделась Айшат. —

— Ну, как тебе сказать, доченька... Неловко, что мы такие седые, старые. Наверное, так куску льда стыдно лежать возле подснежника. Ведь, глядя на тебя, мы поняли, что такое красота.

— Завидуем тому, кто прикоснется к твоим плечам, — вздохнул другой, натягивая одеяло. — А есть у тебя такой джигит? Наверное, есть...

— Нету, нету, дорогие.

— А вдруг, как в сказке, этот снежный человек окажется красавцем и похитит тебя, как похитил красавицу Зубари...

— Ну зачем вы пугаете меня? Не надо! Отдыхайте, — и Айшат, тщательно закрыв окно, вышла, притворила за собой дверь.

— Добрая, красивая, милая... — проговорил старик. — Сорок лет живу с женой, а не знал, что у женщины такие красивые ноги, бедра...

— А груди? — сказал глуховатый.

— Ну, ты уж совсем... бесстыжий! — засмеялись все.

— Да, если бы молодость продавали, я бы купил на первом же базаре...

— Если бы... Если бы...

— А что, друзья... Доктор ушла, воздух свежий. Может, покурим? А?

— А что ж, покурим. Только уж ты угости своим табачком, а то моей смесью разве ружье заряжать или каптару набить трубку. Покуришь, а после весь день в горле вроде бы кошка хвостом шевелит.

Кряхтя и кашляя, вытащили больные из-под подушек свои кисеты.

— Постой-ка! Что это? Вроде бы синица постучала клювом в окошко...

Сдерживая кашель, прислушались.

— Вот опять! Слышите?.. Эй, почтенный, тебе ближе: погляди, что там за птица...

— Сейчас, — отозвался старик, подымаясь и приныкая к стеклу.

Стукнув, окно отворилось, и все слышали торопливый тревожный шепот:

— Деда... Ой, деда... Скажи моему папе, чтоб шел домой... Чтоб скорее шел... Мамка боится одна... маленькие ревут во все горло... Так страшно! Та-ак страшно!

— Да чего страшно-то? — спросил удивленный старик в комнате, и за окном поспешно зашелестело:

— Да вы разве не знаете?.. Ой! Появился каптар! Все видели на Шайтан-перевале. Сам «сельсовет Мухтар» видел... Бегают на четвереньках прямо по скалам... Все-все видели...

Когда через два часа Айшат вошла в палату, в ней лежал один желтый, как осенний лист, старик.

— А где ж... остальные?! — спросила Айшат, озираясь.

— Выздоровели, — хмуро отозвался старик. — Выздоровели и ушли защищать свои семьи от каптара.

— Да что вы все с ума посходили с этим каптаром!

— Не сердись, доченька. Но теперь каптара видели все. На Шайтан-перевале. Спроси своего отца. — И, помолчав, добавил: — «Сельсовет Мухтар» — такой человек: скажет, что у моего соседа ослиный хвост, поверю без справки!

— Ну, а вы чего же не выздоровели, дедушка? — невесело усмехнулась Айшат.

— Какой я защитник! Мне теперь не отбиться и от собаки...

— Нет, дедушка! Не скромничайте, вы просто самый умный человек в этом сумасшедшем ауле, — решительно сказала Айшат. — Давайте мерить температуру.

О ПРЕВРАТНОСТЯХ СУДЬБЫ

Мог ли предвидеть сельский могильщик, что на его голову обрушится безжалостный град несчастий и опрокинет жизнь вверх дном, словно бешеный поток утлую лодку горца? Он мог ожидать всего, чего угодно: финагента из райцентра с ультиматумом, похожим на школьную почетную грамоту; секретаря сельсовета Искендера, пришедшего по предписанию Мухтара с угрозой выселить из аула, если могильщик не возьмется за полезное дело, хотя бы за строительство общественной уборной, которая так нужна Шубуруму. Но могло ли даже во сне привидеться Хажи-Бекиру, что рухнет главный оплот его благополучия, опора, в которой он был непоколебимо уверен? Если бы он ведал, где упадет, то подложил бы, как говорится, кусок войлока, чтоб не ушибиться... Но в том-то и беда, что верящие в судьбу легко попадают впросак... Еще недавно о его жизни говорили любимой поговоркой горцев: «Не желай большего, а то сглазишь!..» Была сакля, была жена, была корова, трижды в день горячая пища, а что же еще нужно горцу?.. А теперь нет ни того, ни другого, ни третьего... Ничего нет! Что называется, «собака ушла и цепь унесла». До последнего дня он не хотел смириться, не мог поверить; ему казалось: все происходит во сне, в кошмаре, такого не может быть наяву; надо заставить себя проснуться!.. Но теперь пришла самая грозная беда, перед которой померкли все невзгоды: его уличают в убийстве! Вы понимаете, что значит быть уличенным в убийстве? И никакими доводами, никакими свидетельствами нельзя отвести обвинение, опровергнуть улики; хоть сам подписывай приговор!

И все-таки надежда еще теплится в Хажи-Бекире. Спросите: на что надеешься? Он только пожмет плечами, он не сумеет ответить, но, невзирая на каменную невыразительность фигуры могильщика, вы, приглядевшись, уловите слабое мерцание потаенного света: это светится надежда. Та самая надежда, с которой осужденный поднимается даже на эшафот. А может, это осталась в человеке и под ударами несчастий ожила и засветилась наивная детская вера в свое бессмертие? Та самая, о которой поется в детской песенке: «Пусть всегда буду я!..»

Хажи-Бекир под следствием. Хажи-Бекир заключен в одиночную камеру с решеткой на окне. Сюда, в райцентр, он явился в сопровождении конвоира, секретаря сельсовета Искендера, буквоеда, которого в ауле называют: колбаса, начиненная бумажками. Разве не к нему однажды обратился Хажи-Бекир, когда почтальон принес почтовый перевод (когда-то он продал кунаку из дальнего аула каменное надгробие, и теперь кунак прислал деньги). Почтальон требовал документы, а у Хажи-Бекира их не было. Попробуйте и вы быть могильщиком, рыть могилы и не терять из карманов документы!

Немало он похоронил их в земле, и, наверное, археологи будущего века в недоумении разведут руками, раскопав разные могилы с документами одного и того же Хажи-Бекира... Пришлось Хажи-Бекиру обратиться в сельсовет.

— Покажи паспорт или метрику, тогда я выдам справку! — возразил Искендер.

— Зачем бы я стал тебя тревожить, если б у меня был паспорт? Но ты же знаешь, что я Хажи-Бекир.

— Да, знаю.

— Ну так и напиши.

— Поди, хочешь еще, чтоб и печать приложил и подписался?

— Да.

— Ну нет, сначала покажи метрику, или паспорт, или свидетельство о рождении...

— Тогда-то и понял впервые Хажи-Бекир великую силу бумаги в наш просвещенный век. Бумага есть — ты человек. Нет бумаги — еще неизвестно, кто ты: может быть, английский шпион или перс, торгующий анашой. Кто знает, может быть, так усердно ищут снежного человека лишь для того, чтобы проверить, имеется ли у него паспорт или другой документ, удостоверяющий, что каптар — это он и есть.

Да, обо всем подумал, все рассудил, обо всем пожалел на невольном досуге в одиночной камере Хажи-Бекир. Пожалел и о деньгах, что отдал мошеннику Шахназару: сейчас бы они оченьгодились. Да что поделаешь: как говорится, кость, что попала в зубы волку, оставь ему, — только пожелай, чтоб застряла в глотке!

Нелегка и опасна была дорога из Шубурума через завалы и оползни. Местами Хажи-Бекир и секретарь сельсовета ползли на брюхе, шли, царапая руки, на четвереньках. И Хажи-Бекир усердно помогал Искендеру перебираться через камни. Вздумай могильщик сбежать, он мог бы легко столкнуть конвоира в пропасть или даже просто уйти от него: секретарь сельсовета был вооружен лишь старым заржавленным кинжалом, который не смог вытащить из ножен, когда в дороге понадобилось вырубить палки-посохи. И если бы кто мог взглянуть со стороны, подумал бы, что это Хажи-Бекир конвоирует Искендера. А секретарь сельсовета очень боялся, что преступник сбежит, и в душе клял себя

последними словами: зачем пошел, зачем не отказался под любым предлогом! В свою очередь, Хажи-Бекир боялся, как бы секретарь сельсовета по неловкости не сорвался в ущелье; случись несчастье с представителем власти, опять обвинят его же: скажут, убил одного, а теперь и второго, злодей, зверь, бандит! Разве редко бывает, что, раз заподозрив человека в дурном, после все пороки приписывают ему же; как выражаются в таких случаях шубурумцы, «все плохое у Патимы!».

Так преодолели они Шайтан-перевал и стали спускаться по склону горы Булах, когда Искендер поскользнулся на камне, сорвался и вместе со снежной лавиной и камнями рухнул с обрыва. Глухой стон вырвался у могильщика, крик ужаса, когда глянул вниз: там, внизу, было распластано тело несчастного Искендера, секретаря Шубурумского сельсовета.

— О аллах! — воскликнул удрученный Хажи-Бекир. — Что же это ты делаешь со мной? Сойди же сюда, выскажи мне свои претензии и упреки! Видишь, я один, и ты одни. Спускайся! Не хочешь? Конечно, удобнее вершить мирские дела тайком, но почему же ты решаешь их так несправедливо? Или тебе доставляет удовольствие мучить бедного человека? Ведь никто мне не поверит, все скажут, что я нарочно столкнул его в пропасть. Ты-то для меня свидетелем не будешь — это я хорошо знаю...

Махнул рукой Хажи-Бекир и спустился в ущелье. И там оказалось, что Искендер дышит, он жив! Неслышанно обрадовался могильщик. Недаром в горах говорят, если желают добра: «Да обернется ожидаемая беда радостью!»

— Ты, ты живой! — восторженно лепетал Хажи-Бекир, склонившись над секретарем сельсовета. — Правда, живой? А?

— Жив, только с ногой плохо... — простонал Искендер. — Ты здесь! Уф! Хорошо, что здесь!

— А где же мне быть?

— Я думал, ты убежал. Я так боялся!

— Бежать? — Хажи-Бекир удивился этой мысли. Ему и в голову не приходило такое!

— Хажи-Бекир, дорогой, не убегай! Пожалей меня, войди в положение, у меня же дети, ты знаешь их...

— Хватит болтать глупости. Пошли!

— Не могу встать. Что же делать? Звать тут некого, разве только снежного человека...

Искендер попробовал встать, но тут же рухнул, вскрикнув от боли. Хажи-Бекир не знал, как быть. Бежать, бросив Искендера? Да через час от него останутся одни обглоданные кости — здесь рыщут горные волки. А у Искендера дома семья, дети... И в конце концов

он ничего худого не сделал ему, могильщику... И тогда не отвратить обвинения во втором убийстве.

Хажи-Бекир решительно поднялся. Искендер схватил его за полу бешмета.

— Не убегай, прошу тебя!

— Пойдем!

— Не могу! — взмолился Искендер. — Может, лучше вернуться домой, в аул? Помоги добраться до семьи.

— Нет, ты должен доставить меня, куда велено. Я ведь не знаю, куда и к кому идти. Да и не поверят... Влезай мне на спину!

И Хажи-Бекир с великим трудом, качаясь и спотыкаясь, потащил Искендера, как живую справку о своих добрых намерениях, в райцентр. Правда, эта справка была тяжеловата и стоила могильщику двадцати потов. Но не даром же он возился с двухметровыми каменными памятниками!

Словом, получилось, что Хажи-Бекир сам себя привел в милицию и отдал на милость бесстрастного, хладнокровного правосудия. Благодарный за спасение, секретарь сельсовета рассказал следователю обо всем, что случилось в пути, о том, что могильщик мог бежать, но, как видите, не бежал: Искендер хотел бы теперь смягчить следователя. Но следователь не пожелал считаться, как ему казалось, с запоздалым раскаянием и внезапной добротой Хажи-Бекира: перед ним сидел убийца! И сентиментальности были здесь неуместны. Однако следователь не стал допрашивать, было много иных дел в районе; только предварительно и не строго опросив, водворил в одиночную камеру и ушел, ибо у следователя кончился рабочий день, а у него тоже есть семья, которая ждет отца и мужа.

Кроме того, следователь любил, чтоб обвиняемые, по его выражению, «дозревали, как помидоры на солнышке», в долгом предварительном заключении, в одиноких размышлениях о собственной мерзости. Не в его правилах было торопиться.

И сидит Хажи-Бекир теперь в темной камере на обрубке пня и смотрит через решетку на мерцающие звезды; съезился он от холода — помещения подобного рода в горах не отапливаются, не признают здесь таких нежностей в обращении с преступниками. «Туда зря не попадают», — говорят многие... Никто не зашел к нему, никто не спросил, хочет ли он есть. И к душевным переживаниям прибавились вскоре страдания физические — было холодно, и в желудке корчился голодный червь.

«Все потеряно! — думал в отчаянии могильщик. — На меня будут показывать пальцами: вот, мол, этот убил беззащитного, слабого человека. И мне больше не жить в Шубуруме... А как же я без Шубурума, без односельчан?! Как отставшая овца... Ах, Хева, Хева, что же ты наделала?! Я все еще виню ее, как будто она виновата... Неужели я потерял Хеву

навсегда? Да, Хажи-Бекир, навсегда... Не можешь смириться? А что же ты сделаешь? Насильно не вернешь... Ишак! Ишак я глупейший! Сам же пошел и выдал замуж свою жену, послушался этого мошенника Шахназара. И выдал за кого?! За Адама! Был бы он достойнее меня — не так бы обидно... О чем я думаю? Все это ерунда, мелочи, рябь на воде, легкая дорожная пыль по сравнению с тем, что теперь меня ожидает. Вероятно, пошлют в Сибирь, на север, во льды и морозы, что убивают на лету птиц...»

Хажи-Бекиру стало холодно, он перебрался на топчан и лег, не раздеваясь, укрылся тощим одеялом.

«Расскажи кому-нибудь — так ведь и не поверят, скажут: ну и врун же ты, а? Да, чужое страдание, говорят, можно терпеть и четыре года... Что же это я?! Неужели я ничем не могу изменить свое положение? Если я сам не позабочусь о себе, кто же обо мне позаботится?»

Как говорится, несчастный богат горем. Да, в этом смысле вряд ли можно было найти в горных аулах человека богаче Хажи-Бекира.

Наконец Хажи-Бекир решил заснуть, чтобы забыть обо всем хоть на время. Не тут-то было! Мысли в голове толклись и толкались, как люди на площади в базарный день со всякой рухлядью в руках — и нет ничего хорошего, а люди торгуются, спорят и даже ссорятся...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОДНОГЛАЗЫЙ С ЗОЛОТЫМ КЛЮЧОМ

На каменных стенах шубурумских саклей еще сбереглись полустертые, наверное, написанные в двадцатых годах, лозунги «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — хотя пролетарием в этом ауле был лишь один человек, вернувшийся с постройки Октябрьского канала, кузнец Али-Хужа, к которому приводили лошадей, чтоб подковать. Другой лозунг до сих пор гласит: «Да здравствуют женщины, ура!» И, наконец, третий призывает: «Все на выборы!» Кстати, на первых выборах в Шубуруме произошел такой случай: выбирать явился Хужа-Али, бюллетени ему вручил пролетарий и сельский активист Али-Хужа, а потом провел в угол, занавешенный черной бязью, и сказал, что здесь, мол, в скрытом месте, подумай, кого оставить в бюллетене, а кого вычеркнуть. Хужа-Али страшно оскорбился. «Эй, Али-Хужа! — вскричал он в негодовании. — Не считаешь ли ты меня трусом? Думаешь, я кого-нибудь из них боюсь? Ты приведи их сюда, я им прямо в лицо скажу, за кого буду голосовать, а кого вычеркну!»

Сумерки над Шубурумом сгущались. С гор, низко надвинувших белые снеговые папахи, подул пронизывающий ветер, сдувая со склонов выпавший днем сухой снег, который теперь летел, как заряд дроби. В теплой одежде — в шубах, в тулупах — люди из разных кварталов аула направлялись к мечети. Надобно сказать, что у жителей каждого квартала — а их всего пять — было свое прозвище. Одних зовут: «те, что косят траву на крыше»,

других — «картофельные глазки», третьих — «крапивники», четвертых — «колючки», пятых — «чесночники».

Постороннему могло бы показаться, что шубурумцы спешат помолиться аллаху, чтобы всевышний и всемогущий послал им избавление или исцеление. Но спешили они, конечно, не на моление, а на чрезвычайное собрание жителей аула по случаю теперь общепризнанного появления снежного человека. Уже несколько дней люди не выходят за пределы аула: каждый вечер слышится крик каптара, похожий на зычный зов муэдзина с минарета, зов, обрывающийся все тем же стоном «ау!».

Лет тридцать не кричит муэдзин с минарета в Шубуруме, с тех самых пор, как ушел к праотцам последний шубурумский кадий, религиозный судья, не оставив преемника. И теперь в морозы и дождь в просторном помещении мечети проводят собрания, устраивают лекции, показывают кинофильмы.

Али-Хужа всегда с улыбкой переступает порог мечети. А вы знаете, почему улыбается Али-Хужа? В двадцатые годы он руководил в Шубуруме Союзом безбожников, и однажды в пятницу молодой резкий атеист отважился войти в львиную пещеру — явился в мечеть и предложил всем, кто молился, стать безбожниками. Он ожидал чего угодно, но не того, что случилось: вдруг все, начиная со служителей культа, пожелали вступить в Союз безбожников, тут же уплатили взносы, и Али-Хужа даже вспотел, заполняя членские книжки. В полном недоумении спросил наконец Али-Хужа:

— Как прикажете это понимать?

— Понимай, как хочешь, а только мусульмане всегда были против бога, да покарает его аллах!

И тогда Али-Хужа вспомнил, что нигде в Коране аллаха не называют богом: аллах — и все! И понял, что попал впросак.

С того вечера, как работавшие на расчистке дороги у Шайтан-перевала шубурумцы увидели удалявшегося к вечным ледникам Дюльти-Дага черного каптара, в ауле воцарилась паника и суматоха. Слухи и досужие вымыслы, один страшнее другого, катились из сакли в саклю, как снежный ком с горы, все увеличиваясь и увеличиваясь; уже стали пророчить скорое светопреставление, вестником которого будто бы и явился каптар. Конечно, теперь никакие силы не могли заставить суеверных шубурумцев выйти за границы аула. Дорожные работы забросили. Машины с товарами давно повернули обратно: тщетно они ждали, что им расчистят дорогу; не стоять же им за перевалом до весны!

В этой панике многие пожелали покинуть Шубурум навсегда, несмотря на строгий запрет сельсовета. Кое-кто даже бежал тайком по трудным горным тропам, навьючив домашний скarb на ишаков и лошадей. И среди беглецов были даже те, кто раньше ни за что не желал переселяться, покинуть святые могилы предков.

Начинались холода, а топливо кончилось. Заготовленные еще осенью дрова лежали в ущельях, но кто сейчас отважится спуститься за ними? И вот уже два дня в школе нет занятий — нечем топить печи.

Надо было срочно что-то предпринять. Надо действовать! И Чамсулла решил собрать людей, чтобы поговорить откровенно, по душам, хотя и сам не знал, как начнет трудный разговор. Несомненно было одно: надо освободить людей от страха... Может быть, объяснить им, что каптар не сказочное чудовище, а просто безобидное существо, животное, тварь вроде горного медведя? Можно сослаться на Хамзата, попросить его сказать несколько слов... В общем, не так страшен каптар, как его малюют...

По пути в мечеть Чамсулла забрел к председателю сельсовета. Мухтар сидел в передней комнате и после сытного хинкала пил чай. Жена его с соседками давно ушла в мечеть на собрание, а дочь Айшат лежала на тахте в соседней комнате и читала на сон грядущий какую-то медицинскую книгу... Мухтар обрадовался Чамсулле, пододвинул стул:

— Садись, еще есть время, — сказал Мухтар, посмотрев на старые стенные часы.

— Меня удивляет твое спокойствие! — возразил Чамсулла.

— Это я-то спокоен?! Ха-ха-ха!

— Да, ты. Это же позор, что творится в ауле! Вся республика подымет нас на смех. Может быть, даже вся страна.

— Ну, нам-то не до смеха.

— Глупо все! Я тебя спрашиваю, «сельсовет», что же это делается, а? Да ты «сельсовет» или не «сельсовет»?

— Да, «сельсовет». А что я могу сделать? Все было наладилось, люди так рьяно взялись за работу, за один день мы расчистили два поворота, и надо же было: явился этот снежный шайтан и сказал свое «салам-алейкум!». Будь он проклят!

— Кто мы такие, черт возьми, мужчины или нет?! — возмутился Чамсулла. — Мы же папахи носим.

— Да, я не хотел верить, но понимаешь: я же сам видел его и слышал.

— Наваждение! Померещилось!

— Померещиться могло одному, двум, но не всем же.

— Все равно не могу поверить. — Чамсулла наконец опустился на стул.

— Дочка, налей Чамсулле чаю, — громко сказал Мухтар.

Айшат вышла из своей комнаты, налила гостю крепкого чая.

— Ты, Чамсулла, не кричи. Давай поразмыслим спокойно, что сказать людям...

— Сказать, что его нет.

— Но он есть! Это такая же правда, как то, что мы с тобой сидим за столом, — возразил Мухтар.

— И рассказывают, что он очень похож на человека, — вмешалась Айшат. — Страшен, говорят, лицом, уши лохматые, весь обросший... Это правда, папа?

— Не знаю... Я с ним не здоровался! — возразил Мухтар. — Иди займись своими делами. И без тебя тошно.

— Нет, по-моему, здесь все посходили с ума! — вскочил Чамсулла. — Ну, я пойду. Не опаздывайте.

— Выпей чаю.

— Не хочу, спасибо! — И Чамсулла ушел.

— Возмущается так, будто это я выдумал снежного человека, — сказал с досадой Мухтар вслед парторгу.

Только вышел Чамсулла, как порог переступил колхозный кладовщик Раджаб, прозванный Одноглазым. Он, как всегда, навеселе. Молча подошел он к Мухтару, молча пожал руку, с шумом отодвинул стул и сел, пристально глядя на председателя сельсовета единственным глазом.

— Выпил? — спросил Мухтар.

— Да.

— Для храбрости?

— Может быть. С каптаром, «сельсовет», дело нешуточное. От него всего можно ждать. Он и на колхозный склад может явиться. А что?

— Зачем?

— Откуда мне знать?... Мало ли что он может натворить... на складе. Но разговор сейчас не о том. Вот скажи: ты мне друг?

— Допустим, что дальше?

— Не «допустим», а прямо скажи: да или нет?

— И да и нет.

— Ох и не люблю же я людей, которые из своего сердца делают хурджин!

— Ты хочешь, чтоб я сказал «да»? Хочешь выжать из меня это слово? — поморщился Мухтар.

— Зачем выжимать? Вот наш парторг Чамсулла — я с ним сейчас нос к носу столкнулся — так он мне прямо в лицо сказал: «Нет!» И правильно, у мужчины одно слово должно быть, а не два. — Раджаб щелкнул пальцами. — Правильно говорю?

— Чамсулла настоящий мужчина, и если он скажет, что у тебя есть хвост сзади и длинные уши на лбу, то я могу это заверить и приложить вот эту самую печать, — промолвил Мухтар и достал из кармана кисет, а из кисета вытащил круглую гербовую печать.

— Эхей, зачем, ну зачем прикладывать печать на пустяковую бумажку? Жалко... У меня есть один акт...

— Что, крысы опять съели брынзу?

— Нет... На этот раз хуже... Мы же, дорогой «сельсовет», хоть и дальние, но все же родственники. — Раджаб было протянул руку к печати, но Мухтар спрятал ее в кисет и сунул обратно в карман.

— Родственники, говоришь? Как же: на одной переправе спинами стукнулись... Пошли, пошли, люди уже ждут.

Мухтар хотел встать, но Раджаб удержал.

— Сядь-ка, дорогой «сельсовет»! Добрый ты человек, а с добрым и посидеть приятно. — И Раджаб вытащил бутылку. — Еще летом кунак привез. Люблю я эту штуkenцию! Ты только на этикетку взгляни: черный тур на скале. Эмблема!

— Скоро вы сделаете эмблемой каптара под зеленым сводом ледника! — возмутился Мухтар. — Ну, не дурачься. Лучше выпей крепкого чая.

— Да что там чай... Чай, дорогой ты мой, не коньяк, много не выпьешь. А эта... — Раджаб чмокнул бутылку и поднял над головой. — Это же золотой ключик, открывает все тайники на земле.

— И даже двери колхозного склада? Ты смотри у меня!

— Нет, Мухтар, глубоко ошибаешься.

— Клади свою эмблему обратно и пошли...

— Эх, непонятливый ты человек, — покачал головой Раджаб. — Давай выпьем! Я же от тебя ничего не требую, а ты уже готов думать обо мне дурное... Нет, дорогой «сельсовет», я тебе — друг!

— Пьющий в долг, говорят, дважды пьянеет. Ты это знаешь?

— Не знаю. А разве это плохо?

— Нехорошо. Раз пьянеет, когда выпьет, а другой раз, когда поймет, что натворил во хмелю.

— Ну что ж, а чай пить все-таки не буду! — Раджаб спрятал бутылку и встал.

— Мы уходим, дочка! А ты не идешь?

— Я устала сегодня, — сказала Айшат, выходя из своей комнаты.

— И не страшно тебе одной оставаться в сакле, Айшат? — удивился Раджаб.

— А чего мне бояться? Надеюсь, снежный человек не пожалует в гости... — улыбнулась Айшат.

— А что ж? Запри, Айшат, хорошенько двери и никуда не выходи, — погрозил пальцем Раджаб. — Каптара недавно видели у недостроенной бани...

— Наверно, блохи замучили, хотел помыться, — усмехнулся Мухтар.

— И не только у бани. Он, говорят, часто появляется у сакли Адама, где живет Хева.

— Пошли, пошли! — Мухтар подтолкнул Одноглазого.

ПРОДЕЛКИ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Слухи о каптаре широко разлетелись по Дагестану, вызывая у одних насмешливую улыбку и веселый смех, у других — смятение и суеверный страх, а у третьих, любящих происшествия, даже горькое сожаление, что каптар появился не возле их аула, а где-то у шайтана на рогах — у самых «небожителей». Сообщения о снежном человеке в Шубуруме появились не только в местных газетах, но даже в центральной печати. Зашевелился и мир ученых-исследователей — зоологов и биологов, историков, археологов; даже литераторы заинтересовались; даже те, кто еще недавно был настроен скептически, теперь торопились высказать свои суждения. В печати появились самые противоречивые выступления. Многие поддержали версию Хамзата, который в пространной статье довольно обоснованно доказывал, что это не человек, а животное, имеющее хвост; да, да, там, где были найдены таинственные следы на снегу, был явственно виден след хвоста! Другие, однако, продолжали утверждать, что это человек типа неандертальца. И для того чтобы выбраться из водоворота суждений, споров и кривотолков, ученый мир решил послать экспедицию в Шубурум. Правда, пока только решили, но еще не организовали; ученые не любят торопиться. Да и, признаться, мало было охотников отправиться в такую пору в горы к самым ледникам, рисковать собой... К тому же и дорога в Шубурум все еще не расчищена: попробуй доберись! Но пока ученый мир обдумывал в мельчайших подробностях предстоящую экспедицию, спорил и готовился, зашевелился, заволновался, загудел мир журналистов. Особенно решительным оказался разъездной корреспондент местной газеты, молодой, еще не женатый и потому

расторопный, только что окончивший университет Касум. Да, да, тот самый, который написал на три колонки острый, меткий, яркий фельетон о браконьерах на реке Сулак, промышлявших рыбой из запретных вод, и которому однажды вечером пришлось столкнуться нос к носу с тремя из своих героев, настроенных не очень доброжелательно, но удалось выйти из потасовки победителем, хотя и не без повреждений. Да, это был тот самый Касум, неугомонный Касум, прозванный в городе «дружинником номер один», готовый лезть в любое пекло, вездесущий непоседа, которого нелегко застать в редакции и которого знают все горожане не меньше, чем начальника милиции. Разве мог такой человек усидеть спокойно, когда представляется возможность прославиться на весь мир: взять первое интервью у снежного человека, заснять его с лампой-вспышкой и показать всему населению земного шара?! Касум так заторопился, что даже забыл сообщить редакции, куда отправляется; к тому же и не хотел об этом особенно распространяться; у Касума свой метод: меньше болтовни, больше дела! Напишет корреспонденцию и положит вместе с фотографиями на стол редактору — вот и все! А разговоры сами собой возникнут после выхода в свет газеты с его очерком.

Касум оделся потеплее: ведь отправлялся не на цитрусовый юг, а к вечным снегам Дюльти-Дага. Дорогу он знал: и родители Касума были оттуда родом, да и ему самому приходилось посещать Шубурум по редакционным делам. Однажды редактор поручил ему проверить одно письмо из Шубурума. Этот случай он хорошо помнит: не раз рассказывал со смехом товарищам по работе. В Шубуруме на гудекане он встретил Кара-Хартума и сказал:

— Я как раз к тебе.

— Ко мне?! — удивился Кара-Хартум: еще никогда к нему не приезжали из города.

— Да, в редакцию поступил материал о тебе.

— Материал?

— Да.

— Слышите вы, люди, а? Обо мне прислали материал в редакцию. Вот народ! Ну что я такого сделал, чтоб обо мне писали? Наверняка это о том, что я женился на молоденькой, да? Ну скажи ты честно: кто же не любит молодых? Вот спроси нашего почтенного старика Али-Хужу: женился бы он, если б за него согласилась выйти наша красавица Айшат? А?

— Конечно, женился бы! — воскликнул Али-Хужа.

— А я б и от старой вдовы не отказался, — грустно вставил тогда горбун-парикмахер.

— Слышишь ты, газетчик, что люди говорят? А?

— Да. Но написали не об этом.

— А о чем же? Что уклоняюсь от колхозных работ? Так я же охотник, не умею ковыряться в земле...

— Нет, и не о том...

— А-а, теперь догадываюсь! Наверное, о том, что, когда достраивал саклю, лес рубил. Да? И кто бы подумал, что о таком пустяке люди станут писать в газету! Нет, ты скажи, кто написал эту кляузу?

— Нет, нет, и не об этом, дорогой Кара-Хартум! — сказал тогда Касум.

— Тогда я что-то ничего такого не припоминаю, о чем могли бы писать.

— А может быть, — вмешался Хужа-Али, — написали о том, что ты вместо горной куропатки подстрелил соседскую курицу?

— Это была случайность! — возразил Кара-Хартум. — А впрочем, шайтан их знает. В наш просвещенный век, век бумаги, все может быть: бумага стерпит. Так неужели написали о курице?!

— Нет, — сказал Касум, — не о курице... Ты на прошлой неделе, говорят, убил трех волков. Правда?

— Да. А что в этом плохого? Убил трех волков. Что ж тут худого? Вот народ, вот народ! Чем умнее становятся, тем хуже делаются. Все стали грамотными. А что будет дальше? Раньше люди не находили слов даже, чтобы сказать о любви. А теперь — пожалуйста, пиши на бумаге, передавай записки девушке. Тьфу! Какая безнравственность, — бумага, видите ли, не краснеет... Да, я убил трех волков, и шкуры сдал, куда следует, и получил вознаграждение — столько, сколько положено и ни на копейку больше. Понятно?

— Да, понятно! — ответил Касум и усмехнулся.

— Ты чего смеешься?

— Да так просто...

Тогда и познакомился Касум с колхозным охотником Кара-Хартумом, о котором в газету написал доброе слово, что вот, мол, он избавил общественный скот от трех жестоких врагов.

К самым высотам Касум подъехал на попутных машинах, а дальше надо было идти пешком. Нелегко пришлось корреспонденту: горные тропы и дороги были уже под снегом, кое-где завалены камнями, обвалами, а местами обрушились. Кое-где пришлось пробираться на четвереньках, а то и ползком. Хорошо, что он надел грубую, с шипами, обувь альпиниста. Лохматая заячья ушанка и медвежья шуба надежно укрыли от холода, а чем выше поднимался Касум, тем злее становился мороз. Под шубой корреспондент

прятал надежного друга — фотоаппарат «ФЭД», которым надеялся заснять самого снежного человека.

Когда солнце, опускаясь, коснулось горных вершин, Касум был уже на Шайтан-перевале и здесь немного отдохнул, в той самой похожей на караван-сарай постройке, где обычно отдыхали дорожные рабочие. Уже совсем стемнело, когда Касум увидел тусклые огни Шубурума.

Надо было прежде всего где-то устроиться на ночлег, и, миновав на окраине аула у дороги свежую могилу с каменным памятником, Касум постучался в первую же саклю. Никто не отозвался. Постучался во вторую — снова глухое безмолвие. И в третью не смог достучаться... «Да что ж это такое?! — испугался Касум. — Неужели люди внезапно покинули аул? Неужели ни одна дверь не откроется передо мной? Но если хозяева уехали, отчего же заперты двери?» Встревоженный, Касум медленно шел по тесным проулкам...

Могла ли Айшат не верить отцу, человеку, которому уже двадцать лет шубурумцы доверяют руководить сельсоветом? А ведь отец сам видел каптара... Пусть издали, но все-таки видел. Горцы говорят: «Что видел — правда, что слышал — ложь». И девушке вдруг стало страшно. Айшат проворно вскочила с тахты и заперла дверь сакли. Не успела отойти, кто-то негромко постучал. Мгновенно Айшат оглядела комнату, схватила со стены отцовский кинжал, вынула из ножен. Стук повторился, тихий голос сказал за дверью:

— Открой, это я!

— Кто ты?

— Да я, Хамзат.

— Нет, нет, это по твой голос.

— А чей же?

— Если это вправду ты, Хамзат, то скажи...

— Что сказать?

— Скажи... Скажи: животные болеют гипертонией?

— Нет.

— На самом деле это ты, Хамзат?

— Да, я. Открой.

— Ну что тебе? Зачем стучишься, когда я одна?

— А мне больше никто и не нужен. Хочу сказать тебе пару слов.

— Ну, говори, я слушаю.

— Открой же, Айшат.

— Нет, я одна...

— Я должен сказать тебе очень, о-чень важное...

И Айшат не устояла... О, скольких женщин погубило любопытство и скольких оно еще погубит!

Хамзат вошел, прикрыл дверь, оглядел девушку. Взгляд его показался Айшат странным.

— Ну, что ты хотел мне сказать? — спросила она, отступая в глубь комнаты.

— Зачем этот кинжал?

— Он тебе не мешает.

— Нет, но...

— Говори же скорее! Люди могут вернуться. Что подумают, если застанут нас наедине...

— Я долго искал случая побыть с тобой наедине! Айшат...

— Что?

— Я люблю тебя, Айшат, — промолвил Хамзат, подходя ближе.

— Нет, нет, не говори мне этого...

— Говорю и буду говорить. Хватит! Я долго терпел.

Хамзат попытался обнять девушку, но Айшат приставила кинжал к его груди.

— Не смей!.. Хамзат, не теряй рассудка! Уходи. Уходи прочь!

— Нет, Айшат, не уйду.

— Отец может вернуться.

— Пусть. Пусть все знают, что ты моя, только моя!

— Но я не люблю тебя.

— Ничего, полюбишь... — и Хамзат ловко схватил руку девушки, стиснул — и кинжал выпал.

— Негодяй, мерзавец, скотина! Ты сошел с ума, Хамзат! Что ты делаешь? Прочь отсюда! Уходи! Насилием не заставишь меня полюбить...

— Полюбишь!

— Скотина! Люди, спасите!

И тут на пороге появился запорошенный снегом Касум. Он стучался еще в несколько домов, не достучался, а теперь услышал голоса и вошел.

— Узнаю тебя, край необузданных чувств! — громко воскликнул Касум.

И теперь, когда уже пришла помощь, Айшат вдруг потеряла сознание, тяжело повисла на руках Хамзата. И Хамзат испугался, побелел, как снег.

— Айшат, Айшат! Что с тобой?! — лепетал он растерянно.

— Эй, что это? Двадцатый век — и Проспер Мериме?! — воскликнул Касум. Он мгновенно сбросил шубу и шапку: чтоб не помешали, если придется схватиться с насильником.

— Кто там вошел? — сказал Хамзат. — Помоги ее положить на тахту, ей плохо.

— Ты ее убил? — грозно спросил Касум, приближаясь. И тут Хамзат увидел перед собой чужого, незнакомого человека в хорошем костюме: горожанина. От страха у него затряслись губы: конечно, прибыл снизу представитель Советской власти к Мухтару!

— Не говори так! — возразил Хамзат.

— А кинжал зачем выхватил?

— Кинжал? — Хамзат взглянул и увидел лежащий на полу кинжал.

— Да! Кинжал.

— Ну-ка помоги уложить ее на тахту... Просто беда: вот-вот вернется отец.

Касум помог.

— Да она же почти мертва... Что ты сделал?

— Я... ничего. Право, ничего... — Хамзат рванулся к двери, но Касум удержал.

— Нет, братец, так не выйдет! Останься и жди суда.

— Я не убивал ее. Я сказал ей только — «люблю!».

— А она любила тебя?

— Н-не знаю...

— Все понятно: преступление на почве ревности. Эх, ишачья голова, разве ты не знал, что со словом «люблю» надо обращаться, как с космической пылью, осторожно? Да и вообще лучше не обращаться: любовь должны понимать без слов!

— Не мог же я знать, что она так... расстроится?! Я сейчас, я...

На этот раз Касум не успел задержать Хамзата.

Корреспондент стоял посреди комнаты в сомнении. Если сейчас войдут люди, они подумают, что виноват он, Касум, в том, что здесь произошло. А в то же время разве можно оставить девушку, когда она, быть может, нуждается в неотложной помощи.

Касум подошел ближе и вздрогнул: Айшат была действительно красива, а теперь, в обмороке, когда исчез яркий грубоватый румянец, она сделалась воистину прекрасна... Невольно робея перед красотой, Касум коснулся ее руки ощутил равномерное тихое биение пульса.

— Стучит! Стучит, как молоточек ювелира, — обрадовался он. — И откуда взялась она такая? Фиалка среди снегов...

Он нашел кумган с водой и, набрав воды в рот, прыснул в лицо Айшат, как прыскал на собственную сорочку, когда надо было ее погладить.

Айшат открыла глаза. Айшат с удивлением поглядела на него. Айшат поднялась:

— Кто ты?

— Тебе было плохо. Лежи!

Касум протянул было руку, но девушка отстранилась.

— Не прикасайся ко мне, незнакомец.

— Какой я незнакомец! Я тебя видел. Да и вообще я тебя знаю давно. Лежи спокойно.

— Ты не мог меня знать, потому что я тебя не знаю.

— Какие все это пустяки! Ну, я видел тебя в городе... Или в прошлый приезд... Или во сне, наконец! Ну, какая разница?

— В городе? Откуда ты здесь взялся?

— Вот приехал.

— Уходите, уходите отсюда.

— Какая благодарность! Я ее спас...

— От кого спас?

— От этого негодяя.

— Где он?

— Убежал, к сожалению.

— Уходите и вы. Я не хочу, чтобы меня заставляли с незнакомцем.

— Не уйду! Мне некуда идти.

Касум сел на стул.

— Тогда уйду я! — возразила Айшат и решительно пошла к двери в одном легком платье.

— Хорошо, хорошо, уйду! — поднялся Касум. — Ну и гостеприимные же здесь люди!

Он надел медвежью шубу, нахлобучил шапку и вышел. И услышал, как за спиной лязгнул крючок.

А в мечети уже не первый час пылал яростный спор, на этот раз шубурумцы ничего не желали слушать, орали десятками голосов одно и то же: немедленно, сейчас же переселяться вниз. Они больше не могут жить в таком ужасе, когда под окнами ходят каптары, нападают на людей, — как это «на кого?». А Одноглазый разве не человек?! А? Когда из-за проклятого каптара людям нечего курить, кончается сахар, кончается керосин... Нет уж, хватит! Теперь они не дорожили даже святыми могилами предков.

— Да куда же переселяться? — развел руками Чамсулла.

— А в тот поселок, куда звали осенью.

— Поздно спохватились, — возразил Мухтар. — То место уже заняли другие.

— Пусть не то, пусть какое-нибудь...

— Да разве можно переселяться на голое место, где нет ни жилья, ни временок?.. Вы соображаете или нет? Время-то какое: зима, мороз... А у вас дети, старики...

— Все равно! — голосили люди. — Не хотим оставаться в этих проклятых аллахом скалах!

— А сколько раз вы не хотели, отказывались? — вмешался Чамсулла. — Переселяться — это верно. Но нельзя переселяться наспех. А вы кричите: «Завтра же!» Стыдно, вы же умные люди. Куда вы пойдете? Подумайте хорошенько... Нас же осмеют: мол, вот идут беженцы от каптара! Срам!

Неизвестно, сколько еще длился бы спор, если б в мечеть не вломился бледный, запыхавшийся Раджаб.

— Беда, беда, «сельсовет»! — завопил он, едва переводя дыхание.

— Какая еще беда?!

— Я говорил! Я предупреждал! Я предвидел! А меня не слушали.

— Да что же случилось? Скажи толком. — Чамсулла схватил его за грудь и встряхнул.

— Теперь говори не говори... Все пропало... Я предупреждал! И не один раз! Много раз!

— Не бормочи! Говори, в чем дело?

— Я же предупреждал...

— Ну, хорошо, хорошо: допустим, что ты говорил.

— Не «допустим», а точно.

— Не тяни...

— Он там. — Раджаб показал на выход.

— Кто?

— Этот шайтан. Каптар!

— Где?

— Он поджег мою контору. Как только я увидел красного петуха...

— Какого петуха?!

— Ну, пламя, огонь! Так сразу сердце ушло в пятки. Бегу туда, смотрю, а он сидит у костра из моих бумаг — там накладные, ведомости, списки, — а он греется и хохочет... Что теперь будет, а? Акт надо! Акт составить...

— Проклятье! Что за дьявольщина здесь творится! — крикнул Чамсулла и бросился к выходу.

Мухтар не отставал. За ними бросились все, кто был еще достоин называться мужчиной в Шубуруме. Горным потоком хлынули люди к колхозному складу, крича, бранясь, готовые схватить голыми руками снежного человека, связать, посадить на цепь.

Впрочем, не все были охвачены гневом, кое-кто отделился от потока и ушел домой: мол, лучше не ввязываться в эту историю, кто знает, что может произойти и какими средствами самозащиты обладает неведомое существо, могущее жить на ледниках. Лучше быть подальше от беды.

У склада пахло горелым, из разбитых окон валил дым, а внутри помещения в пламени догорающих бумаг кто-то плясал.

— Вот он, вот каптар! — заорал Раджаб. — Хватайте его! Ему потеха, а мне каково? Документы сгорели!

Люди невольно отпрянули от дверей, даже Чамсулла дрогнул в мгновенной нерешительности. Но тут они услышали голос того, кто пытался затоптать огонь:

— Эй, люди! Чего же вы смотрите? Быстрее воды! Ваше же добро горит.

Ну да, это был Касум. Он проходил переулок, когда увидел пожар... И на первый взгляд он, пожалуй, мог бы сойти за каптара — весь черный от копоти, в лохматой шубе, в расстегнутой ушанке.

Зато и хохотали же люди, когда на их глазах каптар обернулся корреспондентом Касумом, которого они знали! Хохотали до слез, до колик. До изнеможения. Хлопая в ладоши от смеха, надрывали животы секретарь сельсовета Искендер, охотник Кара-Хартум.

— Ну и каптар! — смеялся Чамсулла. — А ведь похож! Похож!

— Вот твой каптар, — сказал Мухтар Одноглазому. — Так кто же поджег контору?

— Каптар.

— А где он?

— Клянусь бородой отца, своими глазами видел его... Наверное... Наверное, убежал.

— Убежал?! — с иронией переспросил Мухтар.

Общими усилиями быстро потушили пожар.

И хотя этот случай рассмешил шубурумцев, расходились они по саклям с непонятным чувством разочарования и растерянности: всем уже осточертели слухи, паника, напряжение последних дней; право, не мешало бы поскорее покинуть эти проклятые места!

ХУЖА-АЛИ И ЕГО СТАРАЯ ОСЛИЦА

Тревожная это была ночь.

Хужа-Али долго ворочался рядом со своей костлявой старухой, с которой живет под одной крышей больше половины столетия. Еще никогда постель не казалась такой жесткой. Не раз перебирал в задумчивости бородку. Наконец, толчком локтя разбудил бабушку Айбалу и высказал мысль, которая не давала заснуть:

— Жена! Эй, жена! Я решил уехать...

Хужа-Али — человек старой закалки, к нежностям не приучен, не может советоваться с женой. Он привык решать сам и это решение считает для семьи окончательным.

— Куда же ты на ночь-то глядя? — не поняла спросонья Айбала.

— Да не сейчас, завтра...

— Куда ехать-то? В ущелье за дровами, что ли? Верно, чего нам мерзнуть-то... — сказала, зевая, старуха.

— Всю жизнь ты была непонятливой, да и в старости не поумнела. Пойми: я решил совсем покинуть аул. Сов-сем! Соседи давно уехали, а мы чего-то торчим в этой дыре...

— Сам же был против отъезда. Какими словами оскорблял всех, кто собирался уехать!

— А теперь я решил, и мы уедем. Ты против, что ли?

— Да спи ты... Видно, не в пользу тебе лекарство, что дает внученька. Спи и дай мне поспать...

Надо сказать, что до сих пор бабушка Айбала твердила мужу: «Одумайся, старый. Давай уедем». А Хужа-Али и слушать не хотел о переселении. Может, и сейчас, если б жена безропотно согласилась, он передумал бы... Но раз жена противится, Хужа-Али будет стоять на своем. Уж такой у него характер: никак не может согласиться с чужим мнением.

— Эй, слышишь, жена: я так решил. И конец делу! — Хужа-Али даже сел от гнева.

— Подумаешь, он решил! Здесь твоя внучка, твои дочери, твой зять. А мы еще не решили.

— Ах, ты не решила?

— Нет.

— Эй, не смей повышать голос, пока я жив! Это я с тобой говорю...

— Пятьдесят лет не повышала голоса. Хватит! Надоели мне твои глупости. Спи, говорю...

— Ах, ты хочешь спать! Ну-ка, вставай сейчас же да упакуй свой сундук. — Не на шутку обозленный Хужа-Али вскочил и сдернул одеяло с жены.

— Ты что, с ума сошел?!

— Может быть. Вставай, а то смотри получишь ремнем по мягкому, как бывало.

— Ну, мягкого уже не осталось, — возразила бабушка Айбала. — Одни кости остались. Довел!

— Что, жалеешь?

— А еще бы: такого жениха упустила. Променяла сокола на ворона.

— Ах, значит, для тебя Али-Хужа, сокол, а я ворон? Да?

— Не каркай! Дай хоть вспомнить...

— Вспомнить? Что ты там вспоминаешь, старая? А ну-ка?!

— Самый сладкий час моей жизни, который потом снился всю жизнь... Как меня на лесной опушке целовал Али-Хужа.

— Что-о?! А ну-ка, повтори! Он целовал тебя?

— Да. Еще до тебя.

— Значит, его поцелуй тебе дороже, чем вся жизнь со мной?!

— Дороже...

— Ну, нет! Ты хочешь раздражить, чтобы я сказал те же слова, какие сказал Хажи-Бекир. Не дожدهшься! Но я покажу этому цыпленку Али-Хуже, как целовать мою жену.

— А я тогда не была еще твоей женой.

— Ах ты, потаскуха беззубая!

— Не кричи, козлиная борода!

— Я тебе покажу козлиную бороду! Я тебе покажу!.. На этом крючке висел ремень, где он, где?

— Висел сорок лет назад.

— Вставай, собирайся!

— Можешь ехать, а я останусь, — сказала бабушка Айбала и натянула одеяло.

— Клянусь, не останешься! А-а, тебе хочется с Али-Хужой вспоминать лесную опушку? А? Ну нет, ты пойдешь со мной. В один ботинок обе ноги сунешь и пойдешь! — Хужа-Али схватил жену, чтобы поднять с постели, но сам упал.

— Эх, силенки у тебя не осталось, старый...

— Я тебе покажу «силенки»!

— Не надо. Давай уж сама встану, что ли... — И бабушка Айбала поднялась. — А твой зять «сельсовет», думаешь, отпустит?

— А я его и не спрошу.

— Ой, как холодно. И топить нечем. Клянусь, ты прав: лучше уехать туда, где теплее...

— Видишь, видишь! Я же это решил.

— Правильно решил. Я давно хотела пожить где-нибудь в другом месте... Ну, собираться так собираться... Укладывай вещи!

Бабушка Айбала засутилась, вытащила старые деревянные сундуки с харбукскими замками. И Хужа-Али призадумался: почему она так проворно, будто давно этого жаждала, укладывает вещи? Уж не разыграла ли его старуха?! Нет, нельзя допустить, чтоб жена одурачила его!

— А как же нам быть со скотом? — спросил он.

— Продадим кому-нибудь или оставим дочери, — беззаботно отозвалась старуха.

— Поди, сакля-то без присмотра разрушится...

— Пусть рушится.

— Ах, тебе на все наплевать, лишь бы уехать! — вскричал Хужа-Али. — Нет, меня не проведешь! Я не брошу хозяйство. Потуши свет и ложись спать...

— Вагабай, вагарай! Что за человек, а?! — всплеснула руками бабушка Айбала. — Ты же позоришь свою папаху: у мужчины должно быть одно слово, а не десять!

— Я дал слово, я и взял обратно. Все! Вижу, как обрадовалась. Протянул собаке кость, так она норовит вместе с пальцами оторвать...

Бабушка Айбала нашла в сундуке платье, которое надевала лет пятьдесят назад: со звонящими нагрудными подвесками из серебряных монет. И не стерпев, надела его сейчас, выпрямилась, сказала улыбаясь:

— Погляди-ка!

— Хоть подвенечное надень, все равно ничего не изменится.

— А помнишь, как в этом платье я сводила с ума шубурумских парней?

— Да, это ты умела... Вертела талией, как лиса хвостом, строила глазки, груди выпячивала и будто ненароком проводила по ним рукой... Ох, и дурой была! Чего смеешься?

Бабушка Айбала улыбалась воспоминаниям.

— В этом платье, — сказала она негромко, — я была на опушке леса...

— Когда тебя целовал Али-Хужа? Да?!

Айбала кивнула.

— Да... Как он обвил меня своими лапами тогда... — Она фыркнула и даже закрылась рукавом.

— Эй, женщина! Еще одно слово — и придется для тебя копать могилу, — заорал, вскакивая, Хужа-Али. — Не желаю я видеть это проклятое платье!

И он так рванул подвески, что серебряные монеты, звеня, разлетелись по всей комнате.

— Уедем немедленно! — кричал старик. — А я-то думаю: отчего бы это хинкал у нас всегда вкуснее, если в гости пришел Али-Хужа? Ни дня не останусь в ауле, где этот собачий сын!

— Ты попробуй сказать ему в лицо.

— И попробую! А что, я боюсь его, что ли?! Собирайся!

— Нет уж, хватит играть...

— Да ты что? Забыла, кто с тобой разговаривает?

— Уезжай один... погоди, я припомню тебе, как рвать мои воспоминания, — говорила бабушка Айбала, собирая рассыпавшиеся монеты.

— Ой, смотри: лопнет мое терпение! Нет, больше ты его не увидишь. Собирайся.

Хужа-Али стал сам запихивать вещи в сундук, в чемоданы. Вскоре стала помогать и бабушка Айбала; связали узлы... А там и рассвело, во дворе замычала корова.

Угрюмо оглядел свое добро Хужа-Али.

— Неужели вот это — все?!

— Что все?!

— Не знал, что мы так бедно жили! А ведь жизнь ушла...

— Только теперь заметил? — горько усмехнулась бабушка Айбала.

— И даже никакой мебели... Ну, что ж, пошли в сельсовет. Попросим хоть выючную лошадь.

— Ты же не хотел обращаться к зятю.

— Не один мой зять — Советская власть. Там и еще найдутся достойные люди. Пошли!

— А я-то зачем пойду?

— Ты женщина. Немножко поплачь — и уступят. Мужчин теперь не ставят ни во что, а стоит женщине пустить слезу, так все сделают для нее... Хотя поздно, да я понял: нынче пришла женская власть. Пошли.

Они вышли, у ворот Хужа-Али замешкался: в сельсовет надо идти мимо сакли Али-Хужи...

— Пойдем отсюда, — сказал Хужа-Али и пошел в обратную сторону.

— Но сельсовет не там!

— Не твое дело, иди за мной, я лучше знаю, где сельсовет.

— Идет на запад, а ищет восход; вот всегда так с ним! — проворчала бабушка Айбала, но все же пошла за мужем.

Только спустились они на сельскую площадь, где раньше шубурумцы молотили досками зерно (забив сначала в доски кремни), а нынче играют свадьбы, как навстречу попался сам Али-Хужа: шел с киркой и мешком картофеля, что выкопал из-под снега неподалеку от родника. Хужа-Али отпрянул, будто встретил снежного барса.

— Уже встали? — удивился Али-Хужа.

— Что за вопрос! — сердито ответил Хужа-Али. — А иначе как бы мы оказались тут...

— Это правда. Но чего ты такой злой? Что стряслось с твоим мужем? — спросил Али-Хужа у старухи.

— Бежать собрался из аула.

— Не может быть?! — удивился Али-Хужа. — Поистине все перевернулось в этом мире... Да, да, чему ж теперь удивляться: я своими глазами видел, как без насадки выводят цыплят... Вот и ты, Хужа-Али, увидишь теперь.

— Уж ты не думаешь ли, что я ради твоих цыплят покидаю аул?

— А ради чего же?

— Из-за тебя, собачий сын!

— Ну, это уже серьезный разговор. Придется снять мешок... — И Али-Хужа положил мешок на камень у дороги. — А скажи, Хужа-Али, кирку тебе дать или на всякий случай оставить себе?

— Не смейся! Прочь с дороги! — отстранил его Хужа-Али и пошел дальше.

— Ты, Айбала, верно, напоила его ослиным молоком! — заметил Али-Хужа.

— Напомнила ему опушку леса, — шепнула, проходя, бабушка Айбала.

— Ха-ха-ха! Насыпала, значит, угольков за шиворот! — расхохотался Али-Хужа. — То-то у него трясется борода...

Этот смех был для Хужа-Али что острый нож; чуть не бегом подлетел он к своей старухе, схватил за руку и повлек за собой: так ведут козу на привязи. И тащил ее за руку до самого сельсовета. А тут остался на крыльце и приказал бабушке Айбале идти и выклянчить пару вьючных лошадей.

А в сельсовете шел горячий спор между Мухтаром и Айшат. Поодаль на скамейке сидел и слушал разговор Касум, не решаясь вмешаться: почему-то чувствовал себя не в своей тарелке.

Айшат волновалась: она навещала сбежавших больных, их состояние ухудшилось, но все трое решительно отказались вернуться в больницу. «Нельзя оставить семью в беде!» — отвечали они на все уговоры и даже угрозы врача. И теперь Айшат требовала, чтобы сельсовет применил власть, заставил вернуться больных. Но Мухтар только разводил руками и отвечал:

— Ну что я могу сделать, ну что?! Скажи мне, чем я могу их напугать, чтоб они вернулись? Ничем! Люди в панике. Они боятся каптара, а не Мухтара. Меня не слушаются... Да и вообще сельсовету хватает и других дел.

— Ты должен их вернуть, — твердила Айшат. — Им нечем топить сакли, а в холодном помещении больные могут умереть.

— Раз они захотели умереть, что же я могу сделать? Их теперь и палкой не выгонишь из сакли.

— Ты же «сельсовет»! Уговори...

— Только и делаю, что уговариваю. Хватит! Сама добивайся, я ничего не могу сделать...

— Тогда обеспечь хотя бы этих троих топливом.

— Откуда? Дрова в ущелье — никто не хочет привезти. Вот сама возмись да привези.

— Все сама да сама... В мои обязанности это не входит.

— А в мои обязанности входит борьба со снежным человеком, а?

— Да, входит, раз он объявился! — Айшат взглянула на Касума, отчего-то смутилась и вышла, хлопнув дверью.

— А, шайтан! — воскликнул в сердцах Мухтар. — Когда ж наконец покончим с этой катавасией? Не хватает еще и ее заботы взвалить на мои плечи.

— А она дерзкая! — сказал Касум, подсаживаясь ближе. — Кто она?

— Наш сельский врач, — ответил Мухтар, глядя куда-то вдаль через окно.

— Врач?

— А чему ты удивляешься?

— И с дипломом?

— Конечно.

— И училась в городе? — еще больше удивился Касум.

— А где же еще? Не думаешь ли, что здесь, в поднебесье, есть медицинский институт?

— Не думаю, нет... А красивая она, хотя и...

— Что «хотя и»?

— Со странностями... — сказал Касум; он не знал, что говорит с отцом Айшат.

— Какими странностями?

— Гм... Да вчера она просто выгнала меня из сакли; мол, не хочу, чтоб меня застали одну с незнакомцем.

— А разве она не права?

— Не знаю... Но гнать гостя!.. А скажите, председатель, она замужем?

— Кто?

— Да вот та, что ушла. Сельский врач.

— Скажи, пожалуйста, чего ты так заинтересовался Айшат? — спросил наконец Мухтар.

Касум не успел ответить: в комнату вошла бабушка Айбала.

Старушка по-родственному подсела к Мухтару, справилась о здоровье, о самочувствии, извинилась, что тревожит пустяками запятых людей, и попросила дать вьючную лошадь (о двух лошадях она и сказать не решилась).

— Зачем?! — удивился Мухтар, а когда узнал, что Хужа-Али решил сбежать из аула, пришел в ярость. Не помогли ни уговоры, ни просьбы, ни мольбы, ни слезы. — Эй, теща! — гневно сказал председатель сельсовета. — Скажи моему тестю, что отара всегда ходит за козлом: если он хочет переселяться, весь аул пойдет за ним, да только не сейчас, а летом. Тогда и я поздравлю его с правильным решением... Вот и все! Кончен разговор.

Чтоб не мешать разговору, Касум вышел из сельсовета и пошел бродить по аулу. Возле сельской больницы он снова встретил озабоченную Айшат и, конечно, поспешил выразить ей сочувствие:

— Ай-яй-яй, какой строгий у вас «сельсовет», а?!

— А, что ты в этом понимаешь! — возразила Айшат.

— Я, кажется, тебя не обидел, девушка? Что ты говоришь со мной, как всадник с пешим?.. Прости, если ночью напугал тебя...

— Я не пугливая, — Айшат отвернулась, почувствовав, что краснеет; невольно у нее вырвалось: — Что делать?!

— А ты хорошенько попроси председателя сельсовета.

— Бесполезно.

— Почему?

— Я знаю его характер.

— Да, характерец у него, могу сказать! — радостно подхватил Касум. — Упрямей любого ишака.

— Да ты что?! — ахнула Айшат.

— Я же сам видел. Такая девушка пришла с просьбой, а он...

— Он — мой отец.

— Что? — растерялся Касум, — Как отец?

— Очень просто: отец и все.

— Вот тебе и на! А я-то расспрашивал о тебе.

— Обо мне?

— Ну да.

— Зачем?

— Просто я любопытный человек.

— Да, это сразу видно, — улыбнулась Айшат.

— Тогда, значит, я смею попросить, девушка, чтоб ты проводила меня к себе.

— Куда? — удивилась Айшат.

— К вашей сакле. Твой отец сказал: «У нас гостиниц нет, будешь жить у меня». Выходит, у вас...

— Сам напросился?

— Нет, я не люблю стеснять людей, но...

— Понятно. А зачем ты пожаловал в Шубурум, интересно узнать?

— Как зачем? Найти снежного человека.

— Ну и что ж: нашли?

— Пока вижу снежных людей, а каптара нет.

— Нелестно! Ну, вот что: мне некогда, у меня больные. Ты спустишься сейчас вниз, повернешь налево под арку, потом направо — там наша сакля.

И Айшат ушла.

— Смотри, парень, как бы не ослепнуть: разве можно так долго смотреть на солнце! — заметила бабушка Айбала Касуму, который, не двигаясь, смотрел вслед Айшат.

— Это о чем ты, бабушка? — усмехнулся Касум.

— Ах, ты не понимаешь? Смешной ты, парень! Не трать зря силы. У нее есть жених.

— У кого?

— У моей внучки, которую ты рассматриваешь, как кубачинец пробу на золоте. Хи-хи, — засмеялась бабушка. — Напаялил на себя звериную шкуру и думает, что уже покори́л сердце девушки. Эх, парень, парень, если б ты знал, какого зятя мы ждем...

— Какого же?

— Сядь-ка, сядь со мной на камушек, не бойся, это старость, сделала меня страшной, а я добрая. Вот так... Это будет совсем, совсем скоро... Вот появится со стороны Шайтан-перевала красавец джигит на славном вороном коне, в черкеске с золотыми газырями, в белоснежной бурке на плечах и с красным башлыком...

— Ах, вон оно что! — улыбнулся Касум. — А я-то думаю: чего это Айшат все поглядывает на дорогу...

— Да, да, парень, он должен появиться оттуда. И скажет он, что явился за красавицей Айшат...

— Сказка...

— А хоть бы и сказка! Таким, как ты, она не чета. Сказка! — повторила с насмешкой Айбала. — Не умеет нынешняя молодежь мечтать... Да что там говорить! — махнула она костлявой рукой, уходя.

Бабушка Айбала передала своему старику весь разговор с зятем, но строптивый Хужа-Али уже не хотел ничего слушать. Он навьючил на свою единственную ослицу с облезлыми

боками все, что могла она выдержать, и побрел вместе со старухой по трудным горным тропам в обход осыпей и обвалов. Хужа-Али шел и думал, что надо будет пристроить у кого-нибудь внизу старуху, а самому вернуться с ослицей в Шубурум за остальными вещами. У него еще звенел в ушах смех Али-Хужи. Нет, он больше не в состоянии видеть этого наглеца и слышать его рассуждения о «цыплятах без наседки». Тьфу! Да лучше уж сорваться вместе с ослицей в горную пропасть, чем встречаться каждый день с Али-Хужой и вспоминать... Ну, да, да: вспоминать опушку леса!

Но Хужа-Али последнее время почему-то не везло: словно серая туча несчастий, что обрушилась на голову Хажи-Бекира, задела и его краем... К вечеру они уже подходили к аулу Мин-Мубарак, и Хужа-Али радовался, что успел добраться засветло, и подумывал, у кого бы переночевать, а то и оставить на пару дней бабушку Айбалу, пока он вернется за остальным добром...

Ох, как часто мы радуемся слишком поспешно, как часто вместо предвкушаемого меда получаем добрую горсть редьки и хрена, которые, как известно, друг друга не слаще!

Надо вам сказать, что в горах издавна заведено: один аул держит у себя только ишаков-самцов, а другой аул — подальше — только ослиц: держать их в одном ауле все равно, что жить рядом с пороховой бочкой, к которой уже подброшен зажженный фитиль. Влюбленного ишака удержать невыносимо, он не знает ни стыда, ни совести. Что делать, такая уж это безнравственная тварь, хоть и необходимая в хозяйстве горца. А сколько из-за них в прежние времена было ссор в аулах, споров и даже вражды!..

Если в Шубуруме держали ослиц, то в Мин-Мубараке были ишаки. В ауле вечер, над каждой саклей вьется дымок, будто разом закурили старики на гудекане; по дороге семят ишаки с дровами, возвращаясь из леса; из аула выходят ишаки с мешками зерна на деревянных седлах — хозяева гонят их в ущелье к мельнице, чтобы ночью помолоть... В домах сели за ужин: пахнет вареной картошкой и свежим хлебом...

И вдруг у самого аула Хужи-Али услышал радостный рев ишака. Второго, третьего! И вот уже страшный хор оглушил все окрест. Тут только старик понял свою ошибку и встрепнулся, но было уже поздно. Ослица сразу наострила уши и прислушалась. К Хужа-Али со всех сторон, как сорвавшиеся с цепи собаки, неслись ишаки разных мастей, черные и серые, гнедые и белые, навьюченные и свободные, а один прыгал даже стреноженный, и все, задирая морды к небу, ревели. Почуввав их приближение, ослица тоже задрала морду и раскатисто заорала что-то: казалось, она скликала ишаков со всего аула Мин-Мубарак. Она начала подпрыгивать, будто под ней тряслась земля, лягаться и, наконец, сбросила поклажу; что-то разбилось в узелках, зазвенело, старуха бросилась поднимать, проклиная ослицу и того, кто ее приобрел... Сам не свой, Хужа-Али кинулся к ослице, схватил за уши, удерживая на месте.

— Эй, жена, скорей сюда, держи ослицу вот так. Проклятая тварь!

— Но смогу ли я сдержать? — молвила старуха, хватаясь бессильными руками за длинные замшевые уши.

— Смотри не отпускай! А я попробую отогнать. Но где же их хозяева? Почему не удерживают? Эй, жамиат[1] куда же вы смотрите?! — кричал Хужа-Али, хоть и понимал, что вряд ли кому удастся удержать ошалевших от страсти тварей.

Ишаки набежали и закружились возле ослицы, не обращая внимания на пинки, удары и гневные крики старика. Неожиданно ослица лягнула что есть сил и отбросила Хужа-Али в сторону. Старик упал ничком. А когда поднялся, было уже поздно... Дрожа от ярости, Хужа-Али обернулся и крикнул жене:

— Эй, женщина, бесстыжая, закрой платком лицо и глаза!

— Кому? — не поняла старуха.

— Себе, дура!

— А что делать с ослицей? Отпустить уши? — Старуха все еще цепко хваталась за уши ослицы.

— Бросай к шайтану! И отвернись от позора!

И Хужа-Али опустился на землю спиной к этим тварям, беспомощный и бессильный. А за его спиной происходило нечто вроде пляски на раскаленной сковороде.

Тут на шум, рев, крики сбежались люди из ближних саклей, но если б даже собрался народ из десяти аулов, и то ничего не смог бы сделать. Только их смех и слышал Хужа-Али, и ему вдруг почудилось, что это хохочет Али-Хужа. Он вскочил как ошпаренный. Обезумев от гнева, Хужа-Али вдруг вспомнил о кинжале, что торчал у него на поясе. Подбежал к ишакам, растолкал и, чтоб не ввязываться в ссору с жителями чужого аула, ударом кинжала размозил череп своей ослице. Не мог он простить даже скотине такую безнравственность!

Вот так Хужа-Али под аулом Мин-Мубарак лишился своей ослицы. К счастью, подвернулся порожний грузовик, Хужа-Али навалил в него узлы и сундуки, посадил в кузов рядом с собой бабушку Айбалу и поехал, даже не спросив, куда направляется машина: ему было все равно! Лишь бы подальше отсюда...

ВО ХМЕЛЮ, КАК В ЗЕРКАЛЕ

Ровно без пятнадцати семь, как всегда, над Шубурумом пронесся пронзительный крик снежного человека. Жители привычно сверили часы.

Возле сельского магазина стояли охотник Кара-Хартум, ветеринар Хамзат, завмаг Чамсулла. С тех пор как снежный человек сжег в складской конторе накладные, ценные бумаги, ведомости по распределению дохода и прочее, кладовщик Раджаб вроде бы

немного, как говорится, того-этого, тронулся, свихнулся, стал заговариваться; словом, почти спятил. Теперь он не желал ни на час расстаться с этими людьми и, будто в бреду, все твердил: «Ну, друзья, считайте, что меня заживо похоронили... Все пропало! Я погиб! Меня обязательно посадят за решетку. Я умру там! Умру, не вынесу, не выдержу... Сиротами останутся мои дети. Вдовой будет моя жена...» И вот так причитая, умолял не бросать его в этом великом горе, быть рядом в дни, когда на его плечи свалилась такая страшная беда... Кара-Хартум, Хамзат, Чамсулла пытались уйти по своим долам, к своим семьям, но Раджаб хватал их за рукава и говорил, что даже звери не бросают в несчастье себе подобного, а вы... Неужели нет в вас и капли сочувствия?! Кара-Хартум и Хамзат наконец согласились остаться, но Чамсулла все порывался уйти домой, где его тоже ждали дети...

— Неужели покинешь меня в беде?! Разве у тебя нет сердца? — стонал Раджаб.

— Да не терзайся так... — Чамсулла хлопнул его по плечу. — Все выясним, разберемся...

— Нет, все пропало! Ты, даже ты не сочувствуешь...

— Да полно тебе!

— Ты хочешь, чтобы овдовела моя жена...

— Ну что ты говоришь?! Я никому не желаю зла.

— Так почему же ты покидаешь меня? Чамсулла, дорогой, пошли ко мне, успокой хоть немного мою бедную жену. Так тяжело мне смотреть на ее слезы... Неужели не можете побыть со мной последние денечки, пока меня не посадили за решетку...

— Раджаб, ты говоришь глупости! — возразил Кара-Хартум. — Какая может быть решетка, ведь не ты же поджег документы... — И охотник взял под руку Чамсуллу и потащил к сакле Раджаба. Больше Чамсулла не мог сопротивляться.

Как только почтенные гости оказались в сакле, Раджаб засуетился, заставил хлопотать жену, вызвал ей в помощь соседку, а сам зарезал барана, даже не дав заблестеть. Так спешил Раджаб, что, когда резал, забыл повернуть голову барана в сторону Киблы.[2] Не прошло и двух часов, как во дворе запылал костер и закипел большой чабанский казан, в котором варилась добрая половина бараньей туши. А еще через час на подносе лежала горка мяса с костями и комната наполнилась аппетитным запахом вареной баранины с чесноком да жареной картошки. И главное, нашлось у Раджаба чем оросить такую трапезу: полный бочонок крепленого вина «Дерхаб». Первые бокалы выпили молча, за вторыми похвалили руки, что приготовили трапезу, а когда поднимали бокалы в третий раз, к ним присоединились «сельсовет Мухтар» и корреспондент Касум. Принимая бокал, Мухтар весело сказал:

— Теперь можем быть спокойны: раз прибыл корреспондент, каптар испугается. Он, говорят, исчезает, когда приближаются журналисты или ученые.

— Будь он проклят! — отозвался Чамсулла. — Опозорил нас на весь свет.

— Не опозорил, а прославил, — возразил Хамзат. — Кто прежде слышал о нашем ауле?

— Да, да, а нынче Шубурум у всех на устах, — заметил Касум. — Если каптар здесь не один, то будут эти места названы заповедником...

— Давайте хоть за едой не вспоминать о каптаре, — взмолился Кара-Хартум, держа обеими руками большую кость с мясом.

Приходу Мухтара неслыханно обрадовался хозяин дома. Теперь каждый бокал сопровождался тостом, и если б кто посторонний услышал эти тосты, он решил бы, что лучшие люди мира собрались сегодня в сакле Одноглазого. «Если есть на свете мужчина, — он должен быть таким, как Чамсулла!» — объявил захмелевший Кара-Хартум. «Если рождает мать сына, то пусть он родится подобным нашему Мухтару!» — возгласил Хамзат: он боялся, что Айшат расскажет отцу обо всем, что случилось, робел, и заискивал, и тайно радовался: этот пришелец Касум, кажется, не узнал его! А Касум все думал: где же встречал этого парня? Но разве мало журналист встречается людей? Хамзат — ветеринар, учился в городе; значит, мог встретиться и там... Да и лицо Хамзата с тех пор обросло: нет больше парикмахера в ауле!

Дошла очередь и до Касума. Касум любил застольные тосты и славился среди журналистов как мастер тоста короткого, но выразительного, что называется, «тоста с изюминкой». Он и тут не растерялся и опорожнил бокал за каждый камень этой сакли, за каждый волос хозяина, за баракат — щедрое угощение, за честь сидеть за одним столом с такими людьми, за все и за всех; короче, он произнес «дерхаб!», самое богатое слово в словаре горцев. И его с удовольствием поддержали все присутствующие. Особенно понравился тост Кара-Хартуму, который всегда удивлялся сообразительности горожан, их умению не лазить за словом в карман. Однажды случайные попутчики спросили его: много ли в Шубуруме ученых людей? Кара-Хартум подумал и ответил: «Не знаю, много ли, мало ли, но четырнадцать человек носят соломенные шляпы».

— Любо слушать этих горожан! — воскликнул Кара-Хартум. — И говорят-то они так, будто другая мать их родила. Откуда вы берете такие слова?

— Из жизни, — улыбнулся польщенный Касум.

— Почему же мы не можем взять? Ведь у нас тоже жизнь, черт возьми, а не мамалыга!

— Не жизнь, а кошмар, — перебил Чамсулла. — Просто не разберешь, что здесь творится.

— Нечем было людей позабавить. Теперь есть... Появился этот снежный шайтан! — сказал ворчливо Мухтар.

— Ну, давайте не будем отвлекаться! — вмешался Хамзат. — Тост произнесен, выпьем.

— Да, тост был достоин нашего дорогого Раджаба. Дерхаб! — поднял бокал захмелевший Кара-Хартум. — Будь здоров, ты чудесный человек, Раджаб! Эх, жаль, что моя мать не была женой твоего отца: были б мы с тобой родными братьями...

И каждый перед тем, как выпить свой бокал, хвалил великие достоинства Раджаба Одноглазого. В состоянии трезвом они, наверное, удивились бы, засмеялись, отказались бы от своих слов, но вино делает людей добрыми и щедрыми, во хмелю человек всемогущ, он может наобещать другу горы золота, и друг в таком состоянии тоже верит и простодушно отказывается принять сокровища. Слушая гостей, Раджаб смущался и даже краснел.

— Баркалла, баркалла, спасибо! — кланялся Раджаб на все стороны. — Да сохраняются ваши головы на плечах, чтоб радовались ваши дети! Я рад, что сижу с вами. Но горько мне сознавать, что, быть может, это последний раз в моей жизни...

— Да что ты? Почему последний раз?! — возмутился Кара-Хартум. — Еще не раз мы сядем за один стол, пока живы, пока есть овцы в колхозных отарах...

— Но без меня... Ведь никто не поверит, все скажут: «Это ты нарочно!»

— Никто не скажет! А мы? — Во хмелю даже Чамсулла стал щедрым. — Как-никак я все же парторг! Ты, Раджаб, настоящий мужчина, тебе ли отчаиваться... Ну, сгорели документы... Бумажки! Стоит ли из-за них плакать? Да я бы сжег все бумаги на свете! Мухтар, да успокой ты его душу! Ну, что это за человек: все переживает и переживает...

— А что ж делать? У меня семья, дети...

— Не говори так, а то плакать хочется! Я — ревизионная комиссия, — ударил себя в грудь Хамзат. — Мы-то знаем, что это не ты поджег! Да и зачем тебе поджигать, вредить самому себе. Разве не так, Чамсулла?

— Верно! Именно так! А ты как думаешь, Мухтар?

— Чепуха все это, — сказал наконец и Мухтар. — Составим эдакий длинный-длинный акт — и дело с концом. А если поймем снежного человека, то взыщем с него.

— Умные слова сказал Мухтар! — воскликнул Кара-Хартум. — Эх, хороший ты человек, Раджаб! Зачем нам жизнь, если не сможем постоять за тебя?!

— Постоим! — закричал Хамзат, подставляя свой бокал. — Лей, Раджаб! Лей, щедрая душа!

И еще не раз выпили за Раджаба и сказали такие слова, что хозяин даже вытащил носовой платок, чтоб утереть слезы. Из всего этого выходило непреложно и очевидно, что нет на свете человека честнее и вернее, чем Раджаб; друзья могут положиться на него, как на самого себя, ибо у него чистая душа и нет в ней никакого изъяна...

— Какие вы хорошие, друзья! — вскричал вконец растроганный Раджаб. — Клянусь, откровенно скажу: до этого дня каждого из вас, бывало, я ругал, поносил за глаза. Дурак я был! Не знал! Но отныне, вот увидите, буду, как родных братьев, любить. Кроме вас, мне никто не нужен...

— Я же говорил, что у него душа нараспашку! — воскликнул тронутый такой откровенностью Кара-Хартум. — Да, Раджаб, узнать настоящего друга нелегко: не пуд соли надо съесть, а тонну...

Тут выпили еще по бокалу, и уже, как говорится, все расцвели, что павлиний хвост. Обычно горцы, даже совсем пьяные, не целуются, но Раджаб не выдержал, кинулся и расцеловал всех, утирая платком слезы счастья. И сразу же ткнулся в подушку и разрыдался, всхлипывая и невнятно причитая. Все бросились утешать. Раджаб обернулся к этим милым, дорогим людям, громко высморкался и жалобно сказал:

— Друзья мои, мне тяжело, очень тяжело...

И вновь зарыдал.

— Ну что ты, брат наш! Ну что ты...

— Разве так можно, дорогой?..

— Если б вы знали, как мне тяжело! А-а-а! — и вновь громкий плач.

— Ну что ты! Стыдно... Услышат женщины! Мужчина — и плачет.

— Не могу... Не могу сдержаться! Я так виноват, так виноват перед добрыми, хорошими людьми... Перед друзьями...

— Да о чем ты говоришь? Ни в чем ты, брат, не провинился. Что ты, право!

— Не могу больше молчать. Не могу! Я откроюсь перед вами... Ведь это я сам... Я сжег документы!

— Это уж ты врешь, — недовольно покачал головой Кара-Хартум. — Хотя от тебя всего можно ожидать... Но это уж ты наговариваешь на себя. Выпил лишнее.

— Нет, нет, нет! Теперь я говорю правду. Поверьте! Вы такие хорошие, такие милые! Наконец-то у меня есть настоящие друзья. С вами мне ничто не страшно: могу один поймать каптара и привести за ухо в аул... Как легко сейчас на сердце! Спасибо вам, друзья. Спасибо!

— Не верьте, не верьте ему... Он спьяну, он всегда так, когда выпьет лишнее! — заголосила жена Раджаба, услышав слова мужа.

— Ты, женщина, не вмешивайся в мужской разговор! — возразил Одноглазый и показал на дверь. Жена вышла.

— Его надо уложить. Ну, что вы все стоите? — сказал Хамзат. — Вы же видите, что он болтает чепуху.

Мухтар и Чамсулла переглянулись, не зная, верить или не верить. И все-таки они не могли допустить, что такой радушный, щедрый хозяин пошел на преступление, не пожалел жену и детей... Нет, они не хотели верить!

— Да, да, Раджабу надо отдохнуть, а нам пора по домам, — сказал Чамсулла.

— Нет, я не хочу спать! — возразил Раджаб, вырываясь из рук Касума и Хамзата. — Хочу быть с вами. Хочу выпить еще бокал вина... А-а-а! Когда я врал, вы пили, вы расхваливали меня, были друзьями... А теперь, когда сказал правду, отворачиваетесь, бросаете? А я-то думал, что нашел настоящих людей! Доверился... Какие же вы жалкие! — крикнул кладовщик.

— Раджаб, дорогой, не надо. Зачем такие слова? Мы же твои друзья, — уговаривал Кара-Хартум. — И пить больше не надо, хватит.

— Нет, не хватит! — Раджаб налил в свой бокал вина. — Если вы друзья, то пейте со мной. Ну, что вы уставились на меня, а? Удивляетесь? Да, это я, я уничтожил документы, потому что там много недоставало... Ну, чего же вы замолчали?

— Пора по домам! — сказал Мухтар и стал одеваться.

Стал одеваться и Чамсулла.

— Что, убегаете? Угостились, теперь домой пора? — зло усмехнулся Одноглазый. — Уходите, все уходите!

— Одумайся, Раджаб, что ты говоришь?! Сам же пригласил и сам же гонишь гостей?! — возмутился Кара-Хартум.

— Да, неприятен я вам, когда говорю правду. Ну, да шайтан с вами, буду пить один!

Раджаб снова сел за стол, опорожнил еще бокал.

— Ха-ха-ха! — расхохотался он вдруг. — Ну и друзья же у меня! Садитесь, садитесь! Это я просто хотел посмотреть, проверить, какие вы будете, если совру такое... Нет, нет, ничего я не сжигал! Зачем? Садитесь спокойно...

Но больше никто не сел за стол. Все оделись и как будто разом протрезвели. Раджаб проводил их до ворот, недоумевающих и оскорбленных тем, что над ними посмели так подшучивать... Да, всего можно ждать от этого негодяя, думал каждый, но никто не сказал этого вслух: неловко, еще так недавно они щедро, не жалея красок, хвалили за трапезой Раджаба.

И только посторонний для всех Касум сказал:

— Странный он человек! То ли хитрит, то ли глуп... Скорее всего хитрит. Ведь случается, что и дверной крючок закрывается сам по себе...

В ГОРНЫЕ УЩЕЛЬЯ, НА ВОЛЮ!

Я надеюсь, читатель, что вам не приходилось ночевать в тюрьме одного из горных районов Дагестана? Вот и хорошо: не такое это место, чтоб стоило там ночевать.

А между тем Хажи-Бекир живет там уже не один день...

Давно ли он видел снежную чалму Дюльти-Дага и тучи, сбежавшиеся в ущелье, как отара серых овец? Давно ли над ним клекотали в вышине орлы и вольный ветер гор свистел в ушах? Да и он сам был волен почти как ветер: захотел бы — и поехал на самый Тихий океан; или в горы Тянь-Шаня; или на перламутровое Белое море; или даже в Злату Прагу по туристской путевке. И везде ему продавали бы лучшие билеты, проводники стелили постели на вагонных полках, официантки подавали дымящиеся паром тарелки...

А теперь мир сократился до этой клетки с решеткой на окне и дубовой запертой дверью в каменном пустом доме на два этажа. И никуда не уйдешь отсюда. И никому нет до тебя дела в родном Шубуруме: нет тебя ни в живых, ни в мертвых; словно и не жил никогда сельский могильщик Хажи-Бекир, словно никто и никогда не нуждался в его услугах; будто проклят он всеми навеки и выброшен из аула, какдохлый пес. Загнали его в эту тесную мрачную клетку и заперли. Три раза в день по полбуханки хлеба, ведро холодной воды, в обед похлебка, какую, бывало, готовила Хева отелившейся корове, обрубок пня, чтоб сидеть, и топчан с матрацем, набитым не соломой, а будто хворостом, с одеялом, что пахнет сыростью, как паршивая овца весной, — вот и все, что осталось Хажи-Бекиру от всех богатств мира. И так на многие годы. Клетки на колесах, клетки в каменных домах, клетки за колючей проволокой. Холодные, ледяные края...

Есть еще у Хажи-Бекира собеседница — тюремная крыса ростом с кролика, которая ночью забирается к нему в постель, отчего могильщик вскакивает с проклятиями. Но крыса бесстрашна и ведет себя полновластной хозяйкой.

Сперва Хажи-Бекир, как одержимый, кидался на крысу, чтоб ее уничтожить. Потом стал беседовать, будто желая, чтоб она заговорила. Но крыса есть крыса, и нечего от нее ждать...

«Каждый будет покойником, — мрачно размышлял Хажи-Бекир. — Но зачем же торопиться, зачем прежде времени забираться в могилу, хотя бы даже вот такую: с окошком?» Когда-то ему казался величайшим бедствием глоток горячего бульона: из-за него выгнал жену! Ох, если б ему теперь дали этот бульон! «Я был безумцем, — говорит он теперь крысе (больше некому!), — понимаешь, я был настоящим сумасшедшим!»

Могильщик оброс — хоть стриги бороду ножницами. И в густой бороде четко выступила седина, которой раньше что-то не замечал. Еще бы! Столько пережить и не поседеть!

Да, видно, недаром говорится, что не познавший ада не познает рая. А в том, что районная тюрьма Дагестана — это земной филиал ада, преисподней, Аида, подземного царства, могильщик уже не сомневался.

Вероятно, не сомневался в этом и районный следователь. Дважды вызывал он Хажи-Бекира на допрос, но могильщик на все отвечал: «Нет, я не убивал. Нет!» — «Ну, ну! — возразил на это следователь, пока еще добродушно. — Тогда ступай обратно в камеру и дозревай. Дозревай на досуге!»

Какими пустяками казались Хажи-Бекиру все его прежние беды в сравнении с этой последней! Только теперь он понял, что значит быть на воле, хоть бы несчастным, хоть бы нищим, хоть бы голодным, хоть бы одиноким, — но зато на свободе! «Люди, дайте мне пожить! — стонал Хажи-Бекир. — Я ничего от вас не хочу, я потерял все; потерял жену и саклю — я согласен, не буду ничего требовать, только дайте пожить... Да, да, да, я узнал здесь, что значит жить среди людей, на воле, глядеть в человеческие глаза, разговаривать с людьми, даже если у тебя горе на сердце! Ведь сказано: и черный день, проведенный со своим народом, — праздник. Жить! А что это значит „жить“? Неужели я жил до сих пор?! Нет, я существовал, как существует баран, ишак, ворона, дерево... Я не знал цены жизни, я не берег ее, я не любовался ею. А что доброго я сделал людям, односельчанам, чем они могут вспомнить меня? Неужели так ничего доброго и не сделал? А себе что я сделал, что видел в жизни, кроме кирки, лопаты и зияющих ям, куда укладывал покойников на вечный отдых... Нет, недоволен я тем, как жил! Плохо жил! А ведь, оказывается, жить — это великая и трудная обязанность человека на земле».

Странные мысли закружились вихрем в голове Хажи-Бекира, скромного сельского могильщика, который прежде вовсе не был склонен ни размышлять, ни философствовать. И теперь он не знал, за что зацепиться в этом вихре. Он только чувствовал всем телом, всем существом: надо вырваться отсюда!

Хажи-Бекир лежал на топчане, заложив руки за голову, и думал, но от дум ему не становилось легче. Надо было решиться, решиться бежать. Но как? Дубовые двери не выбьешь, да и задержит надзиратель... Железную решетку на окне тоже не сорвешь голыми руками... А вдруг застрелят его, как куропатку? Разве легко бежать из тюрьмы?! Но отчаяние толкало на все... Нет, бежать, бежать во что бы то ни стало из этой проклятой клетки, куда сдуру приперся сам!

Хажи-Бекир вскочил с топчана и стал колотить кулаками в дверь.

Явился хромой старик надзиратель, звякнул замок, открылась дверь. Надзиратель с охотничьей двустволкой в руках стал на пороге, спросил:

— У нас дом тихий, чего шумишь? Да и слышу я хорошо, хоть и стар. Чего тебе?

— Хочу выйти отсюда... — сказал грозно Хажи-Бекир, но тут же спохватился и жалобно добавил: — С утра не выходил на двор...

— Ну, раз понадобилось, иди!

И надзиратель повел его по коридору, держа ружье наперевес и ворча:

— Поскорей бы отправили тебя отсюда, было бы нам спокойнее.

— А ружье-то заряжено? — как бы между прочим спросил Хажи-Бекир.

— Вроде бы заряжал. А что?

— Если побегу, будешь стрелять?

— Да куда тебе бежать? Все равно от людей не убежишь. А убийце и среди людей как в тюрьме...

— Я не убийца.

— Так почему же ты здесь?

— Не знаю... А куда меня должны отправить?

— Куда следует.

— А куда следует?

— Это начальству лучше знать, я таких курсов не кончал.

Эта новость еще больше напугала могильщика: завезут куда-нибудь, откуда и дороги не сыщешь... Бежать, так уж сейчас!

— Эх, будь что будет! — сказал он вслух и сорвался с места, легко перекинулся через невысокий каменный забор недалеко от уборной, и, пока старик надзиратель возился с ружьем, которое так и не пожелало выстрелить — то ли патрон отсырел, то ли не было его вовсе, — Хажи-Бекир стремглав пустился к лесному склону. И пока надзиратель хромал к телефону, звонил о чрезвычайном этом происшествии, заключенный скрылся в лесу. Погоня оказалась тщетной. «Ага! — воскликнул следователь, узнав о побеге, — а еще говорил, мерзавец, что не убивал! Вот и признался... Ничего, долго он у нас не побеждает!»

И Хажи-Бекир словно бы услышал: остановился, тяжело дыша, в густом лесу на подъеме к шубурумским высотам и почесал под бородой, которая с непривычки щекотала шею. «Опять, кажется, я что-то сделал не так, — хрипло сказал он. — Теперь уж и вовсе пойдут на меня охотой да облавой, что на волка... А, ладно, по крайней мере, на воле!»

Было холодно, было голодно, устал, измаялся Хажи-Бекир, но все же чувствовал себя почти счастливым: снова свободный человек и может идти, куда хочет! Но эта мысль недолго утешала его: вскоре наступила ночь, в ясном небе замерцали холодные звезды, похожие на светящиеся снежки. Хажи-Бекира охватил страх одиночества, страх беззащитного, который может и замерзнуть на таком холоде, и повстречать голодного

сильного зверя... И могильщик все быстрее и быстрее бежал вперед, то спускаясь в ущелья, то поднимаясь на перевалы, как снежный человек, каптар, без роду и племени... «Каптар... А может, эти легендарные снежные люди просто такие же бродяги, как и я, — думал Хажи-Бекир, — скрылись от людских взоров и живут в снегах... Но чем же они питаются, эти каптары? На одном снеге долго не проживешь... А не они ли оставили в горных пещерах кучи турьих костей? Но как же снежные люди ловят этих чутких и гордых животных, чудесных существ, что не могут жить в одиночестве и всегда живут семьями. Да, все благородное живет в семье. И чем больше семья, тем спокойнее жить, тем увереннее держат себя члены семьи, тем легче бороться».

Хажи-Бекир поспешно шел и удивлялся своим мыслям: откуда, мол, такая философия? Ведь прежде он думал только о покойниках да каменных надгробиях!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗ СЛОВ НЕ СВАРИШЬ ПЛОВ

Так уж заведено нынче, что все кому не лень чернят служителей мечети, которые, мол, сеют в человеческих душах страх и суеверия, отрешенность от мира и покорность судьбе. Какими только словами не клеймят их лекторы на лекциях, писатели в книгах, журналисты в газетах! Но чем же виновата эта горстка людей? Не тем ли, что эти святые самозванцы обирают легковерных и дураков? Однако и мышь старается полегче добыть хлеб свой насущный. По-моему, здесь не столько вина «святых» служителей мечети (я беру в кавычки это слово, потому что они такие же святые, как и мы с тобой), сколько тех простодушных людей, которые им доверяют и охотно слушают любые сказки о шейхах и чудесах. Ну, вот пример: вы знаете, что случилось с ослицей Хужа-Али, которую он убил за безнравственность возле аула Мин-Мубарак, после смерти? Нет, не на том свете, а на этом, на земле Дагестана. Я так и думал, что не знаете: такие чудеса случаются только у нас в горах, да и то не часто... Нашелся сообразительный малый по имени Супи-Дауд, про которого говорят, что ему нельзя подать руку, если на ней есть перстень: мгновенно стащит камень! Так вот, этот находчивый человек закопал ослицу у дороги на холме и водрузил шест с белым флажком, вырыл рядом землянку для себя, взял в руки янтарные четки и стал жить, как аскет, объявив ослицу святой! Если б об этом узнал Хужа-Али, он, наверное, тем же кинжалом проломил череп и Супи-Дауду; но, к радости новоявленного шейха, Хужа-Али как сквозь землю провалился...

Скоро слух о святой могиле прошел по всей округе, и к ней стали стекаться верующие, надеясь вымолить себе разные земные и небесные блага. Супи-Дауд не мешал им: сидел поодаль и перебирал четки, а к его ногам складывали садака — приношения... И вскоре Супи-Дауд построил в ауле саклю из тесаного камня, приоделся, приобулся, развелся со старой женой, взял себе молодую... Словом, поступил, как поступили бы и его прихожане.

И вдруг обо всем этом появилась заметка в газете: какой-то молодой селькор рассказывал обо всем с негодованием и гневом. «А что же Супи-Дауд?» — спросите вы. Супи-Дауд не

отрицал, только, говорят, пожал плечами и произнес: «Неужели им жалко для человека даже дохлой ослицы? Падаль, а кормит же меня!»

«А как же отнеслись ко всему этому молящиеся?» — можете спросить вы. Нет, они не поверили ни одному слову, напечатанному в газете, еще больше убедились в святости могилы и заявили, что селькор оклеветал бедного шейха Супи-Дауда...

Нет, по-моему, мы все-таки не с той стороны подгоняем осла!

Если есть на свете дураки и есть пройдохи, которые их дурачат, то и пусть взаимно развлекаются, пока не поумнеют. Вы можете возразить, что, мол, это опасная болезнь и зараза может распространиться. Нет, скажу я, это всего только прыщик на здоровом теле, из которого можно двумя ногтями выдавить всю суть. Но, может быть, у безбожников есть тот же неписанный закон, что у лудильщиков? Ведь, покрывая полудой медную посуду, мастер всегда в незаметном месте оставит незащищенную медь: нельзя же создавать вечную посуду! Иначе дети лудильщиков пойдут по миру с протянутой рукой.

Услыхав о святой могиле ослицы, правоверные мужи Шубурума пришли в ярость: как же так, ведь Шубурум издавна ближе к аллаху и благочестивее! Если в ауле Мин-Мубарак ослицу объявили святой, то почему б не объявить святой могилу сельского парикмахера, первого члена Союза безбожников (а вы не забыли, что магометане всегда были против бога?!), старого члена ДОСААФ Адама, павшего жертвой этого зверя, могильщика Хажи-Бекира, который все еще находится под следствием... Нет, нет, простите, как раз сегодня сообщили в сельсовет, что Хажи-Бекир бежал из тюрьмы.

В самом деле, подумайте-ка хорошенько: чем могила ослицы лучше могилы Адама? Адам все же прямой наследник нашего первого предка на этой грешной земле! Ну, разве не правы шубурумцы?

И как на крыльях ветра, разнесся слух от ледников Базар-Дюзи, Дюльти-Дага до Шалбуз-Дага, к ликованию правоверных шубурумцев сразу померкла слава святой ослицы, а толпы паломников потянулись в Шубурум. Приношения верующих как снег на голову посыпались в саклю, где жила молодая вдова Адама. Хева не пожелала отказываться от добра, да к тому же и сама поверила в святость Адама: уж если такой хороший человек не святой, то кому же и быть святым!

Но смятение в Шубуруме возросло еще больше: паломники, святая могила вызывали гордость и желание остаться в Шубуруме, но ежедневные вопли каптара и его странные выходы — у кого-то с веранды украли баранью тушу, у другого прямо со двора выгнали корову и утром нашли от нее только рога и копыта, а там чуть не утащили из люльки ребенка — побуждали людей последовать примеру мудрого Хужа-Али...

В сельсовете собрались активисты: надо было окончательно решать, что делать; из района стали уже поступать худые вести, что там недовольны бездействием активистов Шубурума; Чамсулла вызывали в райком и предложили положить конец всем этим

безобразиям: каптарам, святым могилам, паломничеству и прочему. Ну да, дорогу уже расчистили от завалов, вы разве не знали? Но сделали это не шубурумцы, а специальная партия дорожных рабочих с машинами, которую, потеряв терпение, послали из Махачкалы. Как говорится, из слов не сварить плов, настала пора действовать! На этом совещании присутствовал и корреспондент Касум, который все чаще и чаще повторял теперь свою любимую поговорку: «Узнаю тебя, край чудес!» Очень нравилось ему сидеть на гудекане и беседовать с Али-Хужой, который очень тосковал без Хужа-Али... Ну, а сам Касум, с тех пор, как живет в сакле Мухтара и ежедневно видит Айшат, стал отчего-то худеть и даже помрачнел. Вот и сейчас он сказал с отчаянной решимостью, словно бросаясь в атаку:

— Выход один: напасть на след этого снежного человека, как вы называете — каптара, и поймать или на крайний случай застрелить!

Надо добавить справедливости ради, что Касум предвидел скорое появление научной экспедиции и хотел опередить ученых. Иначе все его путешествие в Шубурум окажется просто мальчишеством.

— Я думаю, — добавил Касум, — найдутся в Шубуруме смелые люди, пойдут со мной на каптара.

— Куда?!

— К этим снегам? Что ты!

— Туда еще не ступала нога человеческая.

— Нет, лучше переселить всех, все равно половина бежала...

— Пустая затея! Снежного человека уже ловили было на Памире, да не поймали!

— Неужели не найдется смелого человека?! — удивился Касум. — Ну вот ты, сельский охотник Кара-Хартум?

— Я? — смущенно пожал плечами Кара-Хартум. — У меня все-таки семья... Но я, конечно, могу... Если прикажет начальство.

— Тут дело добровольное, — сказал Мухтар и вдруг добавил с шутливым отчаянием: — Клянусь, выдам дочь за того, кто поймает этого снежного дьявола!

— Эх, молодежь, молодежь! — вздохнул Али-Хужа. — Ради такой девушки, Мухтар... Эх, жаль, немного стар я для нее...

Все засмеялись.

— Ловлю тебя на слове, Мухтар, — вдруг вскочил Хамзат. — Люди — свидетели.

— Все-таки один нашелся! — обрадовался Касум.

Тут зазвонил телефон, и Мухтар взял трубку. Говорили из района. Чем больше слушал Мухтар, тем мрачнее становился. «Да... хорошо... Да, как он обманул всех нас... Ах, негодяй! Хорошо, хорошо». Все смотрели на него в безмолвии и ожидании. Наконец Мухтар положил трубку и, помолчав, сказал, что, мол, Хажи-Бекир бежал из-под следствия и теперь район требует изловить беглеца, ибо он должен быть где-то в окрестностях Шубурума.

— Вот за ним на охоту и я могу пойти! — сказал Кара-Хартум.

— С ним и без тебя справимся, — возразил Чамсулла. — А ты все-таки ступай с Касумом. Ты охотник, если что — у тебя верный глаз и доброе ружье...

— Итак, решено: изловить каптара или хотя бы пристрелить! — заключил Мухтар. — Хватит! Мы стали посмешищем всей республики, нас самих уже прозвали каптарами. Пусть поздно, но должно же в нас проснуться мужество... А Хажи-Бекира мы найдем, куда ему деваться! Итак, все! Пусть восстановятся в Шубуруме порядок и спокойствие!

На этом и порешили. В этот день впервые разнесся по аулу добрый, ободряющий слух: наконец-то нашлись храбрые люди, которые покончат с каптаром!

С тем самым каптаром, из-за которого почти половина шубурумцев ушла, рискуя жизнью, по скользким зимним тропам из родного аула; ушла, даже не взяв никаких документов в сельсовете: Мухтар давно перестал давать справки...

По пути домой Хамзат возле больницы встретил Айшат и подошел.

— Ты еще смеешь ко мне приближаться?! — возмутилась Айшат.

— Да, смею! Потому что ради тебя рискую жизнью, — возразил Хамзат.

— Не стоит!

— Клянусь, я поймаю его!

— Кого?!

— То животное, которое называют каптаром. Поймаю и притащу к тебе.

— Да зачем он мне?

— Чтоб ты стала моей женой. Твой отец только что дал слово.

— Этого не будет, даже если пригонишь целое стадо каптаров!

— Увидим! Прощай, Айшат. И помни, если я погибну: «...он меня любил, он мне единой посвятил...»

Дальше Хамзат не мог вспомнить и потому поторопился уйти. И все-таки сегодня он чувствовал себя героем. Даже не подумал о том, что, поймав каптара, быть может, опровергнет собственную диссертацию: ведь сила и новизна его мыслей и суждений в значительной мере покоилась на полном отсутствии достоверных сведений о снежном человеке. Зато каким-то чутьем Хамзат ощутил, что этот пришелец Касум неравнодушен к Айшат, и оттого воспламенился вдесятеро. Странное чувство ревность! Порой она заставляет человека забывать самого себя и совершать поступки, в другое время ему не свойственные. Вот и сейчас, уходя, он грозно добавил:

— Берегись, Айшат, если ты с кем-нибудь...

— Иди, иди! Не тебе приказывать, не мне слушать.

— Хорошо! — многозначительно промолвил Хамзат и наконец ушел.

Когда Айшат вернулась домой, она увидела, что Касум укладывает свой рюкзак, и, признаться, растерялась; до сих пор она говорила с ним коротко, все больше на ходу, не останавливаясь. Не раз чувствовала его пристальный взгляд, понимала, что он хотел бы ее задержать, остановить, сказать что-то хорошее, ласковое. И потому торопилась уйти... Но сейчас, когда он укладывает вещи... Вот уедет, и уже никогда не придется поговорить: все, что могло бы... Все останется в прошлом!

— Уезжаешь? — спросила она с невольным укором.

— Думаешь, я должен навсегда остаться в этой дыре?! — мрачно отозвался Касум.

— Не думаю! — дерзко ответила Айшат.

— И хорошо! Я б удивился, если б ты сказала — останься.

Касум посмотрел на Айшат.

— А зачем я должна это говорить?

— Я не сказал, что должна...

— А может быть, скажешь?

— Не скажу! Я не наглец и не насильник! — вдруг взорвался Касум.

Эти слова напомнили Айшат ночь, когда он впервые появился в их сакле. Девушка покраснела: стало стыдно перед очевидцем отвратительной сцены...

Молча ушла Айшат в свою комнату.

А Касум уже горько жалел, что был неласков, оборвал разговор; придется ли им еще говорить друг с другом? Так всегда бывает в жизни: летом мы не пользуемся его благами, ворчим, что жарко или сыро, жалуемся на мошек, муравьев, пыль... Наступает зима — и

мы страстно мечтаем о лете, раскаиваемся и клянем себя, что упустили так много теплых солнечных дней...

Когда Айшат снова вышла на веранду, Касума уже не было. «Неужели уехал не попрощавшись?!» — подумала Айшат и горько вздохнула.

— Он уехал, — сказала она отцу за обедом.

— Кто?

— Наш гость.

— Это я его отправил, — сказал Мухтар.

— Ты выгнал гостя?! — Айшат удивленно взглянула на отца.

— С какой стати его выгонять? — возразил Мухтар. — Парень настоящий, образованный, умный, красивый; по секрету могу тебе сказать: неженатый...

— А мне все равно...

— А вот ему отчего-то не все равно. О тебе расспрашивал...

Мухтар исподтишка наблюдал за дочерью.

— Когда?

— Это было давно. Не тревожься, дочка, он не уехал; он отправился ловить каптара... А я, понимаешь, как мальчишка, сболтнул что-то такое, о чем теперь жалею... Обещал, что выдам тебя за того...

— Это мне уже известно, — сказала Айшат.

— Откуда?

— Земля слухом полнится.

— Это, конечно, несерьезно, но и слово не воробей...

— А вдруг его Али-Хужа поймает? Тогда что? — улыбнулась Айшат.

— Нет, доченька, ты — это ты; во внутренние дела твоего государства я не вмешиваюсь.

— Да и не имеешь нрава.

— Право-то я имею и непременно вмешаюсь, если будешь криво поступать в жизни... Не забывай, что, как говорится, у хромого и тень хромая!

Мухтар разговаривал с дочерью, а сам мучительно думал: где же ловить этого проклятого убийцу, бежавшего из тюрьмы могильщика? Придет ли он в Шубурум? Ведь надо быть бараном, чтобы идти прямо туда, где ожидает засада. А вдруг Хажи-Бекир умнее?!

ЛЮБОВЬ И ХИНКАЛ

Лунный свет усилил белое сияние снега в горах и ущельях вокруг Шубурума: первозданного, нетронутого, празднично-чистого снега. На полной, похожей на круглый таз из желтой меди луне отчетливо виден силуэт пастуха, что неустанно дует в дудку; говорят, звезды на небе — это овцы, что разбрелись по синему полю... Их и развлекает пастух в ясную ночь пением своей дудки. Уверяют, что если прислушаться... Нет! Ничего не слышно: прямо первобытная тишина, будто и нет на земле ничего живого.

По дороге за Шайтан-перевалом что-то движется: э, да это идет, крадучись, какой-то человек; вот только отсюда не разберешь — обыкновенный человек или снежный. Свернул к той сакле с плоской крышей, что похожа на древний караван-сарай; помните, в ней собирались ночевать шубурумцы, когда впервые увидели каптара?

А может быть, это все-таки не человек? Вон опустился на четвереньки и стал похож на медведя. Но медведи сейчас беспробудно спят в лесистых ущельях... Наверное, тот склон был крутым и скользким: теперь он снова поднялся на ноги. И сейчас видно, что на человеке лохматая баранья папаха, полушубок надет поверх бешмета, теплые ватные брюки. И все-таки он, наверное, сильно продрог...

Увы, сакля уже занята: из трубы вьется дымок, слабые отсветы видны в маленькое окно без стекла, слышатся голоса... Человек вздрогнул, испуганно отшатнулся, повернулся, чтобы бежать, но тут, наверно, что-то услышал; осторожно, стараясь не скрипеть снегом, подкрался к окну, заглянул...

Весело трещит огонь в железной печке: зимой и сырые дрова горят не хуже сухих, особенно смолистые ветки рододендрона, из которых мороз выжал влагу. У печки сидят и греются три человека, четвертый спит на куче соломы. Это смелые охотники на каптара: заснул на соломе Кара-Хартум, а греются у печки Касум, Хамзат и Али-Хужа. Все-таки не выдержало сердце старого партизана, пошел с ними, и не потому, что хотел поймать снежного человека и получить в жены дочь «сельсовета Мухтара», а просто заскучал старик после отъезда Хужа-Али. Не с кем теперь Али-Хуже отвести душу в ауле, и решил он поискать приключений, размять кости. Целый день отважные охотники бродили по горам и ущельям, измучились, проголодались и решили заночевать в старой сакле... И тут при переменчивом свете пламени Касум вдруг узнал Хамзата: да, да, вспомнил, как застал его в сакле Айшат! И догадался, почему Хамзат, еще подавно считавший нелепым ловить каптара, отправился на охоту после обещания Мухтара... «Наверное, и дядюшку прихватил, чтоб был лишний голос, если начнется спор, — думал Касум с неприязнью. — Как говорится, лиса выставила свидетелем свой хвост...»

— Ты-то зачем, дядя, побрел с нами? — спросил Хамзат, обтирая тряпкой ствол и затвор охотничьего ружья. — Спал бы сейчас в теплой постели...

— Не бойся, — усмехнулся Али-Хужа, — не собираюсь отбивать у тебя дочь «сельсовета». Если и поймаю снежного черта, передам тебе. Мне было скучно в ауле...

— А здесь весело?

— По крайней мере, интереснее, чем в ауле, который уже почти покинут людьми. Погиб Шубурум! Никогда больше не будет он шумным аулом. Время сотрет его...

— Ну, в ауле еще много народу!

— Скоро и они уйдут, даже не ожидая теплых дней. Да и я не останусь... Поймаем мы каптара или нет, все равно...

— Еще как поймаем! — хвастливо воскликнул Хамзат.

— Кто-то, может, и поймает... Эх ты, коновал несчастный, не смог даже папаху забросить в саклю к Айшат... Робкая нынче молодежь! В твои годы я похитил, по крайней мере, трех девиц! — отозвался Али-Хужа.

— И вы были красным партизаном? — с упреком сказал Касум.

— Да, был! — ответил Али-Хужа. — Но похищать девушек не запрещено и красному партизану... Да что вы-то понимаете? Еще и пороху не нюхали... Мое время было бурное. Поди разберись! Кого только не было тогда в Стране гор: белые, зеленые, черные, красные; только вот синих и желтых не было! Тут и турки вопили: мол, мы вам несем свободу! И немцы, и англичане, и белые казаки, и меньшевики, и большевики... А я простой бедняк, не знал ни бумаги, ни карандаша; где мне разбираться в этом водовороте! Вышел я из аула с мечтой: думал, раз война, то в суматохе перепадет что-нибудь, раз все хватают, грабят... Помню, в ущелье Ая горцы пошли на белых; белые побежали, бросили орудия, повозки, ящики. Я, помню, подскочил к одной из пушек, ствол которой еще дымился, нахлобучил на этот ствол свою папаху и ору: «Это моя!» — Касум и Хамзат засмеялись. — Да и я смеюсь теперь, когда вспоминаю. Ведь впопыхах даже не подумал тогда: зачем мне пушка? Дотащить со до Шубурума все равно не смог бы, да, кроме того, на Шубурум, а значит, и на мою саклю, даже в ту пору, никто не покушался... Да. Между прочим, в том бою ранили меня в голову и, видно, так поправили мозги, что с тех пор понял, с кем мне по пути...

— От белой пули стал, дядюшка, красным? — усмехнулся Хамзат.

— Пошел со своим народом! — возразил Али-Хужа. — Со временем я пошел, а время работало на мой народ. И нынче время делает свое дело: раз аул Шубурум обречен, значит, так и надо! Это понял даже мой закадычный друг Хужа-Али, которого, к сожалению, нет сейчас с нами... Где-то он?

И старик задумался.

— Когда были вместе, грызли друг друга, а теперь скучаешь. Станный вы народ, старики... — молвил Хамзат.

— Ничего, поймешь, когда достигаешь той снежной вершины, что достигли мы, — сказал Али-Хужа и откинулся на ворох соломы. — Да, Айшат — смазливая девчонка! Кому-то достанется...

— Я сорву первым этот цветок, я! — заголосил Хамзат.

— Полгода вертишься вокруг, а толку?

— Ничего, будет толк!

— А будет ли любовь? — вдруг заметил Касум, поправляя дрова в печке.

— Не твое дело! — вскинулся Хамзат. — Что такое любовь? Выдумка чувствительных, нервных горожан, которые могут довольствоваться мечтаниями о красоте... А я сторонник первозданных наслаждений!

— Дикость! — возразил Касум, стараясь быть спокойным. — Впрочем, ладно: я узнал, что хотел...

— Что узнал?

— Что ты не любишь Айшат. И этого мне достаточно.

— Ну-ка, ну-ка, молодежь! Давайте копайтесь, копайтесь поглубже — может, докопаетесь и до истины, — подзадорил Али-Хужа.

— Люблю я ее или нет, но она будет моей! Вот и все, — усмехнулся Хамзат.

— Какая самоуверенность! А если она тебя не полюбит?

— Полюбит, когда станет готовить мне хинкал с чесноком к обеду! Но если ты станешь на моем пути — берегись, парень.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Али-Хужа. — Ну и молодежь: смешала в одно хинкал с чесноком и любовь.

— Узнаю тебя, край чудес! — рассмеялся и Касум. — Да, общаясь со скотом, Хамзат, ты и сам оскотинился.

— Ты что, смеешься?! Ты... меня... скотом?! — закричал Хамзат.

— Чего мы ищем где-то каптара, когда их сколько угодно в ауле, а?

— Эй ты, наглец, не меня ли ты называешь каптаром? Разъяренный Хамзат вскочил.

— Ну-ну, племянник, давай, покажи ему! — смеялся Али-Хужа.

— А хоть бы и тебя! — не сдержался Касум.

— Правильно, давай и ты ковырай рану! — Али-Хужа развлекался.

— Выйдем! Выйдем отсюда, я тебе покажу, кто из нас каптар! — Хамзат поднял ружье. — Выйдем! Что, трусишь?!

— Нет, я еще ни перед кем не поджимал хвост, — отозвался Касум. — Но с негодяями я не дерусь.

— Вставай или, клянусь, здесь же продырявлю тебе брюхо!

— Ну, ну, потише! Мне сон Кара-Хартума важнее твоих угроз.

Хамзат в ярости отступил на несколько шагов и взвел курок. У Касума не было ружья, только на поясе висел кинжал Мухтара. Али-Хужа приподнялся. Старик с интересом наблюдал за юношами. Он знал, что Хамзат не посмеет выстрелить, но как будет вести себя этот горожанин?! Касум не обернулся на крики Хамзата, хотя слышал, как щелкнул курок. Он только придержал левой рукой ножны, а правой немного вытянул лезвие и, ни к кому не обращаясь, промолвил: «А что будет, если осечка, а?» Касум спокойно повторил это несколько раз, внушительно, как гипнотизер. И как ни был раздражен Хамзат, его глубоко поразило хладнокровие Касума; да и вправду, обоюдоострый кинжал осечек не знает... Али-Хуже очень понравился сейчас этот незнакомый юноша из города: в нем было мужество предков-горцев, которое, по мнению старика, давно выветрилось в людях, избалованных благоустроенной жизнью.

Ярость душила Хамзата, он резко повернул дуло к окну и, словно желая убедиться, будет ли осечка, нажал спуск. Грянул выстрел, на миг осветив комнату. И тотчас за окном раздался крик ужаса.

Все вскочили. Вскочил и Кара-Хартум, ничего не понимая спросонья.

— Что случилось? — закричал он. — Кто стрелял?!

— Стрелял этот балбес, — ответил Али-Хужа, — но неизвестно, в кого он попал: кто-то был за окном.

— Каптар! Это был каптар! — воскликнул Хамзат и выбежал из сакли. Все бросились вслед за ним.

— Он был здесь: вот следы... — заметил Кара-Хартум. — Скорей за ним!

— Неужели каптар?! — Касум забыл обо всем, теперь он поверил, что снежный человек, за которым они тщетно гонялись весь день, где-то рядом.

— Это я, я первый его обнаружил! — крикнул Хамзат на всякий случай. — Заметил тень у окна и выстрелил! Может быть, он ранен? Ну, конечно, ранен: вот и кровь...

Хамзат показал небольшие темные пятна на снегу.

Все бросились по следу. Временами след терялся, но вскоре объявился снова. А когда обогнули большую скалу, следы пошли вверх по склону, и тут они увидели вдалеке какое-то существо, которое проворно карабкалось на четвереньках, удаляясь, и скрылось за скалами. Конечно, охотники бросились преследовать... Ох, как трудно было взбираться по склону! Снег осыпался под их тяжестью, охотники скатывались назад, но, стиснув зубы, тяжело дыша, обливаясь потом, все же лезли и лезли... В азарте погони Али-Хужа было полез следом за всеми, но сорвался, ушибся о камни и сразу остыл. «А я-то чего хочу от этого снежного черта? Да ну его к шайтану! Пускай они гонятся, если охота, а мне незачем свертывать себе шею: я не влюблен... Экая невидаль, кого нынче удивишь каптаром?! Их и так много в жизни...» И остался сидеть на прежнем месте.

А те трое все-таки вскарабкались на скалу, за которой исчезло неизвестное существо. Но дальше и следов не было, и существо как сквозь землю провалилось... Разочарованные, они уселись прямо в снег, чтобы перевести дыхание.

А существо, за которым они гнались, перехитрило охотников: пока они карабкались вверх, оно обогнуло скалы и скатилось вниз, как на санках. Скатилось и налетело прямо на сидящего Али-Хужу. Старик подумал, что это кто-то из охотников, схватил и сказал:

— Хватит дурачиться, не дети!

Тут существо стало вырываться, не смогло и тогда прохрипело:

— Али-Хужа, это ты?

— Конечно, я, не видишь, что ли, слепая кишка? Да ты кто?!

— Это я, Хажи-Бекир.

— Чего ты навалился на меня, как медведь?! Да ты что тут делаешь? Хоронить кого собрался, что ли?

— Нет. Ну, я пошел!

— Ну, иди! — сказал Али-Хужа. — И не путайся у нас под ногами: мы заняты серьезным делом.

— Вижу, вижу. Успеха вам!

И Хажи-Бекир поспешно удалился.

Только тогда Али-Хужа вспомнил все: вспомнил, что Хажи-Бекир бежал из-под следствия, что его ищут, что его надо было тоже задержать... Старик стал кричать, звать товарищей,

а когда те спустились, все рассказал им. Однако они были слишком измучены, чтобы гоняться еще за каким-то арестантом. «Все равно далеко не уйдет, это не каптар!» — решили они и вернулись в саклю, к погасшей печке...

В ЗАБРОШЕННОМ ДОМЕ ЛЕСНИКА

Возле старой сакли Хажи-Бекир закричал больше от страха, что его убили, чем от боли. Теперь с кровоточащей раной в ухе, прикрыв ее носовым платком, он сидел, удрученный, далеко от места, где ночевали охотники. Хорошо, что пуля попала не в голову, а то его душа давно уже оказалась бы в переметной суме ангела смерти Азраила!

«Может, все-таки пробраться в аул? Ведь сакля этого проклятого Адама на самой окраине, и в ней живет Хева...» — подумал могильщик и побрел к Шубуруму. Но и в саклю Адама не смог войти Хажи-Бекир: не только во дворе, но и на улице стояли выючные кони да ишаки, хозяева которых ночевали в сакле. Хажи-Бекир поразился: он еще не знал, что Адама причислили к лику святых и нет дня, когда сюда не являлись бы паломники...

Пришлось уйти из аула... Но надо же где-то провести ночь, и не одну! Ведь Хажи-Бекир не собирался возвращаться в районную тюрьму... Хоть и среди скал, хоть и в одиночестве, — на воле лучше, чем в заточении; жить лучше, чем гнить в сырой земле... И в который уже раз обозвал себя Хажи-Бекир невеждой, болваном, ослом вислоухим, что поверил этому проходимцу Шахназару, мешком соломы, подлецом, тугодумом; во гневе он уже собирался стукнуть себя по крепкому лбу могучим кулаком, как его осенила мысль: ведь можно на время найти приют там, внизу, в ущелье, в заброшенном домике лесника, раз не удалось устроиться на Шайтан-перевале! По крайней мере, там будет тепло: рядом с хижинкой шубурумцы всегда складывают запасы дров на зиму... И подгоняемый такой блестящей идеей, как бык, подгоняемый собственным хвостом, стал Хажи-Бекир осторожно спускаться в ущелье. Раненое ухо болело, но, пожалуй, большее казалась мысль, что отныне, если суждено будет жить среди людей, навсегда прилипнет кличка Одноухий. Кровь уже не сочилась, запеклась, перевязать было нечем, он кое-как замотал ухо платком и надвинул крепко папаху набекрень.

Эх, Хажи-Бекир, Хажи-Бекир, бравый сельский могильщик, что с тобой сделали, до чего ты довел себя! А как все было у тебя хорошо и спокойно, жить и жить бы тебе припеваючи. И зачем только жена в тот день приготовила хинкал с грудинкой? Вернее, зачем ты произнес проклятые слова: «Талак-талак, талми-талак!»? Еще когда он сидел в районной тюрьме под следствием, Хажи-Бекир не раз выкрикивал эти слова, вслушиваясь, пытаясь понять, вникнуть если не в смысл, то хоть бы в созвучие, но все равно была одна тарабарщина, пустота, ничего, пыль под матрацем. Будь ты трижды проклят, выдумщик несчастный, сын шайтана, друг беса Иблиса и обезьяны с хвостом! Почему ты, сын курицы да индюка, не выдумал в противовес еще похлеще сочетание бессмысленных звуков, которым можно было бы все и восстановить так же легко, как и разрушить?! Ведь на яд должно быть и противоядие, на слезы — смех, на ночь — день, на горе — радость... А работа, работа какая у него была! Все в нем нуждались, как дымоход в трубочисте; все в

ауле считались с ним, уважали, на гудекане даже уступали место. А теперь из-за «талак-талак, талми-талак» у него ни жены, ни сакли, ни кола, ни двора. Кто он теперь? Бездомный пес, зверь, убегаящий от охотников, затравленный, подстреленный... И никакой надежды вернуть хотя бы право жить среди людей.

Спускался Хажи-Бекир по бездорожью, ибо все было под снегом и последнее время никто из шубурумцев не решался сойти в ущелье: боялись повстречать каптара. «Будь он тоже проклят, этот снежный черт! — думал Хажи-Бекир. — Свалился на мою голову, как на турецкого пашу Хамадара, который пытался взять горный аул Губден, женские шаровары: воинственный паша запутался в них, как муха в паутине, к великому веселью горцев! И меня сейчас приняли за каптара. А ведь могли запросто убить, будто кабана или медведя... Особенно этот неугомонный Кара-Хартум, что шляется всюду с ружьем. Выстрелил бы еще раз — и пришлось бы шубурумцам хоронить своего могильщика... Что за люди, а?! И как все они любят тайны, неведомое, неизвестное; так и спешат расколоть тайну, как орех, хотя порой орех-то оказывается пустым или в нем, свернувшись, лежит червячок, жирный, сытый и глупый. Зачем все знать? Кому это нужно, а? Нет, не могут люди жить спокойно, довольствоваться тем, что есть. Вечно им чего-то не хватает, а чего — и сами не знают...»

Не дойдя до реки и старой мельницы, Хажи-Бекир свернул вправо, где в тишине зимней ночи стоял заиндевелый лес. Долго блуждал он, пока разыскал заброшенный домик лесника. И вот наконец на поляне виден маленький каменный домик, как черная скала среди белых, поблескивающих при луне снегов. А вон поодаль сложены саженьями и колотые дрова, приготовленные на зиму для аула: так и лежат почти не тронутые. Спокойно подошел Хажи-Бекир. Рванул дверь, но дверь не открылась: заперто! Тщательно осмотрел могильщик дверь снаружи: не было ни замка, ни засова... Значит, заперто изнутри! «Неужели и здесь опередили меня? — тихо ахнул Хажи-Бекир. — Может, и тут ночуют охотники на каптара? Надо быть осторожным... И прежде всего не подходить к окну!»

Но что же делать?! Не ночевать же в снегу на морозе!

Хажи-Бекир потянул к себе ручку со всей силой отчаяния, но не рывком, а бережно; сбитая из неструганых досок дверь скрипнула, застонала и чуть-чуть отошла; кое-как удалось просунуть руку и нащупать щеколду... Осторожно вошел Хажи-Бекир, осторожно прикрыл и запер дверь, бесшумно шагнул внутрь и остановился, озираясь и приносясь. Дом дышал теплом. В небольшом очаге догорали последние поленья. Пахло жареной картошкой и вяленным мясом. Осторожно вытащил Хажи-Бекир горящее полено из очага и поднял, осматриваясь. На широких нарах у стены, накрывшись буркой, спал человек; ни возле спящего, ни у двери, ни у очага не было видно ружья. Хажи-Бекир обрадовался: разговаривать с одним — это совсем не то, что говорить с тремя, да еще вооруженными! Он не стал тревожить спящего: одолевал голод, а в доме так вкусно пахло! У окна висела половина вяленой бараньей туши; Хажи-Бекир нашел нож, отрезал всю заднюю ножку и присел перед очагом, поправляя дрова и поджаривая мясо... Острый

запах жареного наполнил дом; спящий чихнул. «Спи, спи, будь здоров! — сказал Хажи-Бекир, не сводя глаз с мяса. — Вот поем, тогда и потолкуем с тобой, добрый отшельник...» Не мог он дожидаться, пока прожарится весь кусок, стал отрезать ножом ломоть за ломтем и есть, громко чавкая. И так жевал и чавкал, пока не осталась в руках одна голая кость; но и кость не бросил могильщик, а сперва погрыз и пососал и еще раз осмотрел: не осталось ли где лоскуточка мяса? Но мяса не было больше нигде, и могильщик со вздохом бросил кость в очаг.

Теперь, когда он наелся и согрелся, к Хажи-Бекиру вернулось сознание своей силы, а с ним и самоуверенность. Могильщик подошел к нарам и стал тормошить спящего, приговаривая:

— Проснись, друг, проснись! Давай поговорим... Сперва спящий только замычал, лягнулся и хотел было повернуться на другой бок, но вдруг встрепенулся, скинул бурку и спросил таким громким и резким голосом, что у Хажи-Бекира зазвенело в ушах:

— Эй, кто здесь?!

— Не кричи так! — взмолился могильщик. — Кто б ни был, я живой человек. Давай поговорим...

— Хажи-Бекир?!

— Да. — Признаться, Хажи-Бекир немного растерялся: уж лучше б незнакомый, кто не знает, что он сбежал из тюрьмы. — А ты кто такой?

Вместо ответа обитатель домика кинулся к двери; однако Хажи-Бекир успел перехватить и, невзирая на яростное его сопротивление, подтащил незнакомца к очагу, к свету; но, едва взглянув ему в лицо, могильщик побледнел, отпрянул, закричал: «Таба, таба, аллах!», — гоня прочь привидение. Но призрак не исчез: стоял перед ним в трепещущем свете очага. Теперь уж сам Хажи-Бекир метнулся к двери, но призрак преградил дорогу.

— Ты же хотел поговорить со мной, Хажи-Бекир! — оглушающе громко сказал он. — Ну, что ж, давай говорить.

— Нет, нет, нет, нет! Не может быть! Это не ты!

— А кто же?

— Т-твой при-призрак...

— Это я, Хажи-Бекир. Да ты не бойся, я сам испугался, еще дрожу...

— Нет, нет, нет, это не ты! Это не твой голос! — лепетал могильщик; от ужаса глаза его расширились и остекленели, челюсть отвисла. — Адам?!

— Да, Хажи-Бекир, это я.

— Нет! Ты умер! Я сам хоронил тебя!

— Мертвые не едят вяленое мясо с картошкой, в раю у аллаха, говорят, другое меню, — возразил Адам, сел у очага и поправил поленья. — Вижу, и тебе пришлось по вкусу мясо...

Постепенно могильщик приходил в себя от спокойного голоса Адама, но все также стоял, окаменев, и не сводил глаз с Адама: вроде бы похож, маленького роста, горбатый; но голос, голос-то не его — оглушающе громкий, командирский, властный. Это у Адама-то, у сельского парикмахера, который всегда пищал и повизгивал!

— Уж не убить ли меня ты пришел? — спросил Адам.

«Не убить ли меня ты пришел?» — эти слова проплыли в доме, как шаровая огненная молния. «Убить?» Как он может убить того, кто своим внезапным возвращением из райских садов аллаха так чудесно воскрешает его, могильщика Хажи-Бекира?! Из преследуемого беглеца от правосудия, из затравленного зверя, убийцы, будущего каторжника этот милый Адам снова делает его, Хажи-Бекира, свободным, вольным человеком, которому открыт весь мир! Теперь он может даже поехать в Крым или в Латвию — куда угодно! И даже, может быть, ему позволят вернуться к прежней работе...

— Ты вправду Адам? — спросил Хажи-Бекир пересохшими от волнения, непослушными губами.

— Да.

— Ну-ка ущипни меня, если ты не призрак...

Адам подошел и ущипнул его в живот, просунув руку под полушубок.

— Ой, больно! Ну-ка еще разок! — радостно воскликнул Хажи-Бекир. — Так это и вправду ты, Адам, дорогой мой, горбатенький мой, хроменький, милый Адам! Ты живой!

И Хажи-Бекир крепко обнял сельского парикмахера.

— Ой, осторожнее! — закричал Адам, вырываясь.

— Ха-ха-ха, жив! Ха-ха-ха! — Хажи-Бекир то отходил и любовался, то кидался обнимать, то кружился вокруг Адама, пританцовывая какой-то нелепый танец восторга, хлопал в ладоши, смеялся, хохотал, всхлипывал, утирая глаза. — Ты — Адам! Ну, конечно, ты! Но ты же умер! Тебя же похоронили! Я сам видел твои кости и твою папаху...

— Какую папаху?

— Серую. Серую твою папаху, ее весь аул знает. Кара-Хартум нашел в Волчьем ущелье...

— Ох, бедняга!

— Кто бедняга?

— Я же поменялся папахами с Шахназаром. Значит, он попал в зубы черному волку...

— Так ему и надо, негодяю! Не будь этого шарлатана, разве пришлось бы мне мучиться?.. Ты — Адам? Конечно же, Адам, мой милый, дорогой горбун, мой мучитель и мой спаситель! — И опять пошел Хажи-Бекир вокруг Адама, пританцовывая и хлопая в ладоши. Видно, не только с горя теряют люди рассудок!

Вдруг могильщик остановился.

— А чего ж ты скрывался? Зачем?

— Отчего скрывался? Сначала от страха и великого желания не потерять ту, что негаданно приобрел... Но, конечно, я не вынес бы долго одиночества, если б... Хе-хе-хе, понимаешь: в ту ночь, когда я бежал от тебя и поскользнулся над пропастью, у меня вырвался крик...

— Разве это кричал ты?

— Да. Я сам себе не поверил, но крик был мой.

— А я думал...

— Ты подумал, что кричит каптар? Хе-хе-хе, и бежал же ты! Я слышал, как ты улепетывал... А я чудом не сорвался. Впрочем, и сорвался бы, беды все равно не было б: оказывается, я висел, вцепившись в камень, не над пропастью, как думал, а всего в двух вершках от земли... Хе-хе-хе! Ну и здорово ж ты бежал!

— Еще бы! От такого крика побежишь...

— Вот тогда и пришла мне мысль отомстить всем за насмешки — малым и старым. С того дня я и стал для Шубурума снежным человеком, каптаром. Мой крик пугал людей — я видел! Хоть раз я мог насмеяться над насмешниками! И я насмеялся вдоволь... Ну и нагнал же я страху в их души! А? Что скажешь, Хажи-Бекир?

— Скажу, что ты жесток, что ты убил, уничтожил аул, разрушил сакли, что люди покидают Шубурум. Скажу, что ты виновник этого опустошения...

— Да, я. Пусть! Я рад, что смог согнать людей, согнать упрямых шубурумцев с бесплодных камней. Давно мог бы я вернуться в аул, а но ходить тайком вокруг да около моей сакли, где живет Хева. Но когда увидел, что могу заставить людей покинуть наконец черствые, скудные горные земли, остался в этой убогой хижине. Я хочу, Хажи-Бекир, чтоб мои односельчане жили на богатых землях, у моря, жили новой жизнью... Там, где кино, телевизор, харчевня, театр... Я и сам хочу жить по-новому!

Да, доводы Адама были не простые, нельзя было не призадуматься... Молча смотрел на него Хажи-Бекир: сколько страданий принес ему этот человек своим желанием насильно переселить жителей Шубурума... Убить его? Но ведь он и ключ ко всей будущей жизни Хажи-Бекира. Адам — это свобода для него, вольная жизнь среди людей, гордая, чистая жизнь — незапятнанная...

— Пошли! — сказал Хажи-Бекир.

— Куда?

— Ты пойдешь со мной в аул, к людям.

— Ни за что! Пока не выгоню из аула всех до единого.

— Ох, не ори! Оглушил.

— И еще: Хева моя! Понял?

— А если я соглашусь, тогда пойдешь?

— Тогда пойду... А ты не обманешь?

— И не подумаю.

— Клянись!

— Чем?

— Своей жизнью.

— Своей прежней проклятой жизнью? Пожалуйста.

— Нет, поклянись своей будущей жизнью.

— Клянусь всеми радостями, каких еще жду от жизни, — сказал Хажи-Бекир.

С каждой минутой все теплее, все радостнее становилось у него на душе: вот и кончились невзгоды, будто приснились! Главное, что перед ним сидит живой и здоровый Адам, его освобождение и защита! А Хева — шайтан с ней, все равно она сама не хочет возвращаться к нему... Ничего, найдется и Хажи-Бекиру какая-нибудь девица или вдова если не в Шубуруме, так хотя бы на новом месте: ведь и Хажи-Бекир после всех злоключений и позора не хочет оставаться в этом ауле. Поэтому успокоился Хажи-Бекир, успокоился, развеселился, и они заключили мир, который в истории может быть назван Пурбанчайским миром, ибо так называется река, что протекает в ущелье и когда-то крутила колесо старой мельницы...

Мир они скрепили добрым ужином: зажарили и съели всю баранину и картошку, какая еще оставалась в старом доме лесника у Адама.

О ТОМ, КАК ЛОПНУЛ НАДУТЫЙ ОВЕЧИЙ ПУЗЫРЬ

События в ауле Шубурум показались, видимо, настолько значительными и ошеломляющими, что ими заинтересовались самые разные люди из самых разных мест, близких и дальних. И сегодня сюда привалило столько народу, сколько за все годы не собиралось кунаков: паломники на святую могилу Адама, любопытные туристы, прослышавшие про удивительный аул в поднебесье, целый отряд ученых и специалистов по снежным людям — хорошо организованная и богато снаряженная экспедиция; оказались здесь и ревизоры, приехавшие выяснить, какой ущерб причинил колхозному складу снежный человек; прибыли и представители охраны общественного порядка, которые, впрочем, собирались ловить не снежного человека, а бежавшего из заключения убийцу... Никогда еще не было в Шубуруме такого оживления. Дети совсем сбились с ног: нужно было везде поспеть, все посмотреть, заглянуть в окна сельсовета и колхозного правления, обсудить одежду, очки, машины ученых, выклянчить у них значок или марку для коллекции, побывать у святой могилы, подивиться на туристов с фотоаппаратами и биноклями...

Казалось, приезжих в ауле больше, чем коренных жителей: еще вчера ночью многие покинули Шубурум. Теперь не было недостатка в свободных помещениях, и Мухтар с Чамсуллой радушно встречали приезжих, не спрашивая, кто и зачем прибыл, а просто отводили в пустые сакли, говоря: «Добро пожаловать, устраивайтесь и живите, сколько угодно; мы давно ждем вас, редко у нас бывают такие почтенные люди!» Ничего не поделаешь: таков обычай горского гостеприимства... А тем, кто прибыл ловить снежного человека, Чамсулла и Мухтар говорили: «Надеемся, вам будет сопутствовать удача и вы поймаете этого снежного шайтана; пожалуйста, он к вашим услугам, он в наших горах — сами видели и слышали его крик. Избавьте от него: это из-за каптара люди преждевременно покинули сакли... Впрочем, когда-нибудь это все равно должно было случиться, перед ветром времени не может устоять прошлое... Как ни жаль, а расставаться с горами надо!»

Чамсулла и Мухтар стояли с почтенными гостями возле сельсовета, когда все обратили внимание на странную процессию: это возвращались, тащились, едва передвигая ноги, brave смельчаки, первые охотники на каптара. Али-Хужа шел впереди с перевязанной головой, припадая на одну ногу; он выглядел самым brave из всех и даже нес на плече два охотничьих ружья, но еще никогда шубурумцы не видали старика таким мрачным... За ним тащились усталые, измученные, изодранные и покалеченные, голодные и продрогшие Кара-Хартум и Касум, неся на самодельных носилках Хамзата с окровавленным лицом. «Ого! — подумал Мухтар. — Здорово ж их разделал каптар!»

А между тем каптар был здесь ни при чем... Той же ночью, когда повстречали и ранили Хажи-Бекира, они в сакле на Шайтан-перевале почувствовали неладное: кто-то не раз подходил к двери и вроде бы принимался. Охотники выскочили наружу — на снегу отчетливо виднелись звериные следы! Побежали по следам, обогнули саклю, думали увидеть каптара, а увидели горящие глаза черной волчицы, готовой броситься на любую

жертву: зима в том году была для зверя голодной, и живот волчицы присох к ее хребту. И тут... Говорят, в каждой стране есть верста плохой дороги, а у каждого храбреца — минута трусости! И тут бесстрашный, неустоимый охотник Кара-Хартум вдруг вскрикнул заячьим голосом и бросился бежать. Волчица кинулась за ним, друзья поспешили на выручку; в смятении и суматохе борьбы Али-Хужа сорвался с обрыва, ушиб голову, вывихнул ногу... Все же Касум поразил волчицу Мухтаровым кинжалом. Содрали шкуру, вытряхнули все остальное. Но теперь начался спор из-за шкуры. «Шкура моя! — яростно кричал Кара-Хартум. — Я хорошо знаю эту волчицу. Я ее три месяца выслеживал!» — «Так почему ж ты удирал?!» — возмутился Али-Хужа. «А вы подумали, что я испугался?! Ха-ха-ха! Просто я хотел увести волчицу в сторону. Нельзя же стрелять, когда вы все в куче возле нее!» — «Хватит! — крикнул Али-Хужа. — Шкура моя: я больше вас пострадал на этой проклятой охоте».

Пока Али-Хужа и охотник тянули друг у друга из рук шкуру, Хамзат и Касум поспорили на иные темы; об Айшат и о любви. И так любовно в пылу спора стали тузить друг друга кулаками, норовя попасть по единственному не прикрытому полушубком месту — по лицу, что свалились с того же самого обрыва, с которого падал и Али-Хужа. Впрочем, по молодости лет пострадали меньше... Однако Хамзат заявил, что двигаться не может, и Касуму с Кара-Хартумом пришлось тащить его на самодельных носилках; кто знает, может, Хамзат мстил за поражение Касуму тем, что заставил нести себя? Ревность и месть изобретательны, а на шубурумских высотах особенно!

Когда они вступили в аул, со всех сторон сбежались люди, думая, что несут связанного каптара. Но увидели избитое лицо ветеринара и отвернулись с разочарованием, словно Хамзат не стоил и мизинца каптара! Вот до чего дожили шубурумцы: теперь их ценили меньше снежного человека!

Слух о неудачной охоте на каптара разлетелся по аулу — и еще несколько семей стали укладывать вещи, чтобы спуститься с проклятых высот в благословенную долину, где нет снежных людей и много плодородной земли. На, этот раз Мухтар и Чамсулла не препятствовали тем, кто хотел покинуть уже многими покинутый аул: после долгих переговоров и просьб шубурумцам разрешили переселяться на плато в горах Чика-Сизул-Меэр, где строится самая крупная гидростанция Сулакского каскада — Чиркейская — и уже вырос поселок двух- и трехэтажных городских домов.

Только одна Хева жила в сакле Адама без тревог и волнений, никуда не собираясь переезжать. Да и что ей волноваться? У нее все запасено на зиму: сушеное мясо, и мука в мешках, и дрова саженями во дворе, и картошка в погребе под соломой; кончится это — принесут снова. А взамен надо только рассказывать людям о святости ее второго мужа, своего любимого, дорогого, обожаемого, как она теперь говорит, Адама, что так безвременно ушел от нее: видно, аллаху он был нужнее! И скучать ей некогда: всегда народ, рассказы, новости... Сегодня она прибирала в комнатах, готовилась принять новых паломников на святую могилу. Хажи-Бекира она теперь и вовсе ни во что не ставила. «В

сравнении с Адамом это был сущий дьявол! — говорила она. — Будь он проклят, что поднял руку на Адама! Разве можно обидеть такого ангела?»

Она прибирала в гостиной, когда перед ней предстал Адам.

Сначала Хева даже не обратила внимания и только, как обычно, проговорила:

— Заходите, заходите, гости дорогие. Да услышит вас аллах!

— Ну, я не гость, я твой муж, Хева! Разве не узнаешь? — ответил Адам, стараясь говорить потише, чтоб не испугать.

Хева глянула и обомлела. Хотела закричать — голоса нет; закрыла руками лицо, забормотала что-то вроде «астахпируллах, астахпируллах», — видно, паломники успели кое-чему научить из Корана. Отняла руки, снова взглянула с ужасом и недоумением на улыбающегося Адама.

— Какой я гость? Я хозяин, жена!

— Кто ты?!

— Я Адам, хромой, горбатый, писклявый Адам, твой муж!

— Нет, это не твой голос!

— Да, ты права, голос у меня изменился...

— Зачем, зачем...

— Что?

— Зачем ты вернулся оттуда? Кто тебя звал?

— Молитвы твои и твоих паломников, Хева.

— Ты же умер! Тебя хоронили...

— Эх, Хева! Сейчас ты все равно не поймешь... Поставь лучше хинкал да пожирнее выбери грудинку, — сказал Адам и спокойно устроился на тахте: подложил поудобнее подушки и развалился, будто косарь на сенокосе в обеденный час. — Эх, и хорошо дома! — промолвил он блаженно и тут же захрапел на весь дом: словно бегемот полоскал рот.

Хеве казалось, что она сошла с ума. Бледная, она то застывала на месте, то металась по комнате, хватая и тут же выпуская вещи. Думала: уж не спит ли? Но пыталась проснуться и не могла! Выскочила на веранду, посмотрела вокруг: нет, ничего не изменилось в мире: горы, покрытые снегом, скалы, земля, солнце светит. Ущипнула себя — и охнула от боли. Вернулась в комнату: нет, привидение не исчезло, лежало на тахте и храпело так, что

тонко позвякивала посуда. Тихо подошла к тахте, нагнулась, всмотрелась: нет сомнений, Адам! Осторожно дотронулась: теплый, плотный, телесный, а не бестелесный... Опять вышла и опять вернулась. Он не исчезал: Адам лежал в теплой комнате на тахте в своей сакле! «Может, после хинкала с грудинкой исчезнет?» — совсем уж странно подумалось Хеве: нет, она не могла и в мыслях допустить, что Адам вернулся с того света навсегда... «Надо поскорее приготовить ему хинкал, он же просил!» — подумала Хева и выбрала самую жирную грудинку: ей впервые довелось угощать святого!

Возвращаясь из небытия к людям, Адам и Хажи-Бекир шли рядом и дружески беседовали, словно между ними никогда не пробежала ни черная, ни серая кошка. К Шубуруму они поднялись с востока, и здесь, на окраине, у самой развилки дорог, Адам увидел квадратное строение из тесаного камня с куполом-луковкой, увенчанной шаром; возле него многие люди то молились на ковриках, то сидели, перебирая четки, несмотря на мороз и снег.

— Что, объявился новый шейх? — удивился Адам.

— Да, — улыбнулся Хажи-Бекир. — Можешь радоваться.

— Чему?!

— Да ведь этот святой — ты!

— Как это я?!

— Здесь твоя могила.

— Моя могила? И это ты, конечно, поторопился вырыть мне могилу?

— В Шубуруме нет другого могильщика...

Адам вдруг ухмыльнулся:

— А если объявить паломникам, что я жив, а?

— Не поверят.

— Пожалуй, ты прав... Они так увлечены своим делом, что, наверное, им все равно, кто тут похоронен: то ли шейх, то ли Шахназар, то ли кости его лошади и моя папаха... А все-таки приятно...

— Что тебе приятно?

— Да вот так постоять перед своей могилой и поглядеть на людей, которые восторженно чтят мою память. Уверен, когда я умру на самом деле, такого почета не будет...

— Нет, нет, ради аллаха, не помирай! И вообще человеку положено помирать один раз, два раза умирать — это уже смешно!

— Гм, да. Ты прав.

— И мне ты нужен живой, а не мертвый! Пошли! Не мешай людям молиться.

— Все-таки надо им сказать!

— Нет, нет! Это будет кощунством, осквернением могилы святого Адама.

— Ну, я еще не покойник!

— Ну, знаешь, от их кулаков можешь стать и покойником, если рассердишь.

— Неужели они предпочитают меня не живым, а мертвым?!

— Такова наша вера: при жизни человек не дороже муравья... Ну, пошли, пошли, паломники уже косо поглядывают, думают, что мы смеемся над ними.

— Да как же не смеяться?! Меня, сельского парикмахера, люди считали каптаром, когда вот они — целое стадо каптаров!

Адам не хотел идти, собирался еще рассуждать, но Хажи-Бекир силой оттащил парикмахера от его могилы и повлек в аул. Однако когда поравнялись с воротами его сакли, Адам уперся и решительно отказался идти дальше. Хажи-Бекир умолял Адама сначала объявиться в сельсовете; парикмахер был неумолим.

— Кому надо, пусть придут ко мне, — гордо заявил он и ушел.

Адам звал к себе Хажи-Бекира, но тот лишь покачал головой; он не хотел встречаться с Хевой; в конце концов это она чуть не отдала его на самосуд разъяренной толпы...

И Хажи-Бекир один пошел прямо в сельсовет.

На площади толпился народ. Айшат еще суежилась: перевязывала раны отважным охотникам на каптара. Хамзат едва не вскочил с носилок, увидав, как заботливо и даже нежно перевязывает Айшат лицо Касума. Может, он все же поднялся бы, чтоб ударить корреспондента, но тут появился Хажи-Бекир. Могильщика сразу окружили блюстители общественного порядка и сказали, что он арестован именем закона.

— За что? — громко спросил могильщик.

— За убийство парикмахера Адама! — сказал, подойдя, Мухтар.

— А если я не убивал? — улыбнулся Хажи-Бекир.

— Бегством из тюрьмы ты сам доказал свою вину. Уведите!

— Нет, нет, постойте! Ха-ха-ха... Адам жив! — крикнул, торжествуя, Хажи-Бекир.

— Как это — жив?! — зашумели кругом. — Мы сами его хоронили! Чего он нас дурачит?! Просто он с ума сошел!

Похохатывая, Хажи-Бекир рассказал все: что только сейчас он проводил Адама целым и невредимым в его саклю, что каптара нет и не было, а была месть Адама насмешникам и озорникам, что слухи о снежном человеке просто досужий вымысел болтунов и сплетников... Его слушали разинув рты.

— А крик? — спросил кто-то. — У Адама был тонкий, писклявый голосок...

— Вот голос у него, правда, изменился, — ответил могильщик.

— Да, все может быть, — глубокомысленно заметил Али-Хужа. — Я сам своими глазами видел, как без насадки выводят цыплят!

Нет, все-таки никто не хотел верить.

— Да что слушать его сказки! Пошли к Адаму! Да держите покрепче этого враня, чтоб опять не убежал!

— Теперь-то я не убегу, дудки! — захохотал Хажи-Бекир.

На шум из сакли вышла испуганная Хева и сказала?

— Он спит, потише, пожалуйста!

Она с детства привыкла благоговеть перед святыми.

— Разбуди! Немедленно! — заревела толпа.

И вот на веранду вышел, недовольно морщась, заспанный Адам.

— Вах, вах, вах! — закричали в толпе. — Он живой! На самом деле живой! Это Адам! Да, да, наш Адам!

— В чем дело? — спросил парикмахер, остановившись у перил и заложив руки за спину; он все еще торжествовал победу над аулом. — Что, почуяли запах хинкала, который приготовила моя Хева? Добро пожаловать, прошу на хинкал! Только не забудьте принести вина...

Оцепенелые, ошалелые, растерянные, окаменевшие от удивления стояли шубурумцы перед саклей Адама: никогда не слышали они, чтоб Адам говорил так четко, мужественно, членораздельно.

— А крик? — вспомнил кто-то. — Крик каптара! Пусть закричит!

Кричать Адам не хотел: в этом ему почудилась насмешка — мол, опять издеваются! Требуют, чтоб изображал каптара для их развлечения... Но Хажи-Бекир пал на колени, умоляя:

— Не подводи, будь другом! Они же не верят мне, думают, что вру! Я же не требую, чтоб ты сказал те проклятые слова, начало всех моих бед...

Наконец Адам уступил; парикмахер зажал ладонями собственные уши, закинул голову, раскрыл рот — и громовый рев пронесся по Шубуруму! Отозвались скалы, горное эхо пошло блуждать и перекликаться; дети ткнулись головами в материнские подолы и зарыдали; женщины в страхе прижались к мужьям, ища защиты.

Так все убедились, что миф о снежном человеке лопнул, как не в меру надутый овечий пузырь.

И пожалуй, самое жестокое разочарование пришлось на долго ветеринарного врача Хамзата: некого ловить в окрестных горах, ибо нет никакого каптара; а значит, и нет надежды добиться руки красавицы Айшат... И не будет никакой диссертации! И статья, напечатанная Хамзатом в газете: «Об ископаемом животном, неверно именуемом снежным человеком», — теперь вызовет только насмешки да издевательства...

Из Шубурума блюстители общественного порядка вместо Хажи-Бекира увезли Одноглазого Раджаба, которому за полным отсутствием каптара теперь пришлось в трезвом виде признаться, что он сам поджег документы на складе...

Говорили, что от крика Адама даже из его собственной сакли на виду у всех выпало несколько камней — и это было началом разрушения Шубурума, аула в поднебесье, который ближе к аллаху, чем к земле, прекрасной, плодородной, цветущей, благоуханной земле родного Дагестана.

ЭПИЛОГ

Мирно цокая подковами по кремням и гранитам, кивая головой, словно о чем-то раздумывая и с чем-то соглашаясь, мой конь спустился с высоких холодных гор к теплым предгорьям, на плато Чика-Сизул-Меэр, в молодой город из белого известняка и золотистого туфа с красным кирпичом; в молодой город на берегу спокойного пресного рукодельного моря, еще не нанесенного на карту скупыми картографами.

Здесь цветет, смеется и поет весна. Как отец голову дочери, солнце гладит горячей ладонью нежную землю. Ласковый шум листьев, тенистые аллеи грецкого ореха, улицы с двумя рядами пирамидальных тополей, бульвары, на которых цветет белая акация... Суэта будничного дня, шум машин. На городской улице я на коне выгляжу, наверное, странно: прохожие оглядываются, и цокот подков по каменной мостовой разносится далеко по переулкам, рождая многие маленькие эхо в домах и подворотнях городских зданий.

Все же шубурумцы и здесь верны себе: не хотят жить в городских квартирах больших домов, а норовят устроиться в домике на одну семью, что спрятался в цветущем палисаднике. Это все «особняки-самострой», воздвигнутые на государственную ссуду, и, как говорят горцы, «в таком доме стыдно помирать!».

Каждый шубурумец знает не понаслышке, как рождался этот город, эта гидростанция, это водохранилище, потому что он был не только очевидцем, посторонним наблюдателем, но и сам строил и дома, и гидростанцию на Сулакском каньоне с бетонной плотиной высотой двести сорок метров. До сих пор дивятся шубурумцы, что здесь работают всего семь часов в сутки, и, чтобы не сидеть сложа руки, все свободное время копошатся в палисадниках; любят и знают шубурумцы землю и до сих пор говорят с восторгом, что земля тут такая жирная и сочная — хоть на хлеб намазывай вместо меда! К тому же и палисадники перед домами не меньше, чем бывлые поля-терраски на шубурумских высотах.

Невольно вспоминаешь слова безвестного певца Страны гор:

Лучше спой ты песню о печали, Не жалея слов, с улыбкой спой! А настанет радость — пой потише, Все равно с волненьем будут слушать.

Наверное, и мне пора петь потише.

Кто это идет впереди, весело разговаривая и смеясь, щебеча, воркуя, чирикавая, как пара птиц на гранатовом кусте? Ба, да это ж наши знакомые — Айшат и Касум, врач и корреспондент, жена и муж; Касум перешел работать сюда спецкором столичной газеты. «А Хамзат?» — спросите вы. Бедняга не пожелал ежедневно встречаться со счастливым соперником и устроился на работу в колхоз подальше... Отец Айшат, которого в Шубуруме звали «сельсовет Мухтар», трудится теперь в горисполкоме; Чамсулла заведует отделом готового платья в универмаге: то-то все шубурумцы щеголяют в новеньких модных костюмах! Вас интересует судьба Хажии-Бекира? Сельский могильщик изменил своей прежней профессии и теперь строит дома для людей; прежде заботился о мертвых, теперь заботится о живых... И чувствует себя как будто неплохо. Только подругу себе еще не нашел: как выражаются горцы, он одинок и не с кем ему грызть орехи. Кто знает, может быть, он лелеет в душе мечту, что когда-нибудь Адам обожжется горячим бульоном и крикнет в гневе те проклятые слова? Но Адам не такой дурак и, хотя обжигался уже много раз, не обидел Хеву бессмысленной тарабарщиной; ради пущей осторожности он закрепил свой брак с ней регистрацией в загсе, а свидетельство носит в нагрудном кармане около сердца — так надежнее... Право, если б Адам не был давним членом Союза безбожников, я б все-таки назвал его святым: с такой кротостью переносит он и горячие бульоны, и другие невзгоды семейной жизни! Ведь Хева теперь уже освоилась со своей судьбой и живет со святым, как с самым обыкновенным человеком.

Кара-Хартум устроился продавцом в охотничьем магазине и рассказывает покупателям разные случаи из пережитого; наибольшей популярностью пользуется героическое повествование о том, как он выследил и убил страшную черную волчицу. Что ж, рыболовам и охотникам рты не завяжешь...

Вот и остался позади центр города, начинаются «шубурумские особняки». Пора наконец спешиться и дальше вести коня в поводу. Только свернул в переулок — вижу, идет Али-Хужа с бамбуковой удочкой и сумкой, полной рыбы: он живет здесь, по соседству с Хужа-Али. После долгой разлуки встретились, и оба неслыханно обрадовались, хотя тут же начали спорить и даже ссориться. Хужа-Али никак не мог забыть того, что в давние времена было на опушке леса...

А замечательную рыбку несет Али-Хужа — осторожную, ловкую, красивую, вкусную рыбу горных рек — форель!

Но почему он идет не к себе, а к соседу? Похвастаться хочет, что ли?

У открытой калитки его радостно встречает бабушка Айбала, жена Хужа-Али. А сам Хужа-Али в это время, присев на корточки, мажет стволы карликовых деревьев известковым раствором. Он сразу заметил сияющее лицо жены и сразу догадался, кто к ним пожаловал, вот и спрашивает громко и ворчливо:

— Чего пришел?

— Совсем из ума выжил старик! — возмущается бабушка Айбала, унося сумку с рыбой. — Разве у гостя спрашивают: «Зачем пришел?»

— Не тебя спрашиваю...

— Я пришел сказать, — говорит, приближаясь, Али-Хужа, — хочешь или не хочешь, а придется тебе смириться с тем, что у нас теперь одна старуха на двоих.

— Что-о?! — поднимается Хужа-Али. — Только этого еще не хватало...

— Чего ты кипятишься? Разве мало нам одной на остаток жизни?

— Ну и язык же у тебя. Уходи! — кричит Хужа-Али и выталкивает друга за калитку.

— Эй, эй, что ты делаешь? Отдай мою рыбу! Люди, меня ограбили! — весело кричит Али-Хужа.

— Какую рыбу? — спрашивает, снова открывая калитку, Хужа-Али.

— Я принес рыбу, во-от таких форелей!

— Не может быть! А где ж она?

— У старухи. Думаешь, это меня она обнимала у калитки? Дудки! Не меня, а сумку с форелями.

— Форели — это здорово! — радуется Хужа-Али. — Нет лучшей закуски к моему вину... Входи, входи...

И Али-Хужа входит, смеясь, в раскрытую перед ним калитку.

— Бросай все, пошли! — говорит он Хужа-Али. — Сейчас наша старуха пожарит рыбку.

— Не «наша», а моя!

— Хорошо, хорошо, не твоя, а наша. Пошли.

Вошли старики в дом, отодвинули стулья, положили на пол подушки, сели, — ну, к чему столько этой роскоши, мебели! — на полу, по крайней мере, чувствуешь под собой твердую почву! Сели и теперь за бокалом доброго сухого вина беседуют о Шубуруме и добром старом времени...

Не выдержав, привязываю коня к штaketнику и присоединяюсь к милой компании стариков, которым всегда приятен лишний собеседник.

Теперь, когда передо мной исходит паром нежная дагестанская форель и стоит бокал светлого, ароматного геджухского вина, я поневоле умолкаю. Вот только предложу тост славным шубурумским старикам: пусть в вашей жизни, дорогие, будет столько бед, столько несчастий, столько горя и печали, сколько капель вина останется в моем бокале!

Дерхаб!

1967

Примечания

1

Жамиат — община, сельский мир.

(обратно)

2

Кибла — направление к Мекке, священному городу мусульман.

(обратно)

Оглавление

- ПРОЛОГ
- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
- МОГИЛЬЩИК И ПОХЛЕБКА
- МУЖ ВЫДАЕТ ЖЕНУ ЗАМУЖ
- СЛУХИ РОЖДАЮТСЯ НА ГУДЕКАНЕ
- АДАМ И ХЕВА
- ВОПЛЬ В ПОЛНОЧЬ
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ
- СЛЕДЫ НА СНЕГУ

- НА ШАЙТАН-ПЕРЕВАЛЕ
- МОГИЛЬЩИКА УЛИЧАЮТ В УБИЙСТВЕ
- АУЛ ТРЕБУЕТ ВОЗМЕЗДИЯ
- ПОЯВЛЕНИЕ КАПТАРА
- ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ
- О ПРЕВРАТНОСТЯХ СУДЬБЫ
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
- ОДНОГЛАЗЫЙ С ЗОЛОТЫМ КЛЮЧОМ
- ПРОДЕЛКИ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА
- ХУЖА-АЛИ И ЕГО СТАРАЯ ОСЛИЦА
- ВО ХМЕЛЮ, КАК В ЗЕРКАЛЕ
- В ГОРНЫЕ УЩЕЛЬЯ, НА ВОЛЮ!
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
- ИЗ СЛОВ НЕ СВАРИШЬ ПЛОВ
- ЛЮБОВЬ И ХИНКАЛ
- В ЗАБРОШЕННОМ ДОМЕ ЛЕСНИКА
- О ТОМ, КАК ЛОПНУЛ НАДУТЫЙ ОВЕЧИЙ ПУЗЫРЬ
- ЭПИЛОГ . . .